

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ
И КУЛЬТУРЫ

I

ПЕЧАТА
1926

5-ЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ.

5-ЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ.

Открыта подписка на 1926 год
на ежемесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией **В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина.**

В каждом номере „Воли России“: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отзывы. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1925 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Безпалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верещак, Н. Воронович (Варшава), В. Гуревич, Е. Зноско-Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева), Д. Ивицкая (Россия), Э. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климушкин, К. Кочаровский, И. Каллиников, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Линель (Россия), Д. Лутохин, Ф. Мансветов, Н. Мельникова-Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград), Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ницца), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Н. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для «Воли России» написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшейд (Германия), Ван-Чу-Ху (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гауш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант-Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альберт Тома (Швейцария), Сентаржицкий (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Дживанни Зиборди (Италия), С. Хондокорян (Армения), С. Янниос (Греция).

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполинар (Франция), В. Вавчура (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезина (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена отдельного номера: в Чехословакии — 15 кр., Югославии — 30 дин., Болгарии — 40 лева, Франции, Бельгии, Турции — 12½ фр. Англии — 2 шилл., Америке — 50 цент., Германии — 2 мк., Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Австрии — 15 ч. кр.

Адрес редакции и конторы:

„Volja Rossii“, Uhelný trh., Praha I. Tchécoslovaquie.

В О Л Я Р О С С И И

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

под редакцией

В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,

Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА

5-ый ГОД ИЗДАНИЯ

I

ПРАГА

PRAGA, UČELNÝ TRH ČÍS. 1.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Ромэн Роллан</i> : Игра любви и смерти	3
<i>Марина Цветаева</i> : Крысолов	60
<i>В. Булгаков</i> : Встреча с Р. Ролланом	71
<i>М. Шаповал</i> : Развитие и современное состояние украин- ского социалистического движения	83
<i>Аграрная анкета:</i>	
Предисловие	104
<i>Эмиль Вандервельде</i> : Социализм и крестьянство	105
<i>Нозль Бекстон</i> : Земля и государство	108
<i>Леон Жуо</i> : Синдикализм и аграрный вопрос	109
<i>Отто Бауэр</i> : Аграрный вопрос в Австрии	109
<i>Иозеф Стивин</i> : Чехословацкая социал-демократия об аграрном вопросе	111
<i>Ф. Дан</i> : Аграрный вопрос у русских марксистов	112
<i>В. Чернов</i> : Социализация земледелия	116
<i>Е. Сталинский</i> : Социализм и крестьянство	121
<i>Иностранная жизнь:</i>	
<i>Бела Линдер</i> : Венгерская проблема	142
<i>Среди книг и журналов:</i>	
<i>Зноско-Боровский</i> : Парижские поэты	153
<i>Н. Мельникова-Папоушск</i> : Шарль Дэрэн и его животный эпос	163
<i>Н. Рубакин</i> : Из области книжного дела	171
<i>В. Архангельский</i> : Переводная литература	181
<i>Отзывы о книгах</i>	185
Систематический указатель статей, помещенных в Воле России 1925 г.	189

Игра любви и смерти.

ДРАМА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Игра Любви и Смерти есть часть моего Полиптиха, посвященного Революции.

Двадцать пять лет тому назад я обдумал и набросал общий план этой драматической эпопеи. Обстоятельства меня вынудили прервать работу. Но я никогда с ней не расставался.

В 1900 году, когда я присутствовал в театре «Есколье» на репетициях «Дантона», заканчивая «14 июля», я писал:

«По мере проникновения в этот мир страдания и сверхчеловеческой мощи, я чувствую, как во мне зарождается гигантская драматическая поэма, в которой, как смена пьющих и мрачных дней, вновь оживут эти вздыбившиеся океаны, — Иллиада французского народа. Врата сознания никогда еще не были так резко сорваны с петель. Никогда еще нельзя было так близко склониться над бездною духа. Никогда еще незримые боги и чудища, живущие в тайной непостижимости сердца, не восставали так явно из ночи, как в эту минуту, великолепную и ужасную, точно удар грома. Я хочу не только создать героическую драму из прошедшей эпохи, но и исследовать силы и пределы жизни».

Согласно моим методам работы, я предоставляю работать самой идее. Прежде чем сконструировать цикл, я выжидаю, чтоб он сам сложился во всех частях. Теперь это сделано. Идея моя постепенно созрела, пока я возделывал другие поля: «Жан-Кристоф», «Кола»; и подымал целину «Очарованной Души». Успею ли сжать и собрать свой посев до конца дней

моих? Я не знаю; но мне нет до этого дела; каждому часу, своя радость и свое горе!

Я не могу здесь, до срока, снять покрывало с ряда произведений, которые в моей мысли образуют драматический «жест» Революции. Всякий, кто сколько нибудь прикасался к творчеству, знает, что никогда не следует срывать юный плод, еще не достигший зрелости. Произведение, обнаженное его господином и повелителем, перестает принадлежать ему, как жена Лидийского царя Кандавла. Да не являет его художник ничьим глазам, прежде, чем оно закончено!

Я только скажу, что мой Полиптих о двенадцати створках, предоставляя сатирической буффонаде место около драмы и сохраняя за пасторалью ее тихое гнездо в лесу событий, мой Полиптих хочет быть симфоническою картиною народного урагана. Сперва видны отдаленные отблески социальной грозы на Фрагонаровском небе Эрменонвиля, в последние дни Предвестника-ясновидца. Она приближается тяжким шагом, она рушит стены, охвачена юною резвостью Оды в честь Радости. («14 июля»). Она пробуждает чудовищ, спящих во глубине человеческого сердца; ее разрушительные силы, развязанные Учеником Мага, ускользают от воли. Она топчет все и громоздит Пелеон на Оссу: Жирондисты, Кордельеры, Якобинцы, Дантон и Робеспьер, великаны, сраженные молнией («Волки», «Торжество Разума», «Дантон», дополняющий «Робеспьера»). И разрушив прошлое и самих разрушителей она, взмахнув крылом, вылетает в поля, окутанные огнем и дымом. Красный туман оседает на дальних краях обновленного мира, меж тем как в Эпизоде, — когда Революция кончена, — горсть изгнанников императорской Франции, роялистов и цареубийц, этих помирившихся врагов, в Швейцарской долине по ту сторону Юры, за вратами родины, вкушает мир, вернувшийся в их бурные сердца и вечный покой небес, принадлежащий всем.

Если в последнее время, несмотря на новые обязанности, я вновь обратился к этим прерванным трудам, то это лишь под давлением моих иностранных друзей. Ураган, который пронесся над Францией в 1793 году и оставил за собой огненный след, ныне угасающий, продолжил свой путь к Востоку. Он раскинулся по равнинам Германии и России; рой демонов, вышедших с Запада, ныне грызет души других народов, между тем как наш народ высыпается после слишком буйного похмелья. Страсти людей нашего Конвента, умершие в наших сердцах, с новой силой воскресают в сердцах Востока. Берлин и Москва их познали. Представления «Дантона» в Цирке-Театре Макса Рейнгардта вскоре после берлинских революционных боев, произвели на публику потрясающее впечатление, ибо они показали отголоском тогдашних схваток — под мрачными сводами истории. «Волки» тоже всколыхнули в

сердцах Германии, Чехословакии, России и даже, в последние месяцы в обезжизненном страшным землетрясением Токио, — трагическую проблему ставшую вновь современной, столкновение личной совести с задачей государства: *salus publica* вновь столкнулась с *salus aeterna*.

Истинный европеец Стефан Цвейг, который пятнадцать лет был мне вернейшим другом и лучшим советником, не переставал напоминать мне, что мой первый писательский долг — долг каменщика, который обтачивает кровавую гору Революции. — И вот, я вновь ударяю киркой в скалу. Вот первая глыба, которую отколол я прошлой весной. Я написал на ней имя Цвейга. Без него она продолжала бы спать под землею.

Все, хорошо знающие Французскую Революцию, с первого взгляда узнают людей и события, которые послужили темой моего трагического представления. Мемуары Лувэ дали мне поучительную историю этого человека, обреченного, отверженного всеми друзьями, который сознав свою гибель, вернулся из Жиронды в пасть смерти, в Париж и пронес через всю Францию свою оцененную голову, чтобы прежде чем пасть, она поцеловала губы возлюбленной. В чертах последней можно узнать слегка прикрытый образ Софии Кондорсе, меланхолическую прелесть подруги Кабани. С. А. Жером де Курвуазье своим именем и характером напоминает о двух жертвах: о последнем энциклопедисте и о гениальном Лавуазье; но преобладающими остаются черты человека с челом победителя и губами побежденного — черты Кондорсе, который спрятавшись в своей Люксембургской мансарде, прежде чем принять яд, спешил изложить свое *sredo* в «*Прогрессе человеческого разума*», кончающимся криком веры: «*Наука победит смерть!*» «Вулкан под снегом», говорил о нем д'Аламбер... После страшной зимы 1793 года, снег начинает по-немногу таять под мартовским солнцем; здесь-то и начинается действие драмы. Но пламя таят во всех оледенелых сердцах, и слова д'Аламбера могут относиться ко всем. Я мог бы поставить их эпиграфом к своей драме.

Я прошу извинения у историков за те вольности, которые допустил в отношении своих героев; (они особенно велики в рассказе Курвуазье о заседании Конвента). Я уже не раз (в моем «*Народном Театре*», в предисловии к «*Театру Революции*» и совсем недавно в предисловии к американскому изданию «*Монтеспан*») высказывал без обиняков, как я, в качестве художника, понимаю историю. Она для меня — хранилище Страстей и Сил природы. Я черпаю из него. Я вызываю со дна этой могилы великую человеческую дикость, тысячеголового

Зверя, вечный Народ, les Bellnaires. Я отнюдь не стараюсь их делать правдоподобными, ибо они бессмертны. Я вспоминаю высокий урок Микель-Анжело, когда он ваял вместо Лоренцо — Мыслителя: «Через сто лет он будет похож». Дело искусства — спеть, если возможно, гимн «für alle Zeit». Смерч 93 года еще ходит по земле. Мы слышим, как трещат ближние леса. Мы сами, во время дела Дрейфуса, потерлись шерстью о шерсть волков. Во время одного представления в «Народном Театре» Луме (в том самом, где говорил Жорес), я подслушивал замечания простой публики, простодушно узнававшей в лице Дантона, Робеспьера, Бипо и прочих — Жореса, и других, которых я не хочу называть; конечно, пьеса имела успех. С тех пор, наши полубоги и минотавры получили в Московии новые воплощения, более разительные. Это — вечные «выходцы», это люди, постоянно воскресающие под тысячью и одним покрывалом Протея; для меня это приманка и добыча истории. Это более чем люди одного дня, лицо которых выгрызено землею могилы, — это Силы, вселившиеся в одни тела, а затем нашедшие себе иные воплощения.

Но я хотел бы так же сохранить особенный отблеск этого исчезнувшего дня: ибо ведь у каждого дня — свой цвет. Я постарался написать эти драмы Революции в освещении того стиля, который обволакивал их страсти. Я отнюдь не скрываю опасности этой устарелой формы, которая рискует быть ложно понятой частью публики и исполнителями. Пламенная риторика Жан-Жака, огрубляемая Робеспьером, проходящая дымными трубами заводов и искаженная изъязвами, которыми ее наградила «Маннекеннис» Шекспира — Дантон, — пугается в том, чтобы и читатель и актер сумели бы раскрыть ее округленность и под слишком искусственными периодами найти то, что трогает суровые, стянутые судорогой души. Этот ораторский язык стоит не только презрения, — которое еще более, чем французы испытывают иностранцы, — ибо они не чувствуют инстинктивной традиции нашего восприятия. Впрочем, даже у нас многие на этот счет ошибались. Ум какого-нибудь Тэна не сумел (может быть потому, что не захотел) — под академическим балластом слов, в рядах предложений, прочесть сжигающую страсть, трагическую искренность защитников Конвента, говоривших свои речи с молотом в левой руке и с собственной головой в правой, — обезглавленные Иоанны! — Чтобы услышать эту музыку, надо различать в каждом аккорде звенья гармонической цепи: ненависть, любовь, смерть... Троньте ее! Как она лихорадочно пульсирует!

Итак, если я назову эту трагедию *Игрой*, то это игра, в которой на карту поставлено все...

«Царство за коня!» — кричит в битве Ричард, горбатый тиран...

Грозовая туча проходит мимо... Жизнь за молнию!... Я ее проигрываю!.. — Я ее выиграл!..

Р. Р.

30 августа. 1924.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Жером де Курвуазье, член Конвента	шестьдесят лет.
София де Курвуазье, его жена	35 лет
Клод Валлэ, депутат-жирондист	30 лет.
Лазарь Карно, из Комитета Общественного Спасения	41 год.
Дени Байо	65 лет.
Орас Буше	25 лет.
Лодоиска Серизье	25 лет.
Хлорис Суси	17 лет.
Крапар, делегат Комитета Общественной Безопасности.	
Тямолсон	
Дусэн	участники обыска.
Ослиная кожа)	

Действие происходит в Париже, в доме Курвуазье, в конце 1794 года.

Гостиная в стиле Людовика XVI; большие стеклянные ниши, на высоте трех-четырех ступеней, выходящие в сад.

По середине, в глубине, широко открыта стеклянная дверь, через которую виден сад, небольшой, сверкающий на солнце. В центре его цветущий куст сирени. В глубине сада стена, отделяющая его от улицы. Она не слишком высока; ребенок, если влезет на выступ в углу сада, может, перёгнувшись, заглянуть на улицу. Над стеной вечернее небо, медленно меркнет. —

В гостиной:

1. Налево две двери, одна около рапты, другая у двери в сад. Когда отворяют последнюю, видна спальная. Между дверьми у левой стены высокий мраморный камин. На нем — бюст Вольтера; за бюстом зеркало. С левой стороны камина письменный стол в стиле Людовика XVI. Еще левее, между столом и первой дверью, группа низких стульев, для уединенных бесед. Китайская ширма скрывает ее от двери в сад.

2. Направо дверь напротив двери в спальную. Когда ее открывают, видна лестница и угол площадки. Против камина — окно, выходящее на улицу. По обеим сторонам от него — два больших портрета хозяина и хозяйки дома. Она — в возрасте двадцати лет, в мифологически-пасторальном окружении. Он — под Дидро, в домашнем костюме, с открытой шеей и головой, повязанной шалью. Они гармонируют с бюстом Вольтера, который улыбается им с камина. Большой клавесин, под портретом госпожи де Курвуазье (ближний из двух портретов к рампе) отгораживает уютный угол, по примеру левого.

Общее впечатление утонченности, высокого стиля, привычки к роскоши, с едва заметными следами беспорядочности. Камин пуст. Под конец драмы в нём зажгут небольшой огонь. На письменном столе и на столе посреди комнаты навалены бумаги, поверх них наставлены чашки с кофе. Люстра незаправлена. Сцену будет освещать один канделябр.

СЦЕНА I.

Маленькое общество — две молодые женщины (София де Курвуазье и Лодоиска Серизье), молодая девушка (Хлорис Суси), молодой офицер (Орас Буше) и пожилой господин (Дени Байо), — держась за руки водят хоровод вокруг сиреневого куста, напевая народную песню Гретри: «Невинность возвратилась к нам»¹⁾.

.....
ДЕНИ БАЙО (задыхаясь, хочет высвободиться из круга):
Смилуйтесь, молодежь!

ХЛОРИС, ЛОДОИСКА, ОРАС: Нет, нет, еще разок!
(Старик вырвал одну руку. За другую его держат. Он входит на сцену и тянет за собой остальных, которые продолжают петь в гостиной. Он падает в кресло, смеясь, отдувается. Молодые люди опять начинают хоровод вокруг него и поют другую песню Гретри: «На посадку дерева Свободы»²⁾).

.....
ХЛОРИС, ЛОДОИСКА, ОРАС (поют):

Кто стар и холоден душой,
Под яркою его листвою

¹⁾ Революционные песни, сборник Константа Пьер.

²⁾ Ibid.

Пусть отдохнет в кругу детей,
Забудет седину кудрей!

(Хлорис кладет на голову старика ветку сирени, согнутую венком).

СОФИЯ ДЕ КУРВУАЗЬЕ: Мой старый друг, я бегу освободить вас. Пустите, молодые безумцы, дайте нам отдышаться. Мы уже не можем поспевать за вами, мы, люди пожилые...

ДЕНИ БАЙО: Протестую! старость принадлежит мне одному.

СОФИЯ: Какой жадный!

ОРАС, ЛУДОИСКА: Мы все протестуем! Это шутка!

СОФИЯ: Я уже прошла больше половины пути. (К Дени Байо). Протестуйте или нет — я вашего лагеря.

ДЕНИ: Это выгодно! Я смирюсь.

ЛУДОИСКА: А мы нет! Нас не разубедишь. Вы наша. Вы самая молодая!

СОФИЯ (показывая на виске белую прядь): Посмотрите: вот седые волосы!

ЛУДОИСКА: Подумаешь, доказательство! Каждый у себя найдет столько же, если поищет.

ОРАС: У меня есть.

ЛУДОИСКА: И у меня.

ХЛОРИС: И у меня.

Все (смеясь): Ну?

ХЛОРИС: Честное слово! Один. (Показывает).

СОФИЯ: Он просто светлый.

ХЛОРИС: Он седой.

ОРАС: У кого нет седых волос после того, что мы пережили за пять последних месяцев.

ЛУДОИСКА: Пять месяцев! Скажите — десять!

ХЛОРИС: Скажите двадцать!

ОРАС: Нет, будем говорить о последней зиме. Остальное...

ДЕНИ: Да, лучше о нем молчать.

ХЛОРИС: Ах, сколько пришлось страдать.

ЛУДОИСКА: Сколько недель мы были без огня!

ДЕНИ: Без дров, без хлеба.

ХЛЮРИС: Да, бывало так холодно, что утром я не имел смелости встать с постели.

ЛОДОИСКА: А я замерзала в кровати. Она теперь стала мне слишком широка!

ОРАС (*подмигнув*): Придется ее чемнибудь заполнить.

ДЕНИ: Однажды я провел шестнадцать часов под ветром на набережной Берси, от семи вечера до одиннадцати утра в ожидании выдачи мешка дров и малой толики муки, которые мне пришлось потом нести по льду. Два раза я упал.

СОФИЯ: Что лучше, холод или голод?

ОРАС: Голод, голод, голод!

ЛОДОИСКА: Обжора!

ХЛЮРИС: О, я готова тысячу раз голодать, только бы иметь возможность разок согреть ноги!

ЛОДОИСКА: Я бы плакала от такого желания! (*Орас смеется*). Вы смеетесь, жестокий человек!.. Вы ничего не знаете...

ОРАС: Когда я был в армии Мозеля я ночевал на снегу. Правда, иногда мы жгли дома, чтобы согреться.

ДЕНИ: А люди, которые жили там?

ОРАС: Ну, это нас не интересовало...

ХЛЮРИС: В то время, когда я мерзла, мне хотелось быть сожженной на костре.

ЛОДОИСКА: Подумать только, что адом зовется место, где много огня!

ОРАС: Ад — это когда идешь на врага с пустым брюхом.

ЛОДОИСКА и ХЛЮРИС: Нет, это — холод!

ОРАС: Нет, голод!

СОФИЯ: С нас довольно и того и другого. Не спорьте!

ХЛЮРИС: Боже, как длинна была эта зима.

СОФИЯ: Теперь она кончилась. Не будем говорить о ней. Будем радоваться солнцу!

ДЕНИ: Сегодня первый весенний день!.. Очаровательная хозяйюнка! Как хорошо, что вы пригласили нас отпраздновать его в вашем саду!

ЛОДОИСКА: Встретить весну под распускающейся сиренью.

СОФИЯ: Я не могла любоваться ею в одиночестве. В наше

время лишений каждый должен делиться крохами счастья со своими друзьями.

ЛОДОИСКА: Да, счастье теперь стало редко.

ДЕНИ: Счастье? Само слово звучит для нас уже не знакомо.

ХЛОРИС: Как давно мы не смеялись. О, Господи! *(плачет)*.

СОФИЯ: Моя дорогая! Что с вами?

ХЛОРИС: Разве мы имеем право смеяться?

ДЕНИ: Да! Мы слишком много страдали.

СОФИЯ *(к ХЛОРИС)*: Конечно, мы имеем право на это! Дорогая, это наш долг!

ХЛОРИС: А все те, кого мы потеряли?

ЛОДОИСКА: Мой!

ХЛОРИС: Мой!

ДЕНИ: Мой!

СОФИЯ: Тихе! Тихе!

ОРАС *(к Хлорис)*: А те, кого мы еще потеряем, вы о них не думаете?

ЛОДОИСКА: Тех, кого я имею, я не отдам! Я не хочу их терять! Нет, нет ни за что!

ОРАС: Ну тогда не будем о них думать. Давайте танцевать.

ЛОДОИСКА: Давайте, гадкий!

ОРАС: Вы тоже, милая!

(Хлорис колеблется, смотрит на Софию).

СОФИЯ: Конечно, дитя мое.

ОРАС: Становитесь 'в круг!

(Трое молодых людей выходят в сад, там снова хоровод. Дени и София остались в гостиной. Они сидят слева, между письменным столом и дверью, у самой рамы).

ДЕНИ: Каждый думает о своей потере: эта — о женихе, та — о муже, я — об умершем сыне. Но жизнь сильнее нас...

СОФИЯ ¹⁾: Даже для вас, мой старый друг?

ДЕНИ: Даже для меня. Мне стыдно.

СОФИЯ: Вы не единственный. Слушайте!

(Из-за садовой стены слышны голоса проходящих по улице. Доносятся пение, барабан, скрипка, флейта, радостные крики).

¹⁾ В течение всего начала действия София хранит радостное и восторженное спокойствие, отличающее ее от возбуждения остальных.

ДЕНИ: Да, в этой толпе нет ни одного, кто бы не испытал лишений, связанных с войной и Революцией, ни одного, для кого завтрашний день не исполнен такой же тревоги, как и вчерашний.

СОФИЯ: Они и поют, — для того, чтоб забыться.

ДЕНИ: Они не могут этого забыть... Слушайте!

(В саду пение прервалось).

ОРАС: Что это они там кричат? Послушаем!..

(Умолкают. Слышен крик газетчика)...

ОРАС *(повторяет)*: «Вестник Свободы»... Большое сражение около... врагу...

(Он подбегает к стене и карабкается. Перегибаясь, кричит):
Эй!.. гражданин!... *(Возвращается с газетой. Обе молодые женщины идут к нему).*

ОРАС: Королевские когорты формируются, от Мезы до Рейна. Республика должна будет собраться с силами, чтобы на это достойно ответить. Весеннее солнце разжигает костер! Придется и мне отправиться.

ЛОДОИСКА: Нет, нет! Я не хочу!

ДЕНИ: Кто мы, чтобы говорить «я хочу» или «я не хочу?»

ОРАС: Да, родина этого требует.

ХЛОРИС: Родина? Нет, скажите лучше: «эти ужасные люди».

ЛОДОИСКА: Да! Конвент!

(София прикладывает палец к губам. Все опускают головы).

ОРАС: Он прав.

ДЕНИ *(кашляет)*: Он — силен.

ХЛОРИС: Он — ненасытный. Он нас всех сожрет.

ЛОДОИСКА *(зажимает ей рот рукой. К Орасу)*: По крайней мере, ведь это будет не сейчас? Орас, ведь вы уедете не сейчас?

ОРАС: Я думаю — нет. Только в случае приказа...

ЛОДОИСКА: Сколько времени вы еще останетесь?

ОРАС: Может быть, месяц.

ЛОДОИСКА: А... Целый месяц!.. Вечность!..

ДЕНИ: Счастливая молодость! Чем только не заплотит за месяц счастья.

ХЛОРИС: Я тоже молода! А у меня не было счастья... О, мне не надо месяца. Один-бы день всего, один день счастья!

СОФИЯ (*обнимая Хлорис*): Успокойтесь, дорогая. Вы его получите и не один, а много. Для вас еще жизнь только начинается.

ХЛОРИС: Нет, жизнь коротка!

СОФИЯ: Я вдвое старше вас.

ХЛОРИС: Да, но в ваше время... Простите! Но сейчас совсем другое; кто может быть уверен в завтрашнем дне?

ЛОДОИСКА: Я уверена в сегодняшнем! (*Она взглядывает на Ораса*).

ОРАС (*берет ее за руку, тихо*): Сегодня ночью...

ХЛОРИС (*услышав его слова, смотрит на них враждебно*).

ЛОДОИСКА (*замечает это, улыбаясь подходит к Хлорис, сидящей на коленях у Софии, и точет ее обнять*) Душечка!

ХЛОРИС (*с гневом освобождаясь*): Не трогайте меня! (*она убегает в сад*).

ЛОДОИСКА: Что с ней?

СОФИЯ (*с дружеским упреком*): Вы же знаете.

ОРАС: Она завидует нам.

ДЕНИ: И не одна она.

СОФИЯ (*улыбаясь Дени и Орасу*): Пойдите, утешить ее. (*Лодоиске*). А вы останьтесь здесь, эгоистка.

(*Дени и Орас выходят. Лодоиска и София остаются одни. Первая бросается к Софии и смеясь сжимает ее в объятиях*).

ЛОДОИСКА: Да, я эгоистка, эгоистка, эгоистка! И не хочу быть ничем иным, когда быть эгоисткой так сладко! Браните, браните меня!

СОФИЯ (*улыбаясь*): Этим не поможешь.

¹⁾ Все, за исключением Софии, естественно, почти лихорадочно возбуждены.

ЛОДОИСКА: Поможешь! Это еще прибавляет счастья... Ну, не сердитесь!.. Я столько страдала. Мой муж, мой Гектор, был вырван смертью из моих объятий... Ах, сколько я плакала.

СОФИЯ: Когда вы его лишились?

ЛОДОИСКА (*простодушно*): Тому шесть... нет, пять месяцев. Да, это было в октябре. Я не хотела больше жить. Все было кончено для меня. И вот, все опять начинается. (*По прежнему*). Все начинается... Бедный Гектор... Милый Орас.

СОФИЯ: Все античные герои.

ЛОДОИСКА: Молчите! Иногда мне кажется, что они — одно. Не смейте насмехаться.

СОФИЯ: Я не насмехаюсь.

ЛОДОИСКА: Я уверена, что мой Гектор радуется вместе со мной. Вы улыбаетесь?

СОФИЯ: И вы тоже.

ЛОДОИСКА: Нет... Да, конечно! Ах, милая и дорогая, как приятно лгать самой себе! Я так хочу радоваться, что хочется радости и для него. Я знаю, он больше уже ничего не чувствует, но я то чувствую, — и разве я виновата? Скажите, разве я виновата перед ним, что хочу использовать свою короткую жизнь? Вы думаете, он недоволен мной? Нет, нет, он счастлив моим счастьем! Неправда-ли? Раз он любил меня... И потом, ведь он умер... Бедный Гектор!.. Ах, как хорошо, как хорошо жить!

СОФИЯ: Не всегда. Для вас жить значит любить.

ЛОДОИСКА: Да, жизнь только в любви... Вы снова улыбаетесь? Мудрая женщина, вы, конечно, выше наших слабостей. Жизнь ваша прекрасна, цельна, ясна. Вы сумели сохранить ее вдали от бурных событий и сердечных тревог. Вы — особенная. Семейная жизнь ваша безоблачна, ее никогда не смущало безумие страстей. Человек, с которым вы соединены, умен, как вы, уважаем всеми; вы связаны с ним почти с детства узами нежной дружбы. Ничто не нарушит этого спокойствия. Как я восхищаюсь им!¹⁾

¹⁾ В диалоге двух взволнованных женщин, со стороны Лодоиски — ирония, когда она восхищается благоразумием Софии, со стороны Софии — заметно нетерпение и раздражение.

СОФИЯ (*улыбаясь*): Но вы не променяете на него даже самую незначительную вашу бурю.

ЛОДОИСКА: Моего Ораса? Нет, нет! Я не отдам его. Каждому свое... Но ваша жизнь прекраснее.

СОФИЯ (*улыбаясь*): Она похожа на красавиц, которыми все восторгаются. А любят все таки других.

ЛОДОИСКА: Замолчите! Я хотела бы быть вами... Но только вы можете быть такой.

СОФИЯ: Это именно то, что я сказала.

ЛОДОИСКА (*не слушая*): ...быть подругой, наперсницей, Эгерией великого человека, друга Вольтера, друга Карно...

ДЕНИ (*который вошел и слышал последние слова*): ...друга энциклопедистов и теперь советника Конвента, — человека с универсальным умом. Человека науки, благотворителя, философа, члена Академии и Конвента... Его слава началась еще при предпоследнем короле и продолжалась после падения королей; он видел смену режимов, против всех — протестовал и теперь стоит в стороне от партий, раздирающих друг друга.

СОФИЯ: Друзья, вы не знаете, какое хрупкое основание у подобного благополучия.

ДЕНИ: Мы, во всяком случае, знаем, что оно не основано на корысти! Сколько раз щедрость Жерома де Курвуазье обращалась и на нас, то помогая нам в нищете, то, в роковые минуты, спасая наших близких!

ЛОДОИСКА: И мы знаем также, кому обязаны мы этой помощью: его разумной подруге!

ДЕНИ: Софии-утешительнице!

ЛОДОИСКА: Доброй фее.

ДЕНИ: Которая властвует над ним.

ЛОДОИСКА: Мы пользовались этим!

ДЕНИ: Как не пользоваться? Жером Курвуазье в наше ужасное время единственный человек, который продолжает играть направляющую роль подле хозяев жизни и смерти.

СОФИЯ: Увы! Он слишком слаб и с каждым днем делается слабее.

ЛОДОИСКА (*с завистью*): Что бы ни случилось, вы, конечно, в безопасности. С вами ничего не может случиться.

ХЛОРИС (*входя вместе с Орасом. Она совершенно успокоилась*): Ах, несчастные, несчастные!

СОФИЯ: Что такое?

ХЛЮРИС: Вот что мы сейчас узнали (*протягивает Софии газету*).

СОФИЯ (*отстраняет ее*): Опять эти ужасные листки! Нет, их не следовало бы больше читать.

ЛОДОИСКА: Спокойная женщина, у других не хватает бесстрастия поступать как вы. Мы знаем, что от этого больнее, но мы все же делаем это (*берет газету*).

ХЛЮРИС: Нет, послушайте! Это слишком страшно: Петион, Бизо, Валлэ...

СОФИЯ (*тревожно, но сдерживаясь*): Валлэ!..

(*Она встала, но никто не обратил внимание ни на ее движение, ни на ее возглас. Все сгруппировались вокруг Лодоиски, читающей газету*).

ХЛЮРИС: Около Бордо их нашли мертвыми, наполовину съеденными волками. (*В общем волнении никто не замечает замешательства Софии, которая упала в кресло, и закрыв лицо руками, не двигается*).

ОРАС (*в то время как Лодоиска, Хлорис и Дени жадно склонились над газетой*): Несколько месяцев их травили. Собаки, напавшие на след, привели к пещере в пустынном месте. Сперва узнали Петиона, с распоротым животом и выпадающим из него внутренностями.

ДЕНИ: Бывший король Парижа, наш мэр, председатель Собрании.

ЛОДОИСКА (*читает*): У другого... было изъедено лицо... Фу! (*она передает газету другим*).

ОРАС (*продолжает*): Губы и нос оторваны... Сперва не знали. Говорили: это Бизо... Но по бумагам поняли, что это Валлэ.

ХЛЮРИС: Несчастные!

ДЕНИ: Не слишком жалейте их. Они нашли способ избежать гильотины, от которой на прошлой неделе погибли их товарищи Барбару и Гюаде.

ЛОДОИСКА: Да, но как они должны были страдать!

ОРАС: Потом уже все равно.

ДЕНИ: Так должно было кончиться. Этот нелепый мятель...

ХЛЮРИС: Вы, кажется, недавно его оправдывали?

ДЕНИ: Никогда!

ХЛОРИС: Я слышала, вы говорили...

ДЕНИ: Никогда!

ХЛОРИС: Вы даже восторгались им.

ЛОДОИСКА: Молчите, сумасшедшая девочка!

(Короткое молчание).

ДЕНИ *(покашливая)*: Они обманули весь свет. Мы думали, что они сильнее. Зачем было восставать, когда они оказались слабее?

(Короткое молчание. София отняла руки от лица. Она не двигается в кресле и смотрит в одну точку, скрывая волнение под ледяной, застывшей улыбкой).

ХЛОРИС: Бедненький Валлэ! Ему не было еще тридцати лет!..

ЛОДОИСКА: Я танцевала с ним прошлой весной... Он был моим другом, София?...

(София не отвечает, как-будто не слышит. Лодоиска слишком возбуждена, чтобы это заметить).

ЛОДОИСКА: Прекрасный танцор!

ХЛОРИС: И как он умел читать стихи Флориана!

ЛОДОИСКА: Он был смел. Я помню, он шел во главе батальона, волосы его развевались... Это было после осады Тюильрийского Дворца.

ХЛОРИС: Было праздником смотреть на него, когда он говорил с трибуны в Собрании.

ОРАС: Он был саркастичен и горяч. Он находил слова жестокие, хитрые, которые заставляли Робеспьера дрожать от бешенства. Когда он задевал какого-нибудь врага, трибуны сотрясались от смеха и рева толпы.

ЛОДОИСКА: Я смотрела на его губы.

ОРАС: Лодоиска, я ревную.

ДЕНИ: Ревнуете? К его изорванным губам?

ЛОДОИСКА: Ах, какой ужас! Но почему, почему, он пошел в огонь политики?

ОРАС: У каждого — честолюбие.

ЛОДОИСКА: Но разве не лучше любить?

ОРАС: Люди хотят спасти родину.

ЛОДОЙСКА: Я хочу, чтобы ты сперва спас меня... Надо спасать то, что любишь.

ДЕНИ: Сначала надо спасти самого себя (*все поражены*). Вы увидите, молодежь, когда будете в моем возрасте! Честолюбие и любовь — это хорошие вещи, но они проходят. То, что остается до конца, это вы сами. Сохранить себя — это святое дело.

ОРАС: Да, уметь жить в наше время трудная задача. И мы не успеем этому выучиться.

ХЛЮРИС: Но я хочу выучиться, хочу! (*К Дени*) Вы меня научите тайне жить?

ДЕНИ: Надо быть равнодушным. Смотреть, как умирают другие или умирать самому — выбирайте.

ХЛЮРИС: Я не хочу умереть!

(*Дени, Хлорис, Орас отходят в глубь сцены разговаривая и смеясь, (уже!); Лодоиска остается подле Софии. Обе женщины — в углу гостиной, скрытые от садовой двери, между столом и рамой*).

ЛОДОЙСКА: София, вы нам даёте болтать, волноваться, а сами остаётесь зрительницей, нетребовательной и немного чуждой, неподвижно глядящей на нашу игру, словно издали, красивыми серыми глазами, молчаливо улыбаясь. Какая вы спокойная!

София (*не двигаясь и не повышая голоса*): Да, это спокойствие бесконечного горя!

ЛОДОЙСКА (*тронутой*): София!.. (*Пауза*). Что вы говорите? (*Молчание*). Что вы сказали?

(*София не отвечает, не двигается. Лодоиска наклоняется к ней и вдруг бросается:*)

ЛОДОЙСКА: Милая, вы плачете?

(*София кладет палец на губы, прося Лодоиску замолчать. София ищет платок, чтобы утереть слезы. Лодоиска вынимает свой и нежно ей их вытирает*).

ЛОДОЙСКА: У вас горе? У вас — воплощения счастья. Но ведь у вас все есть. Все, что только бывает в жизни: любовь, слава, власть, вера в Революцию, которую вы и ваш муж делали сообща.

СОФИЯ (*печально*): У меня ничего нет.

ЛОДОИСКА: Нет, нет! Это неправда!

(София делает ей знак замолчать. Дени Байо подходит).

ДЕНИ: Жером должен, кажется, скоро вернуться из Собрания?

СОФИЯ *(прежним голосом)*: Никогда нельзя знать заранее сколько продлится заседание. Иногда мне приходилось ждать до утра, всю ночь.

ДЕНИ: Однако сегодня ведь никаких поводов к этому нет?

СОФИЯ: В наше время, кто может знать, что случится даже через час?

(За садовой стеной проходит шествие. Слышна музыка: флейты и барабаны играют марш на $\frac{6}{8}$. Едут тележки, запряженные лошадьми. Толпа шумит).

ХЛОРИС: Что это опять?

ОРАС: Это новых везут на гильотину. *(Он показывает жестом на шею).*

ХЛОРИС *(Зажимая уши)*: Я не хочу слушать... *(Отнимает руки и бежит в сад)* Орас, пойдемте посмотреть на них! *(выходит с Орасом).*

ДЕНИ: Разве телеги теперь стали ездить этой дорогой?

СОФИЯ: Да, улицу Флорентэн недавно стали чинить.

(Дени выходит, движимый любопытством).

ЛОДОИСКА *(оставшись с Софией)*: София, я вам не верю! Вы сейчас говорили...

СОФИЯ: Не надо об этом!

ЛОДОИСКА: Нет, я очень прошу вас; разве я не ваша подруга? *(София показывает ей на дверь в сад).* Да, этот назойливый шум... *(Она бежит и закрывает дверь. Слышны еще приглушенные крики).*

ЛОДОИСКА: Скажите же мне!.. *(она целует ей руки).* София, вы несправедливы. Разве вы не получили вашу долю счастья в жизни? Ничто не смущало вашей любви, вашей связи...

СОФИЯ *(горько)*: Моей любви? Меня никто не любил. Я принесла в жертву молодость, надежду, жажду отдалиться комунибудь, человеку, которого я уважала, уважаю и сейчас и которым восхищаюсь. Что он сделал со всем этим? Он пожертвовал мною для своей веры.

ЛОДОИСКА: А вы разве не верите?

СОФИЯ (*оживляясь*): Ах, что мне *их* вера? Если бы я ее любила, еслибы мне казалось, что я ее люблю, то только потому что они любят ее, а я люблю их... Что она сделала из них и из меня?

ЛОДОИСКА: Из *них*, вы говорите? (*Старается понять*).

СОФИЯ (*горячо*): Я говорю, что ненавижу эту веру... Слушайте! (*Слышен, несмотря на закрытую дверь, взрыв хохота, криков. И снова тишина; София продолжает гневно в полголоса*):

СОФИЯ: Я ненавижу их, эти надежды, эти химеры, которым предаются люди, как предаются порокам, опустошающим жизнь. Жизнь здесь, рядом с нами, совсем простая и ласковая. Надо только нагнуться, чтобы сорвать ее. А они неспособны чувствовать это. Вера их — мания, яд, погружающий их в злобную и смертельную тупость... И меня они принесли ей в жертву. Ах, это было бы еще ничего!..

ЛОДОИСКА (*не отрываясь от нее*): Что же?

СОФИЯ: Они и собой пожертвовали.

ЛОДОИСКА: Как, ваш муж?

СОФИЯ: Нет, не он.

ЛОДОИСКА: Но кто же?

СОФИЯ (*как бы колеблясь, но отдаваясь волнению*): Вы слышали... Сейчас... Эти несчастные... Эти отверженные...

ЛОДОИСКА (*сдерживая крик*): Это Валлэ.

(*София встает, чтобы избежать ответа. В это время дверь открывается и Хлорис кричит, вторгаясь в гостиную*):

ХЛОРИС: Ну, догадайтесь, догадайтесь, кого я видела на телеге!

(*София отворачивается; Лодоиска отстраняет Хлорис*).

ХЛОРИС (*возбужденно*): Нет, вы догадайтесь! Догадайтесь, кому они сейчас перерезывают горло!.. Разуму!.. Разуму!.. Разуму! Этой толстой блондинке, которая изображала Разум в Церкви святого Евстахия. Я ее сразу узнала... Они поклонялись ей!!...

ДЕНИ (*философски*): Дитя мое, разума уже давно не существует.

ХЛОРИС: Замолчите вы, с вашими злыми словами!

(Они продолжают разговаривать в глубине гостиной, около двери, ведущей в сад, словно бессознательно чувствуя, что могут помешать Лодоиске и Софии. Эти две отошли в противоположный угол гостиной, направо, около рамы, и скрыты занавесом, который не позволяет им видеть дверь, ведущую на лестницу. Но, сидя, они видят ее в зеркале, над камином).

ЛЮДОИСКА *(тихо и настойчиво, взяв руки Софии и не выпуская их, несмотря на усилия ее)*: Это Валлэ?.. София, скажите мне, это Валлэ?

СОФИЯ *(сидя, не имея возможности вырвать рук, отвернувшись, с горечью)*: Ах, не разрывайте мне сердце его именем!

ЛЮДОИСКА *(выпустив руки Софии и проникаясь жалостью)*: О моя дорогая! Могла ли я предполагать!.. Как мне вас жаль!.. Это ужасно! А мы, не зная, что у вас в сердце нож, мучили вас все время!.. Простите, простите меня!.. Но кто мог подумать?.. Да, я замечала, что вы очень дружны..

СОФИЯ *(тихо, голосом, проникнутым страстью)*: Я любила его. Он — меня. Он был всей моей жизнью, а я — его. Так я думала, по крайней мере. Но это было неверно, раз он пошел умирать за эту злосчастную веру... Ах, если он принес себя в жертву ей, разве я тоже не принесла себя в жертву другой вере, своей собственной?

ЛЮДОИСКА: Какой же, София?

СОФИЯ *(со злобой)*: Брачной верности; я всегда блюла ее.

ЛЮДОИСКА: София, скажите мне все! Вы не были разве любовниками?

СОФИЯ *(с возрастающим возбуждением)*: Нет. Это то сейчас и приводит меня в отчаяние. Тщетно он умолял меня и тщетно сердце мое просило уступить ему. Мысль о Жероме и о данном слове, этот предрассудок верности, которая только привычка, а вовсе не закон сердца, то, что зовется добродетелью, — этот слепой кумир — я всем ему пожертвовала, всем, что я любила. И вот он умер. И вот я потеряла его. Чему это послужило? Чему?

(Лодоиска в свою очередь старается успокоить Софию; голос ее дошел до высшей точки страстной боли. Она делает ей знаки быть осторожнее, чтобы не быть услышанной. Но остальное

общество, занятое горячим спором, не обращает на них внимания. София замолчала. Лодоиска говорит с ней шепотом. Слышны лишь голоса и смех стоящих в глубине сцены трех друзей, в левом углу гостиной, около окна в сад).

СЦЕНА II.

(Внезапно наступает мертвая тишина. Дверь на лестницу открывается прямо против стоящих в глубине гостиной (Дени, Хлорис и Ораса). Но София и Лодоиска, скрытые клавиесином и сидящие к ней спиной ничего не замечают. Входит человек, в простой одежде якобинца с кокардой на шляпе.. Он покрыт пылью и грязью. Вид у него возбужденный. Это молодой человек, сильный, худой, с горящим взглядом. Он производит впечатление преследуемого. Он резким движением открыл дверь и так же закрыл ее, как только вошел, — почти бесшумно, не нарушив тишины на лестнице. Затем, он сбрасывается, прислонившись к двери, лицом к группе (Дени, Орасу и Хлорис), которые видели, как он вошел. Все трое сидят. Они делают движение удивления и ужаса, но они слишком взволнованы, чтобы произнести хоть одно слово.

В эту минуту наступившее молчание пугает Софию и Лодоиску; они поворачиваются к группе, стоящей налево и замечают искаженные лица. София машинально переводит глаза на зеркало над камином и внезапно видит там отражение человека, прислонившегося к двери. Она вскакивает с криком, но никто не слышит его, ибо в тот же момент...)

ДЕНИ, ХЛОРИС, ОРАС (кричат): Валлэ!

КЛОД ВАЛЛЭ (который не ожидал их встретить здесь): Дени Вайо!.. Буше!.. Хлорис... Друзья мои!..

(Голос его глух от усталости и волнения. Он стремительно подходит к ним и протягивает им руку, которую онижимают в замешательстве. Но его глаза все время ищут за ними и около них ту, которой он еще не видит. Но вот он замечает ее. Остальное не существует для него. София стоит спиной к клавиесину, держась за него обеими руками, глаза ее расширены от страха, счастья и волнения. Они оба не думают об остальных. Валлэ бежит к ней протянув обе руки. И она делает шаг к нему).

ВАЛЛЭ (крик): София!

СОФИЯ: Вы живы!..

(Он бросается к ее ногам, разжимает ее колени и целует их сквозь платье, целует ее ноги. Потом, постепенно поднимается, прижимая глаза, щеки, губы к телу возлюбленной. Она не защищается. Она гладит по волосам и по лицу своего возлюбленного).

ВАЛЛЭ: Это она! Я нашел ее!.. Она моя! Я держу ее!.. Она моя!

СОФИЯ *(не высвобождаясь, берет его голову, наклоняется к нему и нежно шепчет ему)*: Встаньте!

(Валлэ встает, не отрывая от нее глаз. Он шатается, София его поддерживает).

СОФИЯ: Он упадет... Орас, Лодоиска!.. Друг мой, обопритесь на меня!.. Что с вами?.. Обопритесь хорошенько! Идите... сюда... в это кресло...

(Она ведет его к креслу, в левом углу гостиной, около рамы. Валлэ садится, лицом к публике, спиной к сцене. Ни он, ни София не видят, что происходит в глубине: Дени Байо первый уходит, за ним — Хлорис, затем — Орас Буше, который из двери на лестницу делает знаки Лодоиске, чтобы та ушла. Лодоиска, взволнованная, колеблется и жадно смотрит на Валлэ, которого поддерживают София и Орас. Наконец, она решается и проходит в противоположный угол гостиной, чтобы взять шаль, оставленную в кресле, в глубине сцены налево.

Все это происходит пока София усаживает Валлэ).

СОФИЯ *(продолжая говорить с Валлэ, не оглядываясь)*: Вы умираете от усталости... Вы слышите!.. Вы не ели?.. Хлорис, Лодоиска! помогите мне! Друзья, принесите кофе... Там на столе чашка... *(она удивлена молчанием и оглядывается)* Где же они?

ВАЛЛЭ *(неподвижно сидя в кресле и не видя, что творится за ним, все понимает)*: Разве вы не знаете, что я опасен, для окружающих меня?

(Лодоиска одна из четырех, задержалась, ища шаль и два раза пересекла гостиную. Она стоит теперь на пороге. София ее замечает).

СОФИЯ *(возмущенно)*: Лодоиска!

(Лодоиска, смущенная этим возгласом, останавливается, оглядывается, колеблется, делает несколько шагов по направлению к Софии, которая, оставив Валлэ, идет к ней. Лодоиска смущенно шепчет)

ЛЮДОИСКА *(быстро, едва слышно)*: Простите, простите меня... Я знаю, что это гадко. Но сегодня, именно сегодня... Мне так хочется жить!.. *(Последние слова едва слышны. Она поспешно выходит)*.

(София, на минуту пришибленная, берет себя в руки. Подходит к столу, наливает кофе, берет хлеб и подносит Валлэ)

ВАЛЛЭ *(без движения)*: Оцените мою власть! Куда я прихожу — я вношу страх.

Этот несчастный, *(показывает на себя)*, который уже едва держится на ногах, бежит, и от него бегут. Вот, уже пять месяцев, как я блуждаю по всей Франции, гонимый отовсюду. Мы были в Дордоньи, нас было семеро приговоренных: Петион, Барбару, Бюзо, Гюаде, Салль, Валяди. Мы стучались ко всем друзьям — ни один не отпер нам. За нами гнался призрак гильотины. Все были так испуганы видеть и нас и ее, что один к кому мы вошли неожиданно, хотел убить нас, и так как он был слабее нас, он угрожал нам, что убьет себя!.. *(смеется резко и горько)*. Однажды, ночью, мы шли под проливным дождем, по засеянным полям. Мы были вынуждены покинуть пещеры, в которых скрывались: нас выдали. Последняя надежда привела нас в семью, когда-то бывшую близкой моей семье, чью честь я спас в уголовном процессе, будучи адвокатом. Ночь была черная. Мы заблудились. По колено шли мы в болоте. Я сильно ушиб ногу. После шести часов ходьбы, мы пришли наконец, при последнем издыхании. Стучим. Ждем полчаса. Под ветром и ливнем зуб на зуб не попадает. Дверь приоткрывается. Я говорю свое имя. Дверь закрывается. Опять ждем полчаса... Потом я потерял сознание... После часа ожидания нам сказали, что нас не могут принять. Я оставался лежать в грязи у дороги. В замочную скважину товарищи крикнули: «На один час всего дайте кров!» Ответом было «Нет!» Мы пошли дальше. Проклятие человеку.

(София, стоя подле Валлэ, слушает его, замирая от боли и жалости. Валлэ, который начал свой рассказ глухим голосом,

прерывающимся от приступов злобы и презрения, уронив голову и вперив глаза в пол, — внезапно оборачивается на Софию и спрашивает ее страстно:)

— Ну а вы, вы меня не прогоните?

СОФИЯ (наклоняясь к нему, нежно протягивает ему чашку): Мой бедный друг! Выпейте! Вы совсем обессилены.

ВАЛЛЭ (не беря чашку, так же горько): Я приношу смерть. Прогоните меня!

СОФИЯ (подносит ему чашку к губам и ждет пока он выпьет): Пейте! (Он жадно пьет и хочет говорить дальше).

СОФИЯ: Молчите... Сперва поешьте!.. Отдохните!..

(Несколько минут молчания, во время которого София подлет ему и смотрит, как он ест, словно любящая мать. Валлэ берет ее за руку и долго ее целует. Она не отнимает ее и смотрит на него, улыбаясь грустно и нежно).

СОФИЯ (кладя руку на голову Валлэ): Как вы пришли сюда? Как вы смогли пробраться сюда?

ВАЛЛЭ: Встаньте передо мной, если вы хотите, чтобы я имел силы вам ответить! Чтобы я видел вас... Еще ближе... Сядьте сюда! (Он заставляет ее сесть напротив него, совсем близко и держит ее руки в своих пока говорит). О, боги, это она... Это уже не призрак неуловимый, столько месяцев мелькавший передо мной... Это она... я держу ее. Я чувствую своей кожей кожу ее ладони, ее пальцы, теплоту ее тела, которая смешивается с моей... Нет, не отнимайте их! Не заставляйте меня опять пасть в бездну, из которой только что вызвали меня! Держите меня своими руками! Они спасли меня!

СОФИЯ: Дай Бог, чтобы они имели такую власть!.. Друг мой, рассказывайте дальше! Будем пользоваться минутами!.. Как вы спаслись?

ВАЛЛЭ: Когда жестокая низость моих друзей нам отказала даже в глотке воды, в котором не отказывают даже собаке, когда она об этом умоляет, нас оживила сила нашего отчаяния. Возмущение вернуло мне сознание и силы. Я вскочил, крича: Бежим, бежим от людей! Бежим в могилу!.. Прятаться от этой подлой породы? Нет! Довольно! Бежим, куда глаза глядят! Либо пойдем по их трупам, либо погибнем! Долой середину». Мы вышли на большую дорогу. И вот, в не-

верном свете зарождавшегося дня, под дождем, я обнял товарищей, я поделился с ними моими жалкими деньгами и одеждой, я отдал им все, что могло мне помешать в моем путешествии, ибо я решил вернуться в Париж. Товарищи сочли меня за сумасшедшего. Но ничто не поколебало моего решения, да они и не старались этого достигнуть. Ибо когда все потеряно — чего еще желать? Мы не надеялись остаться в живых. Я хотел одного — увидеть вас.

СОФИЯ (*испуганно*): Меня?

ВАЛЛЭ: Вас. Все, что я еще люблю. Вас... Вы это знаете! Не к чему притворяться, — мы не в обществе сейчас! Общества больше нет. Больше ничего нет. Только одна вы. Вы и я... На той большой дороге, грязной, туманной, размытой, образ женщины — ваш образ — блистал предо мной как молния. Я горел, как факел... Остального не существовало... Одна мысль была: увидеть вас перед вечным Небытием. Испить глоток огненного вина. Эта мысль опьяняла меня. В лихорадке, не высыхая под дождем, с распухшими ногами, едва ими переступая я в одну минуту преображался, бодро шел вперед. Тело мое тяжелело и коченело, но я взваливал его на собственные плечи, чтобы только донести его до вас. Я думал: «Если я упаду, то по крайней мере пусть она узнает, что лицо мое было обращено к ней!» Я был недалеко от Риберака: с фальшивым паспортом, без разрешения на въезд в этот округ, а на моем пути более двадцати заградительных отрядов. Хорошо, что крестьяне по большей части безграмотны. Я сам подделывал и разрешения и подписи. Я устраивался так, что ночевал только в деревнях, а города пробегал днем. Как я не попался — не знаю. Если бы я был благоразумен, я бы не смог спастись, но вера вела меня. С каждым шагом, с каждым оставленным позади препятствием, я приближался — к вам, к вам!.. Ко мне снова вернулись боли, они были очень сильны. От ходьбы я весь покрывался потом. Когда меня останавливали и требовали бумаги, я показывал распухшую ногу, словно раненный из Вандеи. В каждом городе я узнавал о гибели товарищей. По ночам я спал не раздеваясь, с двумя пистолетами в карманах, с двумя пилюлями опиума, зашитыми в лайку и спрятанными на груди. Меня не схватили бы живого!.. Утром я вставал еще более измученный. Я спешил. Как тот пресле-

дурмый беглец, который, убегая, слышал шаги, звеневшие на звонком льду, темной ночью. Дыханье смерти бежало за мной по пятам. Я сейчас еще чувствую его. Оно преследует меня... Вы скажете, я должен был раньше подумать об этом и не приводить его сюда, к вам? Я думал!.. Рыцарь скорее отказался бы увидеть свою даму, чем подвергать ее опасности... А я нет! Любовь моя сильнее заботы о вашем благополучии. Потерять вас, погибнуть самому — я готов! Но прежде я должен увидеть вас. Увидать вас вот так, как вижу. Сказать вам, что я вас люблю... *(Он держит ее руки и наклоняется к ее губам).*

СОФИЯ: *(не отклоняясь; — оба пьяны друг другом).* А потом что?

(Он замолкает, словно не понимает).

СОФИЯ: А потом, что будет с вами?

ВАЛЛЭ: О дальнейшем я не думал. *(Он отпускает ее руки. Молчание. Оба не смотрят друг на друга, потрясенные каждый своей внутренней бурей. Внезапно София встает, облачается на клавесин, ждет, пока сердце перестанет стучать. Напротив же, Валлэ с опущенной головой, сидит в кресле, и смотрит себе под ноги угрюмым взглядом, в котором затаился гнев).*

СОФИЯ *(Приходит в себя. Возвращается к Валлэ):* Мой друг... Мой дорогой друг. Спасибо вам.

ВАЛЛЭ *(гневно поднимает голову):* Я не ищу благодарности.

СОФИЯ *(после короткого молчания):* Я дрожу от страха, когда думаю, что вы в этом городе, в этом доме, где столько людей может вас узнать.

ВАЛЛЭ: Мне теперь все равно!

СОФИЯ: Но мне не все равно. Вы пришли сюда, чтобы быть под моей защитой. Я должна, я хочу вас спасти.

ВАЛЛЭ: Спасения нет и приюта нет тому, кто хотел спасти человечество.

СОФИЯ: Надо добраться до границы. Надо сохранить себя для других времен, которые еще придут. Вы будете необходимы родине...

ВАЛЛЭ: Мне она не нужна. Мне нужны только вы.

СОФИЯ: Валлэ! Я умоляю вас! Не губите себя. Подумайте лучше, куда вам укрыться и как бежать!

ВАЛЛЭ: Бежать! Вы думаете, что я позволю себе бежать! Вы воображаете, что можно снова начать то, что я делал эти месяцы! Это была агония! Ни разум, ни сила человеческие не смогли бы этого выдержать. Этого нельзя было бы пережить без той веры, которая светила мне, пока я шел к вам. Что же поддержит меня, когда я буду уходить от вас?

СОФИЯ (*страстно*): Я!

ВАЛЛЭ: Вы?

СОФИЯ: Я!.. Любовь моя! Дыханье мое!

ВАЛЛЭ (*Приподымаясь*): Твоя любовь?

СОФИЯ: Я не смогу жить, если вы погибнете!

ВАЛЛЭ: Так ты меня любишь? Ты любишь?

СОФИЯ: Вы это знали; зачем вы вынудили меня сказать?

ВАЛЛЭ: Ты сказала? Повтори еще!

СОФИЯ: Я не должна.

ВАЛЛЭ: Нет, ты должна! Скажи!

СОФИЯ: Я люблю тебя (*Они обнимаются*).

ВАЛЛЭ: Твои губы! Подожди! Не уходи! Не отворачивайся от меня! Прости мою нищету, мою убогую одежду, мои грязные руки, все мое тело, пахнущее пылью и потом... Мне стыдно...

СОФИЯ: Я люблю тебя, я люблю твою бедность, люблю тебя всего, вплоть до пыли твоих рук и грязи твоих ног!

(*Она наклоняется и целует его руки и одежду*).

ВАЛЛЭ (*удерживает ее, подымает ее голову своими руками, погружает свой взор во взор Софий, которая предается ему не отрывая своих глаз. После страстного молчания*): Ах, как прекрасна жизнь!.. Теперь я буду жить! Я хочу!.. Они меня не получают! Если я смог, когда был один одолеть целый мир недругов, то что значат препятствия теперь, когда мы вдвоем!.. Послушай! Вот что мы сделаем: тебе будет легко достать мне фальшивый паспорт и одежду — яковинскую карманьолу. В дилижансе я поеду из Парижа в Доль. Оттуда — пешком; я знаю дороги, ведущие по плоскогориям к границе. Прежде, чем перейти ее, я на несколько дней останавливаюсь в какойнибудь хижине дровосека. Через неделю ты убегаешь из Парижа и догоняешь меня в убежище, которое я тебе укажу. Пять или шесть часов надо идти пешком. Дороги под снегом. Но ты не боишься ходьбы. Мы вместе поднимаемся на Юру.

С высот нам открываются свободные земли Швейцарии. Через несколько часов мы спасены.

СОФИЯ (*уносимая течением его воли, но все еще пытаясь ей сопротивляться*): Мне?.. Мне следовать за вами?..

ВАЛЛЭ: Раз ты — моя!

СОФИЯ (*стонет*): Я не могу! Я не могу!

ВАЛЛЭ: Если хочешь, — можешь.

СОФИЯ: Я не могу!

ВАЛЛЭ: Что тебя держит?

СОФИЯ: Мой долг.

ВАЛЛЭ (*горько*). Долг! В нашей мрачной жизни это слово служит только для того, чтобы убивать. Во имя его великий Лицемер, Хищник Аррасский удушил своих соперников, и подлецы предают своих друзей палачам. Долг! Как страшно мы злоупотребляли этим лживым словом!.. Посмотри на меня! Единственная правда в наших глазах. Твоих и моих

СОФИЯ: Есть еще мой муж. Он стар, он любит меня, он верит мне. Если я покину его, я буду виновна.

ВАЛЛЭ: Виновной ты была, когда вышла за него! Преступление отдавать молодое тело во власть старому. Ты дала ему слишком много. Как смел он согласиться с этим? Не жалея его! Он проживет и без тебя. У него наука, слава, гордость и дружба тиранов. Что ты значишь в его жизни? Ты плод, который он уже более не в силах срывать.

СОФИЯ: Я отдалась ему, отдалась до конца, до последней капли. Могу ли я отнять у него себя без того, чтобы потом не презирать себя?

ВАЛЛЭ: Презирай! За час такой, как этот, что значит презрение? Вокруг нас все умерло, все разрушено — законы, на которых держалось общество, уважение к несчастью, доверие, добродетель — все. Среди развалин уцелела одна любовь. Остальное — ночь, мрак...

СОФИЯ (*не смотрит на Валлэ. Обе руки прижаты к груди, «полголоса, горя, внутренним возбуждением*): Ты — свет!

ВАЛЛЭ (*обнимает ее*): Ты пойдешь за мной?

(*София становится профилем к Валле, в той же экстатической позе*):

ВАЛЛЭ (*гневно*): Отвечай! Пойдешь?

(София медленно поворачивает к Валлэ лицо, освещенное любовью. Руки ее сложены и концы пальцев касаются губ, которые раскрываются и хотят говорить. Внезапно она освобождается из его объятий, прислушивается и быстро говорит). Кто то идет по лестнице... (Торопливо толкает Валлэ в дверь комнаты, выходящую слева, ближе к рампе).

СЦЕНА III.

(Входит Жером де Курвуазье из двери, ведущей на лестницу. Не видя Софии, которая остановилась на пороге двери, за которой скрылся Валлэ, он, шатаясь, направляется к письменному столу. Он без шляпы. Его длинные седые волосы в беспорядке, галстук плохо завязан; его движения, выражение лица, весь его вид, выдают какую то потерянность. Дыхание его неровно. Он не говорит, а лишь произносит отдельные слова без связи. Он опускается на стул возле стола облакачивается на разбросанные бумаги и прячет лицо).

СОФИЯ *(удивленная его видом и поведением)* Жером!... *(Он не двигается и продолжает стонать).*

СОФИЯ *(обеспокоенная, идет к нему):* Мой друг!.. *(Он не отвечает).*

(Она подле него, кладет ему руку на плечо, спрашивает дружелюбно). Что с вами? (Он поднимает голову, глубоко вздыхает, смотрит на нее с тоской и опять поникает).

СОФИЯ *(склоняясь к нему, поднимает его лоб и говорит с беспокойством):* Вы страдаете? Что с вами случилось?
(Жером де Курвуазье делает усилие, чтобы подняться, чтобы улыбнуться жене и придти в себя. Он хочет говорить, но не может. Он на половину встает и пытается достать рукой какой-то предмет с соседнего стола, где стоят чашки).

СОФИЯ: Что вам дать? *(Жером указывает на графин).*

СОФИЯ *(протягивая ему):* Водку? Вы же не пьете!

ЖЕРОМ *(берет графин, наливает полный стакан и залпом выпивает):* Я лежу, поверженный, о Боги, среди человечества!..

СОФИЯ: Какой неожиданный удар постиг вас?.. Откуда вы пришли, мой друг?

ЖЕРОМ: Из Конвента.

СОФИЯ: Заседание кончилось?

ЖЕРОМ: Нет. Но я не мог оставаться до конца.

СОФИЯ: Что случилось? Какие еще новые ужасы? Разве может что-нибудь вас удивить? Вы же знаете людей!

ЖЕРОМ: Это уже не люди. Это стадо скотов, раболепных и жестоких. Все низкие и дикие инстинкты разошлись в них. Это — мясо, годное для мясника. Это подлые собаки, рыщащие и ищущие крови. Это волки и гиены, охотящиеся за человеком... Огромная зала была безлюдна. Более двухсот бежало, погибло, исчезло. Правая сторона — пустыня. Преемники тех, что ее занимали, бежали со своих мест и на брюхе поползли к монтаньярам. А самые осторожные, будучи неуверенны во всех местах — меняют их непрерывно: ибо никогда не знаешь откуда ждать удара, — сверху или снизу. Они стараются иметь беспартийный вид, они хотят, чтобы о них забыли. Их бегающие глаза высматривают все и слева и справа, — следят за приближением волков и за испугом стада; вот — под покатым лбом желтые глаза Робеспьера, вот под низким лбом покрасневшие глаза Бойо и синие ледяные глаза в глубоких орбитах, глаза хищной птицы — Сэн-Жюста... Он на трибуне. Он будет говорить. Молчание! Шея его напряжена. Он обводит холодным взглядом спины, согнутые перед ним, людей, которые, стараются его не видеть. Он считает их. На кого обрушится он? Но он не торопится. У него есть время. Никто не смеет двинуться. Шесть месяцев тому назад в недрах этого здания гремели голоса, горели страсти: Жирондистов и Монтаньяров; две стороны смотрели друг на друга, сжимая оружие в руке, и две тысячи людей диким ревом отвечали грому, звучащему с трибуны. Сегодня там — могила. Когда говорит один из мясников слышно, как мухи перелетают с одного трупа на другой. Все эти неподвижные тела только вздрагивают от какого-то неясного предчувствия. Войдя на эту бойню, никто уже не знает, ни того, что он будет делать, ни того, что будет сделано с ним. Никто не знает, потребуют ли его жизнь или он от кого-нибудь потребует ее. Перейдя этот порог — (а перейти его нужно, ибо нужно определить себя) — никто уже не остается самим собой. Товарищ, который тебя только что держал за руку, становится тебе чужим. Что он думает о тебе? И что ты думаешь о нем?... Каждый друг другу загадка... Быть может, в следующее мгновение я увижу его сто-

ящим с угрозой в глазах, с пеной у рта, он будет рычать на меня... Или может быть, это я оскалю зубы... Ибо приходит минута, когда мне делается ясно, что сосед потребует моей головы, если я не сделаю это прежде него...

(Жером произнес все это с наивысшим возбуждением. Руки его дрожали. В это мгновение он умолкает и хочет взять графин с водкой. Но София твердо и нежно отстраняет его. Она садится подле него и ласково берет его за руку).

СОФИЯ: Не волнуйтесь. Успокойтесь!... Скажите мне, что случилось. Я стараюсь понять... Сэн-Жюст произнес реч, говорите вы? Новые распоряжения? Вы не согласились?

ЖЕРОМ *(кивает головой)*: Да, новые распоряжения.

СОФИЯ: Но против кого? Они ведь уже разбили всех врагов. И левых, и правых. Несчастливая Жиронда при последнем издыхании, Коммуна сломлена. Не прошло недели, как отрубили головы Геберта, Шометта и Клотса. Кто остается еще?

ЖЕРОМ: Они сами. Они сожрут сами себя. После того, как опустошили Республику, они ее добьют. Сегодня, в шесть часов утра они арестовали...

СОФИЯ: Кого?

ЖЕРОМ: Дантона.

СОФИЯ: Дантона!

ЖЕРОМ: Мы не были друзьями. Я не любил этого человека. Это был смерч, горячность его не имела предела; он был демоном расчета и честолюбия; его низкие инстинкты, его хитрость, возбуждали во мне отвращение и антипатию. Его разглагольствования слишком часто скрывали за собой тишину неуверенности и неизвестности. Но кто может забыть настоящие заслуги, которые славная дерзость оказала Республике? Кто из нас не видел в мрачные дни его фигуру, стоящую надо всем, увенчанную молниями, — этого чудовищного человека, сравнимого только с Гением самой Революции! Когда до собраний дошел слух о его аресте, все, кто были там, застыли от удивления. Не было ни одного, кто бы не подумал, что человек этот был священным членом Национального Духовенства, хотя каждый успел когда-то испытать на себе суровость его власти. Многие, в тяжелые дни, становились под покровительство этой головы Медузы. Целая толпа питалась когда-то кро-

хами с его стола. Но теперь она притаилась и лишь попотом говорит о случившемся. И я сам молчал, как все.

Наконец, один из его товарищей, знакомый всем нам, как спутник этой падающей звезды, — чувствуя, что вовлечен в его падение, и гибнет вместе с ним, попробовал инстинктивно спасти его и себя. Лежандр, человек вульгарный и горячий, когда-то в тени Дантона внимавший его громам, подал голос; страх придал ему силы... Он кричал, он требовал, стараясь завоевать сердца, — освобождения Дантона. И вот большая часть уже поддавалась влиянию этого крика, прорезавшего тишину, и начала поддерживать его сочувственным гулом. Некоторые дошли до того, что осмелились аплодировать. Еще несколько минут и Конвент, быть может, нашел бы храбрость противостать своей гибели, не дать себя удушить...

И вот вошел Робеспьер. Трепетание сердец тотчас улеглось. Пока он шел по зале, мысли стремились опять укрыться в тайниках души. Лежандр увидел Робеспьера. Увлеченный потоком слов он еще с минуту продолжал звать во всеобщем молчании. И затем он потерял почву, остановился, вновь начал, прервал самого себя посреди фразы, постучал кулаком по столу и замолчал. По лестнице, на трибуну, медленно входил Робеспьер. Не устаивая ответом испуганное животное, которое старалось ускользнуть незамеченным, он своим ровным голосом прочел приказ об аресте Дантона, составленный прошлой ночью тремя Комитетами. Приблизительными словами он говорил об огромном заговоре. Он поздравил *«всемогущий Сенат» «с освобождением от недостойных членов, изменивших общему делу»*. Голос его внезапно стал угрожающим. Он обернулся к Лежандру, скрывшемуся за кем-то, и делая вид, что не видит его, призвал власть закона на тех, которые тайно продолжают защищать изменников. Лежандр, заикаясь, просил слова. Но тот неумолимо продолжал делать вид, что никого не замечает. Он кончил свою блестящую, стройную речь, в которой пышно расцветала смерть, и ушел, оставив над главой собрания кровавый топор, увитый лаврами.

Молчание нарастало, становясь глубокой бездной. Из глубины все еще подымалось бормотание Лежандра, восстававшего против смерти. Но на этот раз животное имело одну мысль: сжаться под кнутом и испросить прощения, облизывая

сапоги хозяина... Он судорожно просил извинить его: он не знал, он не понимал... Он отказывался от своего порыва, он брал в свидетели своей низости низость Собрания. Никто не решился протянуть ему руку и ни откуда не раздалось угрозы; бесстрастный Рок смотрел на несчастного утопающего...

Человек исчез. Его покрыли пугливым презрением. Тогда один из Монтаньяров от имени Собрания, поздравил комитеты, чья прозорливость раскрыла новый заговор. С разных сторон залы голоса присоединились к нему. Но Робеспьер, знающий неустойчивость Собрания не удовольствовался этим сочувствием. Он захотел, чтобы путем голосования Конвент высказался и утвердил бы приговор Дантону — и так как приговор был вынесен еще до суда — утвердил бы смерть Дантона.

СОФИЯ: И вы голосовали за это!

ЖЕРОМ: Все голосовали. Все торопились к трибуне, под взглядами вождей. Некоторые голосовали, согнув спины, дрожащими голосами. Большинство, выказывая римскую твердость, уверенно и твердо. Большинство в глубине души содрагались. И Лежандр голосовал, и Лежандр предал своего учителя. Нас было пять или шесть, смотрящих на это с отчаянием. И каждый из нас ждал своей очереди для голосования. И когда она приходила, каждый вставал и бросал камень в побежденного.

СОФИЯ: И вы бросили его!

ЖЕРОМ: Когда пришла моя очередь, я встал и ушел.

СОФИЯ: Вы не голосовали!..

ЖЕРОМ: Я стоял у выхода. Меня вызвали. Кто-то рядом со мной повторил мое имя, тронув мое плечо: «Курвуазье». Какой-то человек (кто это был?) стоял перед дверью. Я отстранил его с порога и вышел из залы. Когда я очутился на улице голова у меня закружилась и я чуть не упал. Какой-то прохожий, увидя это, взял меня под руку, повел в кафе и заставил что-то выпить. Я собрал все силы, что бы только не обращать на себя внимания и пошел домой... Мне хотелось лечь на землю и уже не вставать... Отвращение, отвращение к человеку охватило меня и отвращение к самому себе. Гуманность, Разум, Свобода... — все навеки горько осмеяно. Человек рожден, чтобы прислуживаться, чтобы обманывать. Все,

что делают, чтобы дать ему свободу, чтобы поднять его, только еще больше помогает ему высказать свою животность. Что я сделал?... Я погубил свою жизнь!.. *(Он роняет голову на стол).*

СОФИЯ *(которая слушала его с возрастающим волнением и жалостью, как бы самой себе)*: Бедный человек! Бедный человек!

(Она наклоняется к нему, она отодвигает ему руку от лица, она берет их в свои): Жером, мой друг... мой, дорогой муж! Не теряйте бодрости! Я понимаю вас! Я жалею вас! Я страдаю вашими страданиями... Но я не могу, чтобы вы потеряли свою веру... Нашу веру...

ЖЕРОМ *(поднимает голову, с сомнением)*: Нашу веру?

СОФИЯ: Да, она принадлежит и мне! Конечно, люди низки и жестоки... Увы, мы знаем по себе, сколько скрыто в них чудовищных, недостойных мыслей, которых мы не осмелимся выдать другому, которые уничтожат нас... Но это знание помогло нам начать Революцию, чтобы освободить людей и возвысить их. Мы не прятали от самих себя трудности и опасности этого пути. Может быть наша ошибка была в том, что мы слишком рано решили: борьба окончена. Но в первые дни Свободы так радостно было примкнуть к ликованию всей Франции. Неужели мы должны раскаяться в этом? Да, оно не могло продолжаться, но кто нам не позавидует, когда-нибудь, в будущем, в том, что мы узнали это счастье в нашей жизни? Что мы сорвали этот цветок! Цветок завял. Мгновенную радость мы оплатили. Это было не легко. Но так должно быть. Разве для вас, который в науке нашел незыблемые законы Природы, который научился их узнавать всюду и принимать безропотно, разве для вас это повод отказаться от идеалов или усомниться в них? У вас была сила подняться достаточно высоко и увидеть землю с этой высоты: река Прогресса, человеческого Разума течет по ней. Вы никогда не говорили, что ее течение продлится годы — вы пророчили о веках, с остановками и воротами назад. Мы своими глазами Обетованной Земли не увидим. Но разве не достаточно для нас знать, что она существует, найти дорогу к ней. Придут другие, молодые, сильные, которые продолжат наш путь. Мы, связанные временем, утешимся сознанием их прихода. Против всего, что вас сегодня мучит, у вас есть лекарство в вас самих: ваша личная работа,

ваши изыскания, ваши открытия, — царство науки, недоступное человеческому безумию, и злобе, хотят они того или нет, когда-нибудь дойдет и до них!

ЖЕРОМ (*который постепенно выпрямился, не вынимая своих рук из рук жены. Не спуская с нее глаз, тронутый*): Ах, как хорошо!.. В ваших устах слышать эти слова!.. Вера, моя потерянная вера, вновь возвращается ко мне!.. Жена моя!.. Так вы меня все-таки любите?... А я думал нет!.. (*Он целует ей руки. София, взволнованная, отворачивается, пока муж склоняется перед ней*).

ЖЕРОМ (*поднимает глаза, смотрит на нее с благодарностью и униженно ждет ответа*): София! У вас ко мне действительно есть немного нежности?

СОФИЯ (*пробует уклониться*): Ах, я дрожала сейчас, пока вы рассказывали. Я боялась... Боялась...

ЖЕРОМ (*с грустной улыбкой*): Вы боялись моей низости?

СОФИЯ: Нет! не говорите этого слова!

ЖЕРОМ: Разве я мало ее выказал?

СОФИЯ: Вы не участвовали во всеобщей подлости!

ЖЕРОМ: Ах! Я должен был говорить! Я бежал — я жалок, у меня хватает мужества только на *неделанье*...

(*Валлэ появляется на пороге и, незамеченный, ревниво и презрительно смотрит на них. Когда их глаза машинально поворачиваются в его сторону, он отходит в глубину комнаты*).

СОФИЯ (*нежно*): Вы несчастный человек, вы слабы, и поэтому... (*она останавливает свой сердечный порыв*).

ЖЕРОМ (*притягивая ее к себе*): И поэтому?... (*настойчиво*) И поэтому?... Скажите!.. У вас ко мне немного... великодушия?..

СОФИЯ (*смущенно, опять уклоняясь*): И поэтому, мой друг, потому, что вы слабы, вы заслуживаете большую награду, когда рискуете своей жизнью. Ибо вы ведь рисковали ею — не умаляйте себя, говоря о своем бегстве.

ЖЕРОМ: Да, вы правы. Меня еще привлекут к ответственности. Вот уже два месяца, как я подозрителен. За каждым моим шагом следят, к каждому слову прислушиваются и к молчанию — тоже. Прислушники шпионят за мной. Они — среди наших друзей. Сегодня мне доказали, я ждал доказа-

тельств, чтобы вам сказать о своих подозрениях, мне доказали, что старый Дени Байо...

СОФИЯ (*в ужасе*): О, боги!..

ЖЕРОМ: Все, что здесь говорят, он доносит.

СОФИЯ: Нет! Я не могу этому поверить! Этот старик... тихий и боязливый.. Что его толкает на это?

ЖЕРОМ (*пожимая плечами*): Он покупает свою безопасность. И потом, в наше время подлость — это чума; кругом мы видим честных людей, одержимых желанием загрязнить себя...

СОФИЯ (*в страшном волнении*): Жером!.. Он был здесь!..

ЖЕРОМ: Кто? Байо? Сегодня? (*Она кивает головой, не в силах говорить*).

ЖЕРОМ: Чего вы боитесь? Я знаю вашу осторожность, София...

СОФИЯ: Он был здесь, когда пришел...

ЖЕРОМ: Когда пришел кто?...

СОФИЯ: ...Преследуемый, ища приюта, Валлэ...

ЖЕРОМ (*удивленно и радостно*): Валлэ! Он жив! Он вернулся!.. София, вы приняли его? Вы ему не закрыли дверь?.. Где он?

СОФИЯ: Вот он! (*показывает на Валлэ, который, когда произнесли его имя, вернулся к двери своей комнаты, чтобы скрыть волнение, она выходит в дверь, ведущую на лестницу, оставляя мужчин одних, как-бы желая сторожить у входа*).

СЦЕНА IV.

ЖЕРОМ (*идет к Валлэ, протягивая руки*): Мой друг! (*Валлэ не двигается. После краткой паузы, Жером опять делает шаг к нему*). Ты спасся!.. Говорили, что.. Слава Богу! (*Он дошел до Валлэ и хочет его обнять. Но Валлэ отворачивается и, войдя в гостиную, держится на расстоянии*).

ВАЛЛЭ (*с холодной иронией*): Оставим Бога в покое! Он нашими делами не интересуется. Бог принадлежит Робеспьеру.

ЖЕРОМ (*на минуту остановился в своем порыве нежности. Оправляется*): Валлэ!.. Я снова вижу тебя!.. Среди забот и черных печалей сегодняшнего дня, ты, как луч солнца, блеснув-

ший... *(Он снова сделал несколько шагов по направлению к Валлэ и протянул ему руку, которую тот не берет)*.

ВАЛЛЭ *(тем же ледяным голосом, полным иронии)*: Не подходи так близко, еще обожжешься!

ЖЕРОМ *(вздвинул и отступил на шаг)*: Валлэ! Мой друг!.. Что с тобой? Ты не хочешь мне подать руки?.. Ты боишься меня?.. Мой дом принадлежит тебе. Я благодарю, что ты выбрал его своим убежищем. Ты сомневаешься в моей дружбе? Я верен тебе.

ВАЛЛЭ *(горько)*: Знаю я эти дружбы верных людей, которые в этом году предали нас убийцам.

ЖЕРОМ *(опечаленный)*: Валлэ, ты прав, я не много сделал, чтобы защищать вас. Но — я не оправдываюсь и, если хочешь, суди меня — ты не даешь себе отчета, в какой сумасшедший дом мы заключены; там невозможно произнести ни одного разумного слова. Это болезнь. Ею заражаются постепенно все, даже самые здоровые головы. Четыре года безумств, бредовых речей, лихорадочных приказов, террора, подозрений, мессианских надежд и горьких разочарований создали болезненную атмосферу. Все мысли одержимы страхом смерти. Человек не может годы держаться на острие ножа: «Победить или умереть!» Он истекает кровью и приходит в бешенство. Тот, кто напоминает ему о человеколюбии, будет разорван зубами тигра... Увы, это твои друзья, Валлэ, это твоя партия, это ты, кто первые объявили войну Европе и бросили страну в пекло гражданской борьбы, кто дал сорваться с цепей чудовищам, которые вас же сожрали!..

ВАЛЛЭ *(желая оскорбить)*: Мы отказались работать вместе с преступниками. Другие приспособляются, чтобы спасти свою жизнь.

ЖЕРОМ *(оскорбленный, но сдерживаясь)*: Над нашей жизнью есть дело нашей жизни: молодая Революция! У нее столько врагов! Не будем прибавлять к их гневу — нашего! Мы должны принести в жертву все наши страсти!

ВАЛЛЭ *(дерзко)*: Жертва ничего не стоит тому, кто не имеет страстей, а лишь корысть!

ЖЕРОМ *(не хочет понять)*. Мы о них не говорим. Оставим этих подлецов. Между тобой и мной может быть разговор лишь о тех, у кого есть идея.

ВАЛЛЭ (*также*): Есть такие, которые за нее умирают, и есть другие, которые живы благодаря ей.

ЖЕРОМ (*вскрикивает*): Валлэ!.. Что ты хочешь этим сказать?.. Что, наконец, с тобой такое?.. Можно подумать, что ты зол на меня!

ВАЛЛЭ (*минуту молчит, потом с ненавистью*): Да!

ЖЕРОМ (*печально*): В этот час, когда жизни твоей угрожают, в Париже, полном врагов, неужели не можешь ты поверить преданности человека, который, не разделяя твоих убеждений, уважает тебя и хочет тебя спасти?

ВАЛЛЭ (*вспылчиво*): Нет! Не могу поверить! Твоя преданность — ложь! Ты предан только себе самому, славе, умеренным трудам, золотой середине. Да будут прокляты тираны, убивающие Францию! Но да будут изблёваны находящиеся посередине!.. Ты знаешь, как я ненавижу Робеспьера, это чудовище, палача Республики, продавшегося Австрии! Я всей душой призываю вторую Кордэ, я преклоню колени перед ножом, вырвавшим его сердце. Но я не менее ненавижу осторожных, во время умеющих смолчать, одинаково приспособивших себе порок и добродетель в этой страшной схватке, равнодушных ко всему и занятых только сухим расчетом, готовых служить кому и чему угодно и завтра же изменить!..

ЖЕРОМ (*сдерживаясь, очень спокойно, но внутренне оздрагивая*): Валлэ, эти слова не относятся ко мне!

ВАЛЛЭ (*в бешенстве*): К тебе!

ЖЕРОМ (*потрясенный, минуту молчит*): Но если ты меня так ненавидишь, почему ты пришел ко мне искать спасения?

(*Валлэ не отвечает. Его взгляд скользит мимо Курвуазье и падает на дверь на лестницу, которая открывается. София входит. Он смотрит на нее, сияя страстью. Жером замечает внезапную перемену в его лице. Он оборачивается, чтобы понять причину этого, и видит жену, которая приближается к ним и на которую жадно устремлены глаза Валлэ.*)

СЦЕНА V.

СОФИЯ (*в сильном волнении закрывает за собой дверь и подбегает*): Идут! Идут!.. Жером!.. Он погиб!..

(*Жером весь — в наблюдении за взглядом Валлэ, который, не*

отвечая Софии, не скрывая любит ее. Жером идет к Софии и замечает ее смущение. На минуту он не обращает внимание на смысл ее слов).

СОФИЯ (*хватает его за руку*): Скорей, скорей! Жером!.. Вы слышите меня?..

ЖЕРОМ (*приходя в себя*): Кто идет? Кого вы видели?

СОФИЯ: Вся улица полна! Толпа вооруженных ходит из дому в дом. Нашу дверь уже охраняют. Идите сюда!..

(Она ведет Жерома к окну направо, которое скрывают тяжелые драпри. Она приподымает угол и Жером наклоняется, чтобы посмотреть. Валлэ последовал за ними, но остановился в нескольких шагах и смотрит только на Софию).

ЖЕРОМ: Люди ходят из дома в дом; они, очевидно обыскивают.

СОФИЯ: Вы думаете, этот человек нас уже выдал?

ЖЕРОМ: Кто? Дени Байо?.. Нет... Еще нет... Дело сейчас идет об общей проверке, оно не касается нас одних... Видите, один отряд входит в дом напротив?.. Это очевидно приказ плановых обысков, изданный местным Наблюдательным Комитетом. Заходят во все дома... Но возможно, что после всего, что сегодня случилось, наш они осмотрят особенно тщательно.

СОФИЯ (*убитая*): Клод, бегите!

ЖЕРОМ: Клод? (*очень спокойно*). Ах да, Валлэ!.. Бегство невозможно... Видите, конец улицы оцеплен?.. Никто не может выйти, прежде чем кончатся обыски... Обходят отдельные отряды... Когда кончат в доме напротив — придут к нам. У нас еще есть четверть часа!

СОФИЯ (*постепенно перестает себя сдерживать*): Жером! Надо его спасти!

ЖЕРОМ (*спокойно*): Дорогая моя! И наша жизнь в опасности.

СОФИЯ (*задыхаясь*): Но он! Если его найдут — он погиб!

ЖЕРОМ: Вы тоже, если его найдут здесь!

СОФИЯ (*увлеченная страстью*): Я не забочусь о своей жизни, лишь бы спасти его!

ВАЛЛЭ (*с сияющими глазами*): Я больше ничего не боюсь, раз я достиг цели!

СОФИЯ: Нет! ваша цель жить! Я не хочу, чтобы вы умерли!

ВАЛЛЭ: Жить или умереть обоим.

СОФИЯ (*страстно*): Жить!

ВАЛЛЭ (*полный счастья*): Мы будем жить!..

(*Они оба забыли все окружающее, опасность, надвигающуюся на них, Жерома, смотрящего на них в упор. Оба — рука в руке, взор во взоре*).

ЖЕРОМ (*после паузы, очень спокойно, почти холодно*). Минуты сосчитаны. Если вы хотите жить, не теряйте их, — как можно лучше их используйте!

(*При этих словах София спохватывается, выпускает руки Валлэ, который, со своей стороны, тоже отступаст. Она оборачивается к Жерому — не смея взглянуть на него смущенными глазами*).

ЖЕРОМ (*минуту смотрит на нее и Валлэ и размышляет*): София, вы знаете, в глубине этой комнаты, (*он показывает на первую дверь на лево, у рамы*) в стене алькова потайной шкаф, я сам сделал его для документов, которые никогда никому не должны попасть в руки? Там есть место для одного человека. Пусть Валлэ войдет туда; закройте за ним тщательно дверь. Если, как бывало, обыск будет поверхностным и общим, мы еще можем спастись.

СОФИЯ: Валлэ, идите скорей.

ЖЕРОМ: Подождите! Надо все предвидеть. Если обыск будет по приказу Комитета Безопасности или если Байо нас уже выдал, они ни одного угла, ни одной стены не оставят в покое. Тогда... делать нечего. Вам остается последнее средство... Возьмите!

(*Из складок широкого шейного платка он достает маленький мешочек и делит его содержимое*): Это верный яд... Мне его дал Кабанис... Для вас, Валлэ... София, вот тебе... А это — мое... Идите!

(*София, взволнованная, Валлэ, возбужденный, оба одержимые противоречивыми чувствами, смотрят на Жерома, который идет к окну. Они выходят в дверь на лево, около рамы*).

СЦЕНА VI.

ЖЕРОМ (*один, оборачивается, смотря на дверь, куда скрылись ушедшие и, не отрывая от нее глаз, идет на середину комнаты. С горькой иронией*). Они любовники... Какую дикую злобу вдохнули в моего лучшего друга ревность и близость смерти! Он не поколебался бы убить меня, чтобы украсть мою жену. А она, которой я только что открыл свое несчастное сердце, она — его сообщница; о, конечно и она хочет моей смерти!.. Почему бы и нет?.. Ведь я препятствие к их соединению... Так пусть они радуются! Я не долго буду мешать!.. Я не склонен насильно удерживать подле себя существо, которое хочет только одного — освободиться от меня. Я не склонен более удерживать себя среди подлого человечества... Подлого? Нет! Просто нелепого! Оно не заслуживает даже презрения... Одно существо давало мне смысл веры в него. Но оно отняло у меня и это... Хорошо... Если эти несчастные еще смогут радоваться жизни — пусть радуются! Я-же своей уже более не дорожу!

(*Он подходит к книжному шкапу и достает книгу in-folio. Он вынимает рукописные листы, спрятанные под переплетом*). На этих страницах палачи найдут готовым мой смертный приговор.

(*Он кладет листы на стол, на виду, посреди гостиной. Затем возвращается к окну и смотрит на улицу*).

Они выходят из соседнего дома... Они переходят улицу.. Они входят к нам... Я готов...

СЦЕНА VII.

(*Слышна тяжелая поступь людей, поднимающихся по лестнице. Резкий стук в дверь. Жером, не торопясь, идет и открывает. Входят десять человек вооруженных и начальник отряда. Он одет в широкие панталоны из черной шерсти; короткая куртка, трехцветный жилет, яacobинский парик, (короткие волосы, черные и гладкие) красная шляпа, длинные усы, --- что называется «полная карманьола». У остальных лишь части этой одежды. Некоторые без жилетов, в сапогах, вооруженные штыками*).

КРАПАР: Комитет Общественной Безопасности!

ЖЕРОМ: Входите!.. Это ты, гражданин Крапар?

КРАПАР (с первых же слов небрежно): Ты этого не ожидал?

ЖЕРОМ (спокойно и презрительно): Я ко всему готов.

КРАПАР (грубо и насмешливо): Вот как иногда можно встретиться, а?

ЖЕРОМ (также): Особенно, когда один (и это не я) ищет другого...

КРАПАР: Ты попал пальцем в небо! Однако я пришел сюда не для того, чтобы слюни распускать. Крепко ли у тебя голова привинчена?

ЖЕРОМ: Убедись сам!

КРАПАР (к остальным): Начнем! (Он свистит, как собакам). Ищи, ищи! Пиль!

ЖЕРОМ: Это подходящее обращение! Ты прекрасно научился.

КРАПАР: ...кто смеется последним...

(Люди начинают грубо рыться в ящиках, опрокидывают их, разбрасывают бумаги. На шум выходит София из соседней комнаты. Она подходит к Жерому, неподвижно стоящему посреди комнаты, спиной к обыску).

ЖЕРОМ (не двигаясь, почти не раскрывая рта): Сделано?

СОФИЯ (кивает головой. Вполголоса): Есть надежда?

ЖЕРОМ: Никакой?

СОФИЯ: Кто это?

ЖЕРОМ: Крапар. Негодяй, которого я два года тому назад арестовал в Арабском квартале, как торговца серебром.

КРАПАР (Одному из людей): Тимолеон, покопайся-ка в камине!

(Человек ворошит золу)..

КРАПАР: Немножко сырой соломы!.. Дусэн, принеси, зажги! Если зверь в трубе, мы услышим, как он чихнет.

СОФИЯ (тихо, Жерому): Они знают?

(Жером пожимает плечами).

КРАПАР (людям): Ищите, ищите!

ЖЕРОМ: Побереги, хотя бы, эти произведения искусства! (Он показывает на японские ширмы).

КРАПАР: Искусство это хлам!

(Один из людей, выстукивающий стены штыком, разрывает полотно одного из портретов).

(София вскрикивает).

КРАПАР *(идет к нему)*: Ага!.. Ударь-ка еще разок!..

(Человек еще раз прорывает портрет). Сзади ничего нет?.. Ничего?.. *(Оборачивается к Софии)*. Почему ты вскрикнула? *(София смотрит на него с презрением)*.

КРАПАР *(грубо)*: Ты не достаиваешь меня ответом?.. Что мы, собаки?.. Ей-Богу, гражданка, мы посмотрим, спрятала ли ты чегонибудь за своей картиной... Да не за этой!.. Вот за какой: мы кстати у тебя и блох поищем...

(Жером делает движение, чтобы оттолкнуть Крапара. Крапар отталкивает его). Ну, ты, старик, поспокойнее! До тебя тоже очередь дойдет! Мне приказано все обнюхать. Я и обнюхаю..... Ладно, так и быть, пожалею женскую стыдливость. Мы, гражданка, ваших покоев обыскивать не будем... Ослиная кожа! *(кричит)*. Где эта сволочь?.. Ослиная кожа!..

(В дверях появляется Ослиная кожа, толстая девица с большой грудью). Ты опять где то копаешься? Вот погоди, я тебя ущипну! Иди сюда. Выведи-ка эту красавицу в комнату рядом да поищи нет ли у нее под рубашкой эмигранта!

(Все смеются. София делает жест возмущения. Но бросив взгляд на дверь комнаты Валлэ, она идет послушно в спальную, в сопровождении Ослиной кожи).

ЖЕРОМ *(себе)*: По привычке, они ищут всюду, только не там, где надо; но их надо заставить увидеть то, что у них перед глазами.

(Он подходит к столу, куда положил свои бумаги, которые пока никто не заметил. С намеренной неловкостью он быстро сует их под ворох других бумаг. Крапар замечает это).

КРАПАР *(подскакивая к нему)*: Стой!.. Отдай!.. Отдай!.. *(вырывает у него листы и быстро читает)*: «Трактат о Рабстве».. «Рабство Республики»... Наконец то! *(машет рукописью перед лицом Жерома)*. Должно быть припрятаны и другие!.. Тафта, свяжи ему руки! Вашпар, выверни ему карманы!

(Один держит Жерома за руки, другой обыскивает его; Крапар наблюдает).

КРАПАР: Голова твоя в моих руках.

ЖЕРОМ (*с холодным презрением*): Подавись ею!

(*Входит Лазарь Карно в одежде члена Комитета Общественного Спасения*).

СЦЕНА VIII.

КАРНО (*на минуту застывает на пороге, с удивлением смотрит, потом понимает все и громовым голосом кричит*): Что вы тут делаете?..

(*Люди оборачиваются к двери*).

ВСЕ: Карно!

КАРНО (*большими шагами подходит к Крапару, резко его отстраняет и вырывает Жерома из держащих его рук*): Скоты!!... Руки прочь!..

КРАПАР (*выпрямляясь*): У меня приказ.

КАРНО: Я даю свой!

КРАПАР: Моя обязанность произвести обыск.

КАРНО: Твоя обязанность, уважать уважаемых людей! Выпусти этого человека!

КРАПАР: Разве есть поблажки для врагов Республики?

КАРНО: Идиот! Республика большим обязана этой голове, чем сотне таких ослов, как ты! Его изобретения дали возможность нашей революционной армии выиграть сражения при Ваттиньи.

КРАПАР: Военная победа не имеет отношения к гражданским делам. Не верю я этим орлам!

КАРНО: Ты находишь, что они слишком высоко летают?

КРАПАР: Они выше общего уровня — им надо подрезать крылья! Все равны!

КАРНО: Все — пресмыкающиеся!

(*Люди Крапара смеются*).

Пока люди не все твоего уровня, Крапар, Республика нуждается в водителях! Я — один из них. Приказываю тебе выйти вон!

КРАПАР: Я уйду, когда захочу. Ты здесь не хозяин. Я представитель Комитета Безопасности и я не позволю насмехаться...

КАРНО: Комитет Спасения не имеет привычки шутить. Горе тому, кто ослушается его распоряжений.

КРАПАР: Хорошо. Я уйду, потому что вовсе не желаю здесь оставаться. Но Комитет Безопасности об этом узнает. И если ты распорядишься моей головой, я распоряжусь головой этого человека!

(Он потрясает бумагами, взятыми у Жерома и выходит со своими людьми и Ослиной Кожей).

СЦЕНА IX.

КАРНО: Что он взял?

ЖЕРОМ: Мой обвинительный акт.

КАРНО: Ты обвинитель или обвиняемый.

ЖЕРОМ: И то и другое. Я обвиняю в этих бумагах насилия, утвержденные Конституцией и совершаемые деспотами.

КАРНО: Ты искушаешь небо. Камень падет на тебя.

ЖЕРОМ: Я знаю. Правда убивает.

КАРНО: Курвуазье, время не терпит. Я все знал, идя сюда. Но все идет скорее, чем я думал. Я не думал найти здесь сыщиков.

ЖЕРОМ: Так значит их прислал сюда не Комитет Общественного Спасения?

КАРНО: Комитет Спасения не нуждается в сыщиках. Ему достаточно твоих личных друзей.

ЖЕРОМ: Дени Байо сказал чтонибудь?

КАРНО: Да.

ЖЕРОМ: Значит мне нечего тебе открыть.

КАРНО: Ты прячешь здесь собаку-жирондиста!

ЖЕРОМ: Не думаешь ли ты, что я его выдам?

КАРНО: Нет. Выгони его! Пусть его где-нибудь найдут. В другом месте! Я пришел не для того чтобы о нем говорить. Пусть остается, пусть уходит — голова его стоит немногого сейчас. Я пришел чтобы поговорить о тебе.

ЖЕРОМ: Чего же ты хочешь?

КАРНО: Курвуазье, ты знаешь, что ты на подозрении, и не с сегодняшнего дня. Твое неуверенное поведение, твоё молчаливое несогласие с действиями Комитета, вот уже несколько

месяцев, как сделали тебя нашим врагом. Не трудно было отгадать твои скрытые чувства. Только твои услуги да содействие Приера, Жан-Бона и меня, желавших сохранить для Национальной защиты такую голову, как твою, спасали тебя. Но сегодня чаша переполнилась. Твои сбивчивые слова на заседании, твой поспешный уход, заставили весь Комитет возмутиться. Только что произошел горячий спор. Терпение лопнуло. Большинство решило покончить с тайной оппозицией, более опасной, чем явная. Тебе предложен выбор: или ты за новые законы против осужденных, или ты сам отверженный! Я пришел тебе сказать: сегодня вечером ты придешь к якобинцам, попросишь слова и объявишь о своей верности Конституции. Вот условие твоего спасения.

ЖЕРОМ: *(спокойно)*: Я отказываюсь от него. Я согласен: вот уже год, как поведение мое сомнительно. Сегодня я опять выказал слабость, недостойную меня. Но теперь, после некоторых обстоятельств, о которых бесполезно говорить, ко мне вернулась ясность зрения и спокойствие ума. Я буду счастлив, наконец, понести ответственность за все.

КАРНО: Как?

ЖЕРОМ: Я стану клеймить кровавую диктатуру.

КАРНО: Ты не станешь этого делать. Ты не имеешь права, — да и возможности.

ЖЕРОМ: У меня есть право совести и возможность пожертвовать собой.

КАРНО: Безумец! Ты не видишь, что сейчас нельзя разрушить Комитет не погубив тем самым наше дело — Республику!

ЖЕРОМ: Наше дело было когда-то дать человеку свободные права.

КАРНО: Чтобы человек был свободен, надо сначала защитить его от тех, кто делают из него раба. Права личности ничто без могущества государства.

ЖЕРОМ: Они ничто, когда приносятся в жертву этому могуществу.

КАРНО: Они *суть* ничто, но они *будут* всем. Научимся жертвовать настоящим ради будущего!

ЖЕРОМ: Пожертвовать ради будущего истиной, любовью, всеми человеческими добродетелями, самоуважением —

это значит пожертвовать и самим будущим. Правда не вырастает на почве порока.

КАРНО: Будем откровенны, Курвуазье! Мы оба — люди науки. Мы знаем неизбежность законов Природы. Она не заботится о нашей чувствительности. И человеческую добродетель она топчет, если ей это надо для своих целей. Добродетель — это цель. Я иду к цели — какой угодно ценой, — я хочу ее достичь! Не я установил эту цену. Но я принимаю ее. У меня такое же отвращение, (может быть сильнее твоего) к людям обмана и крови. Теснее чем ты, я должен жить с ними бок о бок. Мне претит насилие, которое я должен санкционировать ежедневно. Но мне кажется, я не имею права отказываться и бросать дело потому только, что оно пачкает руки. Я вспоминаю причину начатой борьбы — человеческий прогресс стоит нескольких нечистых дел, и даже, если надо, преступлений.

ЖЕРОМ: Я понимаю тебя, Карно! Я больше не осуждаю твою непреклонную суровость. Наука, ты сказал, не нуждается в жалости? Я, как и ты, не хочу сентиментальности. Но я не хочу и идеализма. Я старше тебя и я не верю больше в Прогресс человечества. Я слишком человек науки, чтобы верить без оглядки одной только гипотезе (ибо это только гипотеза). И как бы она ни была лестна человеческому духу и его горячим надеждам, — я никогда не поставлю своего бога на алтарь, политый кровью жертв. Для меня священна сама жизнь, — жизнь настоящая, — и только.

КАРНО: Но ты отдаешь свою!

ЖЕРОМ: Я отказываюсь отнимать жизни других и потому делаю это.

КАРНО: Их жизни все равно потеряны.

ЖЕРОМ: А моя — нет, если в страшную эпоху тиранов и подлецов она даст людям пример свободной человеческой души.

КАРНО: К чорту твою душу! Я забочусь о твоей жизни! Мне нужен твой мозг! Курвуазье, нам нужна твоя работа, твой гений. Родина требует этого. Ты не имеешь права уклоняться. Ты отнимаешь от народа плод, который принадлежит ему.

ЖЕРОМ: Мне жаль прервать начатые работы. Любовь к точной истине — единственное, что до конца меня не обма-

нуло. Терпеливое и жадное искание ее — единственное прочное благо. Но за эти последние годы мы поняли, что нужно всегда быть готовым отказаться от всего, что мы имеем: от богатства, счастья, почестей, любви, труда, самой жизни. И я готов.

КАРНО: Себялюбец! Ты помнишь только о себе, даже принося себя в жертву!.. Я тоже готов — лично за себя. Но я не готов, когда думаю о других... Я не решаюсь на это... Курвуазье! Во имя старого взаимного уважения, во имя общей работы, которая нас связывает!.. Прими условия, которые я тебе предлагаю!

ЖЕРОМ: Не могу! *(отходит)*.

КАРНО *(пожимает плечами)*: Упрямый осел! *(Он выжидает минуту, потом делает несколько шагов к Жерому и передает ему какие то бумаги)*. На, возьми.

ЖЕРОМ *(берет и раскрывает их)*: Что это?

КАРНО: Я это знал заранее! Я знал упрямство математиков!.. Положи это себе в карман. Это два фальшивых паспорта для тебя и для жены. Не теряйте ни одного дня! Сегодня же вечером уезжайте из Парижа! Сейчас же, если возможно. Вам оставлены места в дилижансе идущем в Дижон, а оттуда в Сен-Клод. Прощай! Да не увидят вас больше!

ЖЕРОМ *(тронутый)*: Карно!.. *(пожимает ему руку)*. Но к чему бежать? Нас сразу остановят... Разве можно ускользнуть от ищеек Комитета и гнева Робеспьера?

КАРНО: Он все знает.

ЖЕРОМ: Кто? Он?

КАРНО: Да, он, — Непобедимый! Инициатива моя, а он притворяется, что ничего не слышал; однако, я пришел сюда с его согласия. Твоя смерть нам помешает, Курвуазье! Республике нет расчета обременять себя твоим трупом. Он слишком для нее тяжел. Сослужи нам службу — унеси его куданибудь подальше. Комитет на это закроет глаза. Только не заставь опять их раскрыть! Не дай себя схватить! Это не простится.

(Он выходит).

СЦЕНА X.

(Жером де Курвуазье садится к письменному столу и задумывается. Дверь комнаты Софии осторожно приоткрывается и она входит. Она осматривает пустую комнату и видит мужа).

СОФИЯ (тихо). Они ушли?

ЖЕРОМ (не оборачиваясь): Да.

СОФИЯ: Что вам сказал Карно?

ЖЕРОМ: Ничего (оборачивается). Не будем терять время на пустые слова! Мгновенья сосчитаны. Скажем друг другу то, что необходимо... Пойдите сюда, София. То, о чем мы будем говорить, не должно быть услышано тем человеком, там... (показывает на комнату, где находится Валлэ). Вы его любите... Не отвечайте. Я это знаю. Вы слишком правдивы и не сумели этого скрыть, (после паузы), — однако все же недостаточно — ибо не признались мне в этом. (Она делает движения, он останавливает ее). Я ни в чем не упрекаю вас. Если вы не смогли этого сделать, значит ни одна женщина не смогла бы на вашем месте. Я знаю вашу прямоту и слабость вашего сердца. Мне вас жаль.

(София стоит перед Жеромом, который сидит. Она уронила руки, опустила голову; она раздавлена последними словами).

ЖЕРОМ (смотрит на нее с печальной усмешкой): Как вы его любите!..

СОФИЯ (не поднимая головы): Да, я люблю его. (Короткая пауза). Простите меня.

ЖЕРОМ: Вы свободны.

СОФИЯ (поднимает голову, протягивает Жерому обе руки): Жером! Скажите мне... что делать?

ЖЕРОМ: Мне нечего отвечать. Каждый сам себе судья. Каждый отвечает за себя.

СОФИЯ: Но вы будете презирать меня.

ЖЕРОМ: Нет. Во мне не осталось ни презрения, ни ненависти. Тут нет виноватых. Виновата сама жизнь. (София протягивает к нему руки).

СОФИЯ: Но вы... вы будете страдать!

ЖЕРОМ: Нет. В моем возрасте и в такой час у меня уже

нет времени для страданий. Думайте только о себе. Если можете, будьте счастливы.

СОФИЯ (с отчаянием): Жером!..

(Стоя, облокотившись о камин, она рыдает, спрятав лицо руками. Жером, тронутый, встает, идет к ней, наклоняется над ней, как отец).

СОФИЯ (поднимает лицо в слезах): Увы! мы любим друг друга! Почему проходит любовь? Почему изменяется? Простите меня. Я опять огорчаю вас... Мой друг... Я не перестала чувствовать к вам самую почтительную нежность! Вместо того, чтобы причинять вам такую боль, я согласилась бы страдать сама и молчать до смерти... Но, как вихрь, налетела на меня страсть и раскрыла все двери... Она овладела мной, она увлекает меня... Что делать? Скажите мне, что делать? Могу ли я ей противостоять? Возможно ли это?.. Хорошо ли это?.. мыслимо ли это для человека?...

(Жером с жалостью смотрит на нее, улыбается ей сочувственно. Потом берет со стола оба паспорта, данных ему Карно, и передает их ей. София машинально берет бумаги и смотрит на них, не понимая).

ЖЕРОМ: Вы уедете сегодня вечером... Оба... Эти бумаги открывают вам путь из Парижа через всю Францию, к границам Швейцарии. Все предусмотрено. Визы в порядке, места заказаны. Вам не трудно будет принять подобающий вид. Предупредите Валлэ и торопитесь! Нельзя, чтобы ночь вас еще застала здесь. Идите! Спасите его жизнь и ваше счастье!

СОФИЯ (в крайнем волнении): Мой друг... Вы хотите?... Вы хотите?.. Нет, это невозможно!..

ЖЕРОМ (спокойно): Надо спасти Валлэ... Разве вы этого не хотите сами?

СОФИЯ (страстно): Да, я хочу!

ЖЕРОМ: Так сопровождайте его! Он один не уедет и вы не должны оставаться одна. Я вас оставляю на попечении друг друга. Не опаздывайте! Уезжайте!

СОФИЯ (наклоняется, берет руки Жерома и целует их. Жером хочет их отнять. София выпрямляется, не выпуская рук мужа. Оба стоят и смотрят друг на друга с нежностью): Как вы добры!.. Я не могу этого от вас принять.

ЖЕРОМ: Будьте спокойны. Между нами все — просто.

СОФИЯ: Я не могу покинуть вас.

ЖЕРОМ: Сердце ваше уже покинуло меня. София, не будем обманывать друг друга! Ваше сердце принадлежит другому.

СОФИЯ: О, какая боль знать, что сердце я когда-то отдала вам и вот отнимаю его от вас!.. О, какая боль думать, что сердце мое не принадлежит мне, что я сама себе не принадлежу!.. Я убита неизбежностью времени!.. Вчера я была ваша! Я обещала вам нести до конца ваши радости и печали. И вот я бросаю вас посреди пути, чтобы самой взять новую тяжесть начинающейся любви!.. Ах, все, что имеем, чтобы спасти любимого человека!

СОФИЯ: Любимого человека?.. Курвуазье! я ношу ваше имя, я еще ваша жена. Пока узы, нас связывающие, еще не порваны, я требую, по праву жены и на основании закона, который мы всегда уважали,* полной вашей откровенности... Вы должны мне сказать, что случилось? Не скрывайте ничего!

ЖЕРОМ (*после краткого раздумья*): Нас выдали. Байо донес на нас. Все знают, кого мы скрываем. Ночью придут арестовать Валлэ.

СОФИЯ: И вас.

ЖЕРОМ: Дружба Карно спасет меня.. Ну, довольно... Идите! Готовьтесь к отъезду. Оденьтесь потеплее! Соберите вещи, самые необходимые!.. Я позову Валлэ.

(*Он идет к двери, но в это время Валлэ сам входит; взгляд его блуждает, одежда в беспорядке*).

СЦЕНА XI.

ВАЛЛЭ (*опасливо осматривает комнату*): Их нет здесь?

ЖЕРОМ: Нет. Но они вернуться.

ВАЛЛЭ (*так же*): Когда?

ЖЕРОМ: Не знаю.

ВАЛЛЭ (*большими, беспокойными шагами обходит комнату, заглядывает в окно, слушает у двери*): Куда бежать? Где скрыться?

ЖЕРОМ: Валлэ, я хочу говорить с тобой.

ВАЛЛЭ (*ходит, не слушает*): Я больше не пойду туда, куда вы меня заперли. Я не хочу быть без движения. Я ле-

жал там, как в гробу. Я слышал, как они ходили по комнате. Они задели дверь, придавившую меня, за которой я задыхался, не имея возможности защититься... Я не могу этого выносить... Я больше не пойду туда...

ЖЕРОМ (*сидит. Спокойно*): Ты и не пойдешь. Слушай, что я тебе скажу.

ВАЛЛЭ (*тревожно*): Ты говоришь, они вернутся?

ЖЕРОМ (*спокойно*): У нас есть время поговорить.

(*Он знаком просит его сестъ. Валлэ садится, но слушая Курвуазье, он все время прислушивается к звукам, долетающим извне*).

ЖЕРОМ (*спокойно*): Я уговорил жену уехать на некоторое время отсюда. Здоровье ее за эту зиму пошатнулось. Она месяца на два поедет к Саоне, недалеко от Ключни. Я должен был ее сопровождать, но общественные дела не позволяют мне...

(*Валлэ привстал и слушает шаги на лестнице*).

ВАЛЛЭ (*задыхаясь*): Идут...

(*Минута молчания. Жером ничего не слышит. Софья слушает неподвижно, сидя напротив камина, только что зажженного ею. Валлэ насторожившись, готовится прыгнуть на того, кто посмеет войти*).

СОФИЯ (*спокойно*): Подымаются в верхний этаж.

(*Валлэ садится*).

ЖЕРОМ (*словно его и не прерывали*): ...не позволяют мне ее сопровождать. Вот мой паспорт. Поезжай вместо меня.

ВАЛЛЭ (*пораженный*): Я!

ЖЕРОМ (*по прежнему*): Таким образом, будучи с ней, ты ускользнешь из расставленного тебе капкана. Там ты будешь недалеко от границы. Остальное меня не касается.

(*Валлэ встает, берет паспорт, который протянул ему Курвуазье, складывает его и опять перелистывает слишком взволнованный, чтобы говорить*).

(*Во время последней сцены Софья слушала, размышляла, смотрела на обоих мужчин и бесшумно разорвала свой паспорт, бросив его в огонь. Она встает и подходит к Валлэ*).

СОФИЯ (*Жерому, который знаками просит ее молчать*):

Нет, мой друг, позвольте мне сказать. Не надо ничего таить от него.

(*К Валлэ с ласковой твердостью*): Клод, мой муж знает все. Я ему призналась во всем. Он так великодушен, что предоставляет мне следовать за вами. Я приняла решение. Я свободна и я остаюсь с мужем. Я по своему желанию отдала ему себя на всю жизнь. Он никогда не злоупотреблял моим чувством. Я не могу отнять от него себя без того, чтобы не оскорбить его. Гордая душа никогда не отступает. Я хочу делить с ним его испытания. Я этого хотела раньше и буду хотеть всегда.

(*Она подходит к мужу и протягивает ему руку*).

ЖЕРОМ (*с волнением*): Я не имею права удерживать вас. Я не могу губить вас.

СОФИЯ (*быстрым шопотом*): Молчи! Пусть он не знает!

ВАЛЛЭ (*горько*): Вы никогда не любили меня!

СОФИЯ: Я люблю вас, Валлэ. Я всегда буду любить вас. Если мы не властны не страдать в любви, то пусть мы не будем игрушками в ее руках.

ВАЛЛЭ (*также*): Вы никогда не любили. Вы любите только свою гордость.

СОФИЯ (*нежно*): Мой друг, если бы у меня не было этой гордости, этой маленькой, едва дышащей гордости, любили бы вы меня так же сильно? Любили бы вы долго меня, — слабую, ощупью идущую, преданную кратким страстям, без твердой веры в себя? Были бы вы счастливы? Мы боялись бы недомовечности счастья, увядания любви. И под конец, мы оказались бы одни, опустошенные...

ВАЛЛЭ (*гневно*): Что же из этого? Я бы имел вас!

СОФИЯ (*с грустной улыбкой*): И вы бы сломили меня... Ну, надо вас спасать, бедная птица, за которой люди охотятся! Для других вы сейчас — добыча!.. Не будем больше говорить! Подумаем лучше о средствах спасения.

ВАЛЛЭ: Я не хочу уходить отсюда без вас!

СОФИЯ: Я сожгла свой паспорт. Я не могу ехать.

ВАЛЛЭ: По крайней мере, не сегодня ночью! Я хочу провести эту ночь под твоей крышей.

ЖЕРОМ: Там знают, что я укрыл тебя. Ты будешь здесь арестован не позже полночи.

БАЛЛЭ: Нет! Ты лжешь! Ты обманываешь меня!

ЖЕРОМ: Ты можешь проверить. Они могут придти сюда с минуты на минуту.

БАЛЛЭ: Неправда!.. *(Прислушивается)*. Вот они!.. Нет... Я остаюсь, я никуда не уеду.

ЖЕРОМ *(спокойно)*: Так оставайся. Ты готов умереть?

БАЛЛЭ *(вздвинув)*: Умереть?... Нет, нет! я не хочу!.. Умереть?... О, ужас!..

ЖЕРОМ *(так же)*: Через час ты будешь схвачен, утром судим, завтра вечером гильотинирован...

БАЛЛЭ *(вне себя)*: Завтра, в этот час — просто кусок мяса, свяленный с другими на телегу!.. Я?... Никогда!.. Я не хочу!.. Спасите меня!..

(Он, полубезумный, сваливается на пол около пустого кресла судорожно сжимая руками его спинку).

ЖЕРОМ: Так приготовься бежать!

(Он встает, и с женой вместе собирает кое-какие вещи: одежду, еду, и кладет их в мешок. Баллэ встает, медленно и глубоко дышит, не смея взглянуть на друзей, которые ходят мимо него.

Он становится к ним спиной, лицом к зрителям).

БАЛЛЭ: Мне стыдно...

СОФИЯ *(подходит к нему и накидывает ему на плечи пальто)*: Мы спасем вас, друг...

БАЛЛЭ: Мне стыдно...

СОФИЯ *(одевая его; как мать)*: Не стыдитесь. Хорошо, что вы хотите жить. Я рада, что вам дорога жизнь.

БАЛЛЭ: Я ненавижу ее и хочу ее! Я не могу, не могу отказать от нее... О, боги! Что же случилось? Я унижен, раздавлен... София, чтобы достичь вас, я избег тысячу смертей, я ничего не страшился — я боялся одного — не увидеть вас... А теперь, теперь!.. Я не могу выносить мысли о смерти... Нет, не смотрите на меня так, не жалейте меня! Как я, должно быть, отвратителен!

СОФИЯ *(очень тихо)*: Друг, я никогда вас не любила так, как сейчас.

БАЛЛЭ: Ах, с той минуты, когда я вас увидал, пропала моя энергия. Когда я узнал цену жизни, которой не дорожил,

я не смог более отказаться от нее... (*Он подавлен*). Я низкий человек... Я трус.

ЖЕРОМ (*ласково подходит к нему*): Не мучай себя!.. Не обвиняй свою слабость! Мы знаем, что нет человека смелее тебя. Но самый смелый из нас — тоже только человек. Ты надорвал свои силы. Ты пять месяцев вел нечеловеческую борьбу. И вот усталость камнем пала на тебя. Ты склонился к земле, — но все еще сопротивляешься. Довольно! Уходи с арены! Ты можешь это сделать, не опуская головы! Ты должен это сделать! Уезжай из Парижа, из Франции! Беги от врагов! Иди набраться сил для новой борьбы!

ВАЛЛЭ (*постепенно успокоенный этими словами встает и собирается уходить*): А вы последуете за мной?

ЖЕРОМ (*добродушно*): Я не вечен!

ВАЛЛЭ: А вы, София?.. Тогда... Может быть, когда-нибудь...

(*Он резко умолкает, бросая испуганный взгляд на Курвуазье; нагибается и долго целует руки Софии; затем идет к двери. Перед тем, как выйти, оборачивается к Курвуазье, который протягивает ему руку; секунду колеблется, жмет ему руку, — бросает последний взгляд на Софию*). Прощайте! (*Выходит*).

СЦЕНА XII.

(*Жером де Курвуазье и София остаются вдвоем. Ночь наступила. Жером все еще смотрит на дверь, куда ушел Валлэ. София подходит к окну и смотрит сквозь занавеску*).

ЖЕРОМ (*добродушно*): Мне кажется, что этот молодой человек пожелал окончания моих дней.

(*Он идет к камину и разжигает его*).

СОФИЯ (*отходя от окна, идет к камину. Меланхолично, с тихой иронией*): Он не дал себе отчета в продолжительности моей жизни!

(*Она оборачивается к Жерому и протягивает ему руки. Он берет их и смотрит на нее с нежностью*).

ЖЕРОМ: Вы ни о чем не жалеете?

СОФИЯ: Арест неизбежен?

ЖЕРОМ: Да, выхода нет.

СОФИЯ: Тогда все хорошо.

(Она отнимает руки. Они оба подсаживаются к умирающему огню).

ЖЕРОМ: Вот он, наш последний вечер.

СОФИЯ: Я чувствую себя легко. Больше ничего не надо решать. Больше не надо бороться, желать. Надо предаться времени, которое за нас все сделает.

(Жером приближается к ней и смотрит на нее с глубокой нежностью. Она кладет ему голову на плечо, колени их соприкасаются; руки сложены на коленях. Они думают и улыбаются, смотря в огонь. Почти весь следующий диалог — вполголоса).

СОФИЯ *(нежно и спокойно)*: Мой дорогой, мой добрый муж, вы так легко принесли себя в жертву мне!

ЖЕРОМ: Это не значит принести себя в жертву — я хотел просто вашего счастья.

СОФИЯ: Теперь я счастлива.

ЖЕРОМ: Вы хотите меня утешить.

СОФИЯ *(вздрагивает незаметно. Спокойно и медленно)*: Нет, мой друг, я говорю правду. Я оставила все печали на другом берегу, который мы покинули. Ах, какое облегчение, положив вам голову на плечо, видеть, как они постепенно удаляются *(не двигайтесь!)*, как исчезает человеческий ад, со своими страстями, безумствами и ужасами!

ЖЕРОМ *(нежно)*: Наш Валлэ не пресыщен еще всем этим.

СОФИЯ *(так же, с легкой улыбкой)*: Бедный мальчик!.. Да, какой он был жадный, как хотел опять окунуться в жизнь! Вы думаете, он ускользнет?

ЖЕРОМ: Я надеюсь.

СОФИЯ: Какое счастье!.. Но я боюсь, что он огорчится, когда узнает о нашей судьбе.

ЖЕРОМ: Жизнь возьмет свое.

СОФИЯ: Да, я думаю... Бедный Валлэ.

ЖЕРОМ: София, вы помните, наши долгие вечера здесь, в этой комнате, где вы, читая, иногда смотрели на меня, когда я работал, и я смотрел на вас, когда вы мечтали, и мы мечтали оба, *(ибо ведь все мечты, — и любовь, и наука, и работа)*; мы делились поочередно друг с другом нашими мечтаниями; и

часто, когда бывало трудно, я уверенно прибегал к вашему разуму, моя добрая советчица!

СОФИЯ: Я помню все. С первого вечера, когда я, молодая женщина, вошла в этот старый дом. Мы только что соединились с вами. И, хотя вы уже были окружены славой, вы немножко боялись меня, потому что я была молода, а вы нет! Тогда, когда мы остались одни, вы подошли ко мне и тихо сказали: «Простите за то, что я люблю вас!».

ЖЕРОМ: И вы простили?

СОФИЯ: Сердце мое наполнилось благодарностью, которую сегодня, в этот последний вечер, я снова почувствовала. Простите вы меня за то, что я ее забыла.

(Она протягивает голову Жерому, он ее целует в лоб).

ЖЕРОМ: Я тоже, София, я забыл свой долг быть смелым и правдивым. Еще сегодня вечером я был в состоянии такой слабости, когда вернулся домой! Неужели сознание, что вы для меня потеряны, дало мне сил для моего решения?

СОФИЯ: Мы оба потерялись в этом мире мучений!.. Да будет благословен тот час, когда мы нашли друг друга и себя самих!

ЖЕРОМ: «*Nunc dimittis*»... Мы дошли. Слушай! Шаги в пустынной улице, сюда идут!..

СОФИЯ *(с просыпающейся тоской)*: А все наши великие планы, наши разбитые надежды, ваша погубленная работа, все это умирает с нами?

ЖЕРОМ *(прислушиваясь)*: Они поднимаются по лестнице!..

СОФИЯ *(с тоской)*: Если-б мы по крайней мере оставили после себя ребенка... Ах, зачем, зачем нам была дана жизнь?

ЖЕРОМ *(твердо)*: Чтобы одолеть ее.

(Молчание. Они встают. София, облокотясь на руку Жерома, смотрит на него уверенно и улыбается).

(Они не разъединяются до конца сцены, стоя один против другого; София положила голову на плечо Жерома. Они смотрят друг на друга и не обращают внимания на открывающуюся дверь).

(Слышны голоса).

СОФИЯ *(меланхолически улыбаясь)*: Одолеть... Прощайте, мой друг!.. «...Уж лавры срезаны»...

ЖЕРОМ (*очень нежно*): «За ними пойдет красавица в лесок»...¹⁾).

СОФИЯ (*показывает на стол, где лежит ветка сирени, оставшаяся здесь с начала действия*): Нет, лучше дайте мне эту молодую, умирающую ветку, эту сирень!..

(*Курвуазье дает ей ветку, которую она целует. Дверь открывается. Входит отряд вооруженных людей*).

РОМЭН РОЛЛАН.

Вилленев. 22 июня. 1924.

Авторизованный перевод с французского Н. Берберовой.

¹⁾

«Уж лавры срезаны, за ними
Пойдет красавица в лесок» —

Отрывок из народной песни, которая начинается так: «Мы больше не пойдем в лесок»...

Крысолов^{*}).

ДЕТСКИЙ РАЙ.

(Глава шестая и последняя).

Розан ал, студень гол,
А будильник — зол.

В школу! В школу! В школу! В школу!
Норд-Ост — в спину! Норд-Вест — в полы!

Не продравши глаз —
В класс! в класс! в класс!

Жарче шуб, слаще дынь —
А будильник: дэинь!

Разрывай-рывай глаза!
Спать нельзя! нельзя! нельзя!

Собирай-бирай мозги!
Тьма — ни зги! ни зги! ни зги!

Но—гами в чан!
Под кран! Под кран!

Не роман и не драма, — скупна весьма!
Из под крана смывайте румяна сна!

¹⁾ Окончание, см. «В. Р.» за 1925 г.

Готы идут и гунны.
Но, говоря разумно,

Так от готов и гуннов — а мир был мал! —
Что осталось? Хороший балл.

Гул да балл.
Гунн да галл,
(Спутал — влет).
Галл да гот.

Гот да галл.
— Слишком мал —
Гунн да гот,
— Бутерброд.

Гунны — конные, ножки гнуты.
В фунте двадцать четыре фута.
Плюс на минус выходит — плюс.
Цезарь — немец.

Сейчас проснусь.

Спит сурок, спит медведь.
— Спать не сметь! не сметь! не сметь!

Спит мертвец, спит индус.
— Отосплюсь — просплюсь — просплюсь...

Буки — Аз —
В щелки глаз.

Сотней ос —
В ноздри, в нос.

На сто лет, на сто мод —
Мой завод — завод — завод.

Рухнет дуб, рухнет трон —
Заведен — веден — веден.

Сотни лет, сотни мод —
А что дальше будет —
Скажет тот, скажет тот,
Кто будильник будит.

Что есть час? что есть год?
Ведь и кратер грохнет!
Скажет тот, скажет тот —
Кто будильник грохнет.

Час пропал, день сгорел,
А будильник — цел.

Были доли —
Выросли горы.
Нынче — в школу,
Завтра — в контору.

Где вы, пчелы?
Где вы, зубрилы?
Нынче в школу,
Завтра в могилу...

Утомительней мошкары...
— Шко-ля-ры!

Что́ это? Новый звук!
Книги летят из рук
— Мимо — и прямо в печь.
Руки хотят от плеч,

Слезы хотят из глаз,
Сало упало в таз,
Мыло упало в суп —
В школьную Morgensupp'.

Звуки! Звуки! Как из лейки!
Как из тучи! Как из глаз!
Это флейта, это флейта
Это флейта залилась!

Скоки! Скоки! Как из стойла!
Топот-притоп, топот-пряд
— Флейта, лей нам! Флейта, пой нам! —
Жеребят, козлят, телят.

Вольница.
Конница.
Школьники.
Школьницы.

Что ливень с суков,
Что щебень с горы
Со всех чердаков
Горох детворы.

Школьник? Взор. Бальник? Сдан.
Ливня, ливня барабан.

Глобус? Сбит. Ранец? Снят.
Щебня, щебня водопад.

Всплески! Всплески! Как из шайки!
Атлас, старься! Грифель, жди!
В роце — сойки, в роце — зайки,
В роце — белые дрозды!

Крики! Крики! Так, примером,
Рты и глотки растворя,
Дикари миссионером
Заедают жития.

— Дет-во-ра!
Золотых вечеров мошкара...
Ди-ка-ри!
Голосистых прудов пискари...

Прочь из нор!
Мотылек — не сурок, не бобер.
Прочь из школ!
Ведь еще первоцвет не отцвел.

Есть у меня — не в службу, а в дружбу! —
Для девочек куклы, для мальчиков ружья,
— Глубокая ловля и быстрая гребля, —
Для девочек — иглы, для мальчиков — кегли,

На—ряд и доспех
И — вафли — для всех.

Птички — рожица, рыбкам — озерце,
На всё особи, на всё возрасты!

Младшим — сладости, старшим — пряности, —
На всё тайности, на всё странности.

Блеск — больно глазам:
Эдем и Сезам.

Под родительскою крышею
Вы там-там бессонный слышали?

Под родительскою кровлею
Кто шербет блаженный пробовал?

Дом — тесный загон
Для львов и для жен.

Есть у меня — сказал, так в ладони! —
Для девочек лани, для мальчиков кони
Плоды Соломона и розы Саади,
Для мальчиков — войны, для девочек — свадьбы,

Весь — мир — нараспев
И ласка для всех.

Рыбки в лужице! Птички в клетке!
Уничтожимте всё отметки!

Рыбкам — озерце, птичкам — лето, —
Уничтожены всё предметы!

Рож—дественский стол
В древнейшей из школ.

— Говорят, что он в зеленом!
— Где-ж он? — Я иду за звоном.

— Он в жару меня баюкал.
— Где-ж он? — Я иду за звоном.

— Я за красною фатой.
— Я за старшею сестрой.

— Говорят, что рай — далёко.
— Я не выучил урока.

— Что-то боязно мне втайне.
— Я — за дальним. Я — за крайним.

— Я — чтоб детство наверстать.
— Не остаться. — Не отстать.

— За отчаявшимся кладом.
— Я — за славой. Я — за стадом.

— Все равно — домой нельзя уж!
— Я — так за море! Я — замуж.

— Потому что в школе бьют.
— Потому что всё идут.

— Ночевать хотел бы в сене.
— Я — за Францем. Я — за всеми.

— Воевать хотел бы с львами.
— Я? не знаю. Ноги сами.

Потому что фатер — бьет.
Потому что — *всё* идет!

...Колотушки — и те в миндалинках!
Погремушки для самых маленьких!
Сказки — пастора рассмешишь!
И романтики для больших.

На всякие нужды! на всякие вкусы!
Для мальчиков — пули, для девочек — бусы.
На всякие жажды! на всякие масти!
Для мальчиков — игры, для девочек — страсти.

Без свах, без помех.
И — письма — для всех.

— Говорят, что он заводит,
Топит. (Ворочай, народец!).

— Заведет, потом загубит!
— Раз не *может*, так не будет

Хуже! — В лад — так не злодей!
— В ад — так без проповедей!

— Хорош еще, что вместе,
Кучей. — А сказать по чести...

(То с воды идет, то свыше, —
Где-ж он?). — Ничего не слышу:

Ни гопп-гопп и ни ду-ду, —
Всё идут, и я иду.

— Есть у меня — все, все, кроме ренты!
Для мальчиков флинт, для девочек ленты,
Дозорные знаки и тайные числа,
Для девочек — звуки, для мальчиков — смыслы,

Сих — с теми — родство.
И — рифма — на все.

Ветер в полы!
Мимо школы!

Целым цирком —
Мимо кирки.

Кем ни разу не ласкан
Да без просыпу таскан —
До свидания, классный!
До свидания, пастор!

Не напишем и не пиши!
— Малыши!

Есть у меня — не все перескажешь! —
Для мальчиков — радость, для девочек — тяжесть,
Нежна — перелюбишь, умна — переборешь.
Для мальчиков — сладость, для девочек — горечь.

Дно — страсти земной...
И — рай — для одной.

Здесь — путы,
Здесь — числа...
Разруха...
Разлука...

Рай — сути,
Рай — смысла,
Рай — слуха,
Рай — звука.

Точно облачко перистое.
Шепот: Грета бургомистрова!

Стройтесь, резвые невестины
Сестры в свадебное шествие.

Позабыв о сальных бальниках —
За руку берите маленьких.

Школьный дом уже с горошину!
На руки берите крошечных

Братцев аистовых...
— Не раскаиваться!

Вроде благовеста...
— Не оглядываться!

Вот он, в просторы стай,
Города самый край.

— Заростай,
След от ног наших. Спросят — в Китай.
Враний грай,
Голоса и шаги заглушай.

Вы, кусты,
Не храните одежд лоскуты.
Ветер, ты
Голоса и шаги относи.

Без следа!
Говорят, что сегодня среда:
День труда.
В том краю воскресенье всегда.

Жить — стареть,
Неуклонно стареть и сереть.
Жить — врагу!
Все, что вечно — на том берегу!

В царстве моем — ни тюрем, ни боев, —
Одно ледяное! одно голубое!
Под зыбкою рябью, под зыбкою кровлей
Для девочек — перлы, для мальчиков — ловля.

Их. — С грецкий орех!
И — ванна — для всех.

Спи-усни, спи-исчезнь,
Жемчуг — чудная болезнь.

Хворост — сер. Хочешь — ал?
Вместо хворосту — коралл.

В царстве моем — ни свинки, ни кори,
Ни выпших материй, ни средних историй,
Ни расовой розни, ни Гуссовой казни,
Ни детских болезней, ни детских боязней:

Синь. Лето красно.
И — время — на все.

Тише, тише, дети! Отданы
В школу тихую, подводную.

Лейтесь, лейтесь, розы щечные,
В воду вечную, проточную.

Кто то: мел! кто то: ил!
Кто то: ноги промочил!

Кто то: вал! кто то: гул!
Кто то: озера хлебнул!

А вода уже по пальчики
Водолазам и купальщицам...

Жемчуга навстречу сыплются.
А вода уже по щиколку...

Под коленочки норовит.
— Хри—зо—лит!

Красные мхи, лазурные ниши...
(А ноги все ниже, а небо все выше)
Зеркальные ложи, хрустальные зальца...
А что-то все ближе, а что-то все дальше...

— Берегись! По колено ввяз!

— Хри—зо—прас!

А вода уже по плечико

Мышкам в будничном и в клетчатом.

Выше, выше, носик вздернутый!

А вода уже по горлышко, —

Усладительней простыни...

— Хру—ста—ли...

В царстве моем (нежнейшее dolce)...

А веку все меньше, а око все больше...

Болотная чайка? Младенческий чепчик?

А ноги все тяжче, а сердце все легче...

Поминай, друзья и родичи!

Подступает к подбородочку.

Хороши чертоги выстроил ,

Нищий — дочке бургомистровой?

— Вечные сны, бесследные чащи...

А сердце все тише, а флейта все слаще...

— Не думай, а следуй, не думай, а слушай...

А флейта все слаще, а сердце все глуше...

— Муттер, ужинать не зови!

Пу—зы—ри.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА.

Париж, ноябрь 1925 г.

Встреча с Ромэном Ролланом.

(К 60-летию со дня его рождения).

В мае 1924 г. Ромэн Роллан посетил международный музыкальный фестиваль в Праге. Несмотря на отсутствие в столице президента республики Масарика, он числился «гостем президента», занимал в театре ложу президента и окружен был со стороны чехов всяческим вниманием.

Как всегда бывает с почетными гостями, его немножко «охраняли» — от восторженной толпы, разумеется. К тому же, писатель недомогал. Вследствие этого, было довольно трудно добиться свидания с ним.

Но для меня лично была почти непереносна мысль, что Ромэн Роллан пробудет одну или две недели в Праге, потом вернется к себе в Швейцарию, и я так и не увижусь с ним. Я готов был заранее сожалеть об этом и за себя, и за своих остающихся в России друзей, которым я не смогу никогда после рассказать, как, очутившись случайно в Западной Европе, я имел счастье встретиться с самим Ромэном Ролланом, деятельность и творчество которого составляют, быть может, удивительнейшее и прекраснейшее явление на фоне всей современной западно-европейской культурной жизни.

Почти личное чувство привязывало меня к Ромэну Роллану, несмотря на то, что я никогда его не видал. И, собственно, не писательской деятельностью Ромэна Роллана было обусловлено это чувство. Нет.

Вспомнились мне те роковые годы, первые годы мировой войны, когда с кучкой своих русских единомышленников, шедших по стопам Толстого, я опубликовал антимилитаристическое воззвание и за это, еще до суда, брошен был на 13 месяцев в Тульскую тюрьму. Весь мир, казалось, шел тогда против нас, и мы шли против всего мира. За тем ураганом ненависти и взаимоистребления, который охватил почти все культурнейшие страны Европы, до нас не доносились сочувствующие, однородные нашим голоса из-за рубежа нашей родины.

Мы думали, что сражаемся одни. Каково же было наше счастье и как глубоко удовлетворены мы были через некоторое время, когда узнали, что нашлись независимые и смелые умы в разных концах мира, которые, действуя без сговора и одновременно, также противопоставили свою волю и свое независимое, гуманное слово разнузданной игре темных общественных страстей и повинистических настроений.

О Ромэне Роллане мы узнали об одном из первых. До нас дошли слухи о его «*Au-dessus de la mêlée*». Одна русская газета перепечатала опубликованное Р. Ролланом в «*Journal de Genève*» прекрасное письмо Артура Шницлера о его не остывающей любви к великим литературным корифеям «враждебных» народов...

«Ах, так мы не одни!» — вырвалось сладким вздохом облегчения из груди и из сердца. «Значит, рассказы о поголовном взаимно-враждебном чувстве, охватившем западные народы, есть ничто иное, как клевета? Если решился Ромэн Роллан возвысить свой мощный голос против кровавой, нечеловеческой бойни, то, значит, могут отыскаться и другие сродные голоса на мрачном фоне общеевропейского озлобления, — голоса, протестующие против возвращения «христианских» народов в XX веке к ужасам XII-го и XIII-го столетий!.. Значит, разум человеческий не отказался еще окончательно от самого себя? Ну, если так, то еще не всё погибло. Какое счастье!»...

Вот те чувства, которые возбуждало в нас выступление Р. Роллана, — выступление, особенно заметное, благодаря блестящей литературной репутации нашего французского единомышленника.

С тех пор имя Ромэна Роллана спаялось в наших сердцах с тем самым заветным, самым лучшим и высоким, чем мы жили.

Ромэн Роллан — это значит протест против насилия.

Ромэн Роллан — это значит призыв к человечности.

Ромэн Роллан — это значит борьба со всеобщим лицемерием.

Ромэн Роллан — это значит бесстрашие свободного слова в обличении торжествующего преступления и порока.

Ромэн Роллан — это значит чистая жертва, принесенная во имя братства, любви и свободы.

Нет, я должен видеть Р. Роллана. Свидание с ним — это лучшее, что мне даст Западная Европа за время моего вынужденного пребывания в ней.

Никто не знал, где квартирует Р. Роллан в Праге. Я отправился к секретарю президента Масарика д-ру Шкраху, и он любезно сообщил мне адрес французского писателя. Оказалось, что как раз г. Шкрах играет роль «некоего, охраняющего врата» при Р. Роллане.

23 мая 1924 г. входил я в маленький вестибюль сравнительно небольшого, но чистого и уютного отеля «Splendid» в одном из довольно отдаленных районов Праги.

Робко справился я о Р. Роллане. Я уже весь внутренне напрягался и трепетал, предвкушая возможную близкую встречу с человеком, в которого я невольно вкладывал так много.

Мне ответили, что знаменитый писатель болен и никого не принимает. Стало тоскливо.

На улице шел проливной дождь. С кончика моего зонта текла вода на пол...

Я настоял, чтобы мою карточку подали Р. Роллану. Портье вернулся, подтверждая невозможность приема.

Я снова расправил зонтик и вышел на улицу...

В столовой «Русского дома» я встретил знакомого студента, хорошо владеющего французским языком, и попросил его набросать по-французски несколько строк Р. Роллану.

«*Cher Maitre!* — писал я. — Я был бы сердечно рад Вас увидеть и лично засвидетельствовать Вам свое уважение и любовь.

Мне хотелось бы также преподнести Вам мои книги о Толстом, рассказать о Льве Николаевиче, о свободно-религиозном движении в России, поделиться мыслями...

Может быть, Вы смогли бы уделить мне... и т. д., и т. д.

Был бы крайне признателен»... и т. д., и т. д.

Судьба была за меня. Может быть, в те самые минуты, как я, несколько волнуясь, подписывал свое письмо и потом опускал его в почтовый ящик, Р. Роллан, с своей стороны, набрасывал следующие строки, адресованные на мое имя и полученные мною на другой день утром:

«23 мая 24, Прага.

Cher M-r Boulgakoff,

Я очень сожалел, что не мог Вас видеть этим утром. Я здесь только на несколько дней и не принадлежу себе совершенно: почти всё мое время разобрано. Я хотел бы, однако, пожать Вашу руку перед отъездом. Я попрошу Г-на Д-ра Василия Шкраха условиться с Вами о часе, когда мы могли бы встретиться.

Примите и пр.

Преданный Вам

Ромэн Роллан».

Еще через день я сговорился с г. Шкрахом, а затем, 26 мая, явился в отель «Splendid», с одной русской дамой, в качестве переводчицы, для свидания с Р. Ролланом.

На этот раз служащие гостиницы — весьма любезны.

Они предупреждены о моем приходе. Мы раздеваемся и подымаемся вверх.

Выше, выше... Кажется, номер Р. Роллана помещался в 3-м, если не в 4-м этаже. Тихие коридоры, мягкие дорожки... Тяжелые портьеры, перегораживающие некоторые из корридорных закоулков, — вероятно, для уменьшения шума...

Находим дверь за одной из таких портьер. Часы показывают ровно 10, — назначенное мне время. Стучим.

— Entrez!

Открываем невысокую дверь, входим.

Р. Роллан идет к нам навстречу.

— Г. Булгаков, это вы? — с любезной улыбкой спрашивает он.

И вдруг я вижу, что улыбка исчезает на его губах и глаза несколько тревожно и удивленно расширяются: он увидел мою даму, о которой не был предупрежден. Я разъясняю на плохом французском языке, в чем дело, и Р. Роллан успокаивается. К нему возвращается его прежняя любезность.

Мы — в небольшой, скромно обставленной комнате, центральное место в которой занимает письменный стол. Дверь направо ведет, очевидно, в спальню.

Р. Роллан усаживает даму на единственное, стоящее в углу, мягкое кресло с высокой спинкой. Сам садится, поджав руки, на низкую кушетку. Я помещаюсь против него на обыкновенном стуле.

Мы начинаем разговор и в то же время понемногу приглядываемся друг к другу.

Р. Роллану на вид — 50 лет или немного более. Он — высокий, худой, слабый, с одними небольшими усами, короткие волосы на голове — светло-рыжеваты, очень красивый череп, глаза — светлые, взгляд — мягкий, тихо светящийся, голос — тихий, все движения — мягкие, робкие, деликатные. Я представлял его более мужественным.

Еще одна внешняя особенность его лица кинулась мне в глаза. Левый угол рта, при разговоре, часто и резко подергивается... Иногда это резкое подергивание левого угла рта на бледном лице заменяет у Р. Роллана улыбку...

Во время нашего свидания Р. Роллан все время сидел на кушетке, чуть согнувшись, скрестив руки не на груди, а на животе. Он был одет в общеевропейский, но крайне скромный костюм: потертые темные пиджачек и брюки, или, если не потертые, то выглядывающие потертыми... Жилет — совершенно закрытый, доходящий верхним краем до самого воротничка...

Я подношу Р. Роллану свои книги, с надписями по-русски. Я выбрал две: одну — недавно появившийся в сборниках «Les oeuvres libres» французский перевод моей «Трагедии

Л. Толстого» и другую — 1-й том составленной мною истории выступления единомышленников Толстого против мировой войны. Вторая книга — русская, но на обложке ее изображен переломленный меч, и, вообще, я думаю, что Р. Роллан ее «и так поймет».

Он перелистывает книги, расспрашивает об их содержании. Я рассказываю и объясняю, между прочим, что 2-й том книги «Опомнитесь, люди-братья», к сожалению, был запрещен советской цензурой и что даже этот, первый том, разрешенный, дважды конфисковывался на складах мелкими агентами советской власти только за один рисунок на обложке. «Это что еще за антимилитаризм!» — говорили они...

Р. Роллан покачивает головой.

Передаю я также Р. Роллану о том, какую огромную духовную поддержку оказал он в свое время нам, русским антимилитаристам, своим выступлением против мировой войны; как оценили мы в России его позицию...

— Почему вы находитесь в Чехословакии? — спрашивает Р. Роллан. — Как давно вы здесь? Вы бежали из России?

— Нет, я не бежал. Я был выслан, год тому назад, центральным Советским правительством за пределы России на три года.

— За что же?

— За антимилитаризм, согласно официальному объяснению, последовавшему, правда, только *post factum*.

Мой собеседник удивлен. Он начинает расспрашивать о России и о современном антимилитаристическом движении в России, и я рассказываю ему, что знаю.

Современная Россия — одна из самых милитаристических стран, какие только есть на свете. Борьба против мировой войны была со стороны большевиков лишь ловким политическим маневром, с целью захвата власти. Этот маневр им удался, потому что народ, действительно, не желал войны, чего правительство Керенского не сумело понять своевременно. Но, захватив власть, большевики открыли гражданскую войну, разорявшую Россию в течение нескольких лет. Многие большевистские деятели и писатели нисколько не скрывают своих воинственных настроений и планов, но только свой милитаризм, в отличие от милитаризма «империалистического», они называют «пролетарским» милитаризмом... Народу от этого, конечно, не легче...

Далее, я рассказываю об отказах от военной службы по религиозным убеждениям в Советской России и о преследованиях отказывающихся. За время гражданской войны большевиками расстреляно было не менее 100 человек отказавшихся, заведомо убежденных, чистых, религиозных людей, преимущественно крестьян. Лишь много позже был издан декрет об

освобождении от военной службы лиц, отказывающихся от нее по религиозным убеждениям. Декрет этот действует и теперь, но применяется крайне непоследовательно.

Тут я передаю Р. Роллану эпизод расстрела за отказ одного крестьянского юноши, — один из трогательнейших и драматичнейших эпизодов этого рода. Во Владимирской губернии приговорен был к расстрелу за отказ от военной службы 22-летний юноша — крестьянин Василий Таракин. Когда красноармейцы уже навели на него свои винтовки, он успел им крикнуть: «Братья, помните, что, расстреливая мое тело, вы убиваете свою душу!» Эти слова так подействовали на красноармейцев, что они опустили ружья и отказались стрелять. Тогда к Таракину подошел председатель местной Чрезвычайной комиссии и убил его выстрелом из револьвера в висок.

Р. Роллан с интересом и с сочувствием выслушивает мой рассказ.

— Это все непременно нужно опубликовать в европейской прессе! — говорит он. — Ведь об этом никто ничего не знает. Все, все такие факты должны быть опубликованы! Мы обязаны дать обществу мартирологи этих жертв во всех странах. Вы должны сделать эту работу в отношении России: составить не только общий очерк антимилитаристического движения в России, но и дать характеристики отдельных его участников, — вот как случай с этим крестьянским юношей... Такие характеристики особенно ценны, они заставляют ближе понять сущность движения и производят на каждого неотразимое впечатление. Это очень важно!..

О борьбе с милитаризмом Р. Роллан говорил:

— Важно то, что милитаристические настроения сейчас локализованы и ограничиваются определенными классами. Эту локализацию надо проводить и дальше.

Я спросил у Р. Роллана, знаком-ли он с деятельностью существующих международных антимилитаристических организаций, как, например, «Fellowship of Reconciliation», «War Resisters International» и другими, и как он относится к ним.

— Да, да, я знаю о них, — ответил он, — и состою с ними в контакте. Но только надо сказать об этих организациях, что у них самих не всё еще выяснено, и в некоторых отношениях они сами проявляют большие колебания...

Тут мнение Р. Роллана совершенно совпало с моим. Я припомнил, что даже отношение к вопросу об употреблении насилия вообще у некоторых из этих организаций не выяснено, и стал излагать Р. Роллану свою фантастическую идею всеобщего «согласия против войны», на подобие того «согласия против пьянства», которое основал когда-то Лев Толстой.

— Не кажется-ли вам, что, рано или поздно, должна, на-

конец, начать осуществляться своего рода духовная, христианская революция?

— Разумеется, все усилия борьбы с войной хороши, но только я думаю, что главное сводится на подвиг личного примера и личной проповеди, подкрепленной жертвой. Значение личной жертвы, когда человек отдает именно свою жизнь, свою личность на служение идее, колоссально! Только *этому* люди верят, только *это*, т. е. личная жертва, способность к самоотречению до конца, заставляет прозревать слепых и слышать глухих. Посмотрите, какое огромное значение получил подвиг Ганди, какие симпатии приобретает повсюду его дело, — и это только потому, что он сам — весь жертва! Он не преследует ничего личного в своем служении, никаких корыстных целей, да и не может их преследовать. Это — аскет и святой.

О Ганди Р. Роллан говорил с большим воодушевлением, — с тем самым воодушевлением, с каким написана его прекрасная книга «Махатма Ганди», переведенная за короткий срок на разные языки и заразившая тысячи сердец сочувствием к великому мирному освободительному движению, поднятому Махатмой в качестве признанного вождя индусского народа.

Между прочим, Р. Роллан сообщил, что выход его книги о Ганди послужил для него поводом вступить, путем переписки, в личные сношения с Ганди и с его друзьями в Индии. И то новое, что он узнал о Ганди уже на основании этой переписки, еще более увеличивает его уважение к нему. Например, в тюрьме и в больнице Ганди всем помогал. Когда, по освобождении из тюрьмы, его послали лечиться на море, он поехал только после того, как устроили отправку на море и других больных. «Словом, это замечательный человек! Личность, которая стоит, быть может, на одном уровне с Христом и с другими великими учителями человечества»...

Р. Роллан советовал и мне вступить в переписку с Ганди, рассказать ему о свободно-религиозном движении в России, начать сотрудничать в его журнале «Joung India». «Я стараюсь всех соединять», — улынувшись, заметил он при этом и свел вместе, в одну приблизительную сферу округленные полусферами кисти рук.

Потом он стал рассказывать мне (то, что в общих чертах уже было мне известно из некоторых специальных изданий) о работе швейцарца Пьера Сэрэзоля по достижению в разных государствах замены обязательной воинской повинности для отказывающихся от нее — повинностью трудовой. Р. Роллан сочувствует такому разрешению вопроса для неприемлющих войны.

— Молодежь часто жаждет жертв, — говорил он, — она героична, она полна энтузиазма и непочатых сил. В войне и в жертве собою на войне она получает выход такого рода стрем-

лениям и чувствам, — но ту же роль может играть для нее и трудовая повинность, необходимость отдавать свои силы, свое умение, свой труд другим... Вот почему такая подстановка желательна!..

Тут Р. Роллан назвал какое-то из своих произведений (к сожалению, я не уловил заглавия), в котором он описывает юношу, стремящегося к жертве, кажется — погибающего и этим оказывающего огромное влияние на других.

— Правда-ли, — спросил он затем, — что в России запрещается печатание сочинений Толстого?

— Правда.

Я объяснил истинный смысл советской правительственной «монополии» классиков, являющейся одним из величайших тормазов просвещения в России. Рассказал о бесплодных попытках близких Толстого ходатайствовать о снятии «монополии» с произведений Толстого, как писателя, завещавшего свои произведения в общую собственность. Упомянул о циркуляре Крупской, — впоследствии, повидимому, отмененном, — которым предписывалось изъять из публичных библиотек целого ряда классических произведений русских писателей, в том числе «Воскресения» и «Анны Карениной» Л. Толстого.

Все эти факты, по справедливости, показались Р. Роллану чудовищными.

— Но чем вы объясняете подобные гонения на таких писателей, как Толстой?

— Советская власть очень нетерпима. Кроме того, она сознательно стремится уничтожить всё «духовное», религиозное в народе. А Толстой влияет именно в духовном и религиозном направлении...

— Но разве Луначарский, например, тоже нетерпим?

— Луначарский, может быть, более терпим, чем другие, но он не имеет никакого влияния в качестве политического деятеля и потому должен подчиняться тем директивам, которые ему предписываются сверху... Я часто сталкивался с Луначарским на публичных диспутах о религии, выступая его оппонентом, и у меня оставалось иногда такое впечатление, что сам он гораздо умнее и шире, чем он мог это показать в своих речах... Он — партийный агитатор и чиновник, и это связывает его по рукам и по ногам...

Р. Роллан, казалось, понял меня, но все-же повторил, что лично Луначарского он считает достаточно терпимым человеком. Я не старался более разочаровывать его в этом отношении.

Разговор перешел на Толстого. Р. Роллан расспрашивал о моих личных отношениях с Толстым, об их длительности и проч.

— Пожалуйста, не считайте меня за узкого «толстовца», — обратился я, между прочим, к нему с просьбой. — Я хотел

бы, чтобы вы относились ко мне непредубежденно. Как знать, может быть, в некоторых отношениях я ближе к Ромэну Роллану, чем к Толстому.

Эта реплика, может быть, посодействовала тому, что характер нашего обмена мыслей о Толстом сделался свободнее и непринужденнее.

— Толстой так огромен, у Толстого всего так много, — говорил Р. Роллан, — что каждому, кто подходит к Толстому, хватит по его вкусу... Лично я нахожу, что этическое учение Толстого и его жизнь находятся в большом противоречии. Ах, не в дурном смысле! Я не обвиняю Толстого, — так, как это делали тысячи людей, — в «непоследовательности». Нет, я хочу только сказать, что Толстой и его учение — это были как бы две разные стихии. Толстому самому — как-будто не по себе в его этических построениях...

«Не может простить» Р. Роллан Толстому его отношения к науке.

— Как можно отрицать самодовлеющее значение знания, как это делает Толстой! Он постоянно, как-будто бессознательно, смешивает науку, знание в собственном смысле с недостойным его применением, для целей войны, например, с такого рода недостойным применением знания можно и нужно бороться, но само по себе знание, сама наука — это нечто высокое и священное!..

Не припомню остальных подробностей нашей беседы, в течение которой всё яснее и яснее вырисовывался передо мною духовный облик моего выдающегося собеседника.

Это была сама искренность, само благородство, сама человечность.

Подумать, что иной раз хотят навязать Р. Роллану ту или иную партийную кличку! Одно время большевики и — одинаково — их политические враги прославили Р. Роллана чуть-ли не за большевика или за сочувствующего большевизму. Это всё мелко и не верно. Р. Роллан — не большевик и не большевизму сочувствует; он также — не враг большевиков и не сочувствует анти-большевизму. Он — друг Истины и Человечности и сочувствует Истине и Человечности. Если большевики в чем-нибудь приближаются к истине и проявляют человечность (хотя бы в их стремлении уничтожить классовое неравенство), — Роллан будет уважать и любить большевиков; если их враги преуспеют в том же, он и к ним проявит те же чувства.

Где Истина и Человечность — там Роллан, а где Истина и Человечность отсутствует; там нет и Ромэна Роллана.

Мне это стало ясно, когда я наблюдал, с каким жаром этот обвиняемый или обвинявшийся в пристрастии к большевизму Р. Роллан призывал меня опубликовать сведения о всех

жестокостях большевиков по отношению к отказавшимся от военной службы по религиозным убеждениям... Позже он возвращался к этой теме еще и в специально написанном письме ко мне... ¹⁾).

¹⁾ Я позволю себе полностью привести здесь это письмо, интересное и в некоторых других отношениях:

Суббота, 11 июля 24.

Дорогой Валентин Булгаков!

Я не забыл своего обещания и посылаю вам «Au-dessus de la Mêlée», присоединяя две другие книги в том же духе.

Вы увидите, насколько тон «Au-dessus de la Mêlée» был умерен и мало заслуживал того взрыва негодования, который он поднял. По-моему, я сужу очень умеренно. Но это все, что я мог заставить выслушать во время кризиса коллективной истерии в 1914 г. — С другой стороны, и я тогда старался согласить несогласное — старый идеал национальных отечеств и идеал новый Человечества единого и неделимого. Теперь я сказал «прости» навсегда старым идолам.

Вы заметите также, что в своей книге «Les Précurseurs» я не достаточно принял во внимание жертвы Conscientious Objectors в России (см. стр. 144 и 229). О Востоке было ничего неизвестно. — Пусть это напомним вам о долге, который я вам внушал, написать их историю, как вы это мне обещали. Я бы вам предложил дать вашему обзору жертв заглавие: «*Мученики отказавшиеся от войны в России и в славянских странах*».

Чем более я размышляю, тем более убеждаюсь в необходимости воздвигнуть, в противовес империалистическому насилию, спущенному с цепи в мире, и дряблости народов, Веру, которая утверждается, поднимаясь, распространяясь, со своим Евангелием, с своими Деяниями Апостольскими и в особенности — мучениками. На этом живом примере, на примере покорных страданий и смерти, основывается вся новая религия. И это она — высшая из всех — идет к Любви людей и братскому Человечеству.

Первая обязанность всех тех, кто были свидетелями подобных жертв (или знали о них непосредственно), состоит в том, чтобы сделать их известными, спасти их от забвения и тем самым распространить святую заразу. — Не откладывайте же, дорогой Валентин Булгаков! Посвятите себя этому святому долгу! И когда книга будет написана, мы приложим усилия к тому, чтобы распространить ее на других языках.

Я предполагаю, что вы — в связи с «War Resisters' International», секретарем которого состоит Н. Runham Brown (Abbey Road, Enfield, Middlesex, Англия). — Вы знаете, что они хотят опубликовать «for the War Resisters' International Handbook», с призывом о сотрудничестве в которой они обращаются к выдающимся противникам войны всех стран (Wilfred Wellock, Leonhard Ragaz, John W. Graham, Lala Lagpat Rai, etc.). Почему бы вам не написать главу о Толстом и духоборах?

Горячо жму ваши руки.

Преданный вам

Ромэн Роллан.

Я прочел, со скорбью, вашу статью о последних месяцах Толстого. Бедный великий человек! как его терзали его близкие! — любишь его еще больше, после того, как видишь его доброту, его терпение, среди этих сумасшедших!

Я верю, что из трех книг, которые я вам посылаю, драма «Le temps viendra» понравится вам больше всего. Эта драма на много опередила свое время, ибо она относится к 1902—3 г. Мне хотелось бы, чтобы Толстой мог ее прочесть.

Нет, этот человек выше и больше, чем о нем, может быть, думают некоторые, и узко-политическая мерка здесь совершенно не подходит.

В конце беседы я обратился к Р. Роллану с просьбой — вписать несколько слов в мой литературный альбомчик.

Он протянул руку к альбому и в то же время говорил, улыбаясь:

— Знаете, я совсем не умею этого делать: придумывать эксперименты. Вот я знал одну девочку лет 12-ти: она иногда вдруг принималась рассказывать взад и вперед с глубоко-мысленным видом, и тогда близкие говорили: «тише, тише! она *думает!*»... Так вот я так *думать* не умею...

Тем не менее, Р. Ролланд встал, подошел к письменному столу и вписал мне в альбом:

«En souvenir affectueux de notre rencontre à Prague. Romain Rolland. 26 mai 24».

— Не хотите-ли вы, чтобы я прислал вам что-нибудь из своих книг? — спросил он затем.

Я сказал, что мне было бы приятно получить от него «*Audessus de la Mêlée*».

— Непременно пришлю.

Он сдержал свое обещание и впоследствии прислал мне не только ту книгу, которую я просил, но и еще две: «*Les precursors*» и «*Le temps viendra*». Все — с надписями.

Я приведу одну из них:

«A Valentin Boulgakoff en mèmóire pieuse et en commun amour de notre grand Tolstoy. Romain Rolland».

Свидание с Р. Ролландом было очень мне дорого. Конечно, я не мог не радоваться личной встрече с одним из культурнейших, тончайших и талантливейших людей Запада, но, вторяю, по непосредственному чувству, еще более трогало меня, во время беседы, сознание, что, вот, передо мною сидит человек, в 1914 году смело и мужественно восставший против всеобщего безумия, наш тогдашний, хотя и неведомый, французский единомышленник и союзник... Так много было тогда пережито... Встреча с Р. Ролланом будила старые воспоминания — и оттого волновала так непосредственно, остро...

Расстались мы с Р. Ролланом очень дружески.

Помню, был такой момент среди разговора, когда мы, очевидно, оба почувствовали наше внутреннее единство. Я уже не помню точно, о чем мы перед этим говорили, но был момент, когда мы оба примолкли, и Ромэн Ролланд, глядя мне в глаза своими кроткими, прищуренными блестящими глазами, вдруг умильно улыбнулся... И я улыбнулся в ответ ему... И тут — невидимая стенка, разделяющая всех людей, растаяла и исчезла между нами, и мы, как странник и баба в «Чем люди

живы», вдруг почувствовали, что мы — едины, и полюбили друг друга...

Я писал об этой встрече одному другу в Москве, человеку простодушному и, пожалуй, даже порядком-таки наивному. Тот очень порадовался за мое знакомство с знаменитым писателем и, между прочим, заключил свое письмо таким восклицанием: «Дай Бог тебе подружиться с Ромэном Ролланом!»

Я ответил этому другу:

«Р. Ролланд проживает постоянно в Швейцарии и в Праге был только наездом. Я не думаю, чтобы я когда-нибудь еще встретился с ним, и, тем более, не могу сказать, удастся ли нам с ним «подружиться», как ты этого желаешь. Но, в сущности, мы уже подружились. Если умрем, то унесем уже эту дружбу в могилу. Это — невидимая, духовная дружба, а личные отношения для нее, пожалуй, и не нужны, и, право, я на них не претендую».

ВАЛЕНТИН БУЛГАКОВ.

Развитие и современное состояние украинского социалистического движения.*)

Начало украинскому социалистическому народничеству и вообще социализму положено проф. Михаилом Драгомановым и его единомышленниками (Др. Сергей Подолинский; Михаил Павлик, Др. Иван Франко, Остап Терлецкий, Николай Ковалевский и про.) еще в середине 70-х годов, прошлого века — когда были изданы несколько социалистических брошюр, а в 1878 году вышел № 1 неперидического журнала «Громада» в Женеве. Знаменитое предисловие к этой «Громаде», написанное Драгомановым, и есть первой синтетической формулировкой основ *украинского социализма* («громадівства»). 1-го сентября 1880 г. была опубликована первая социалистическая программа, подписанная Драгомановым, Подолинским и Павликом, которая в сущности есть *программой полного социального переворота* (по-нынешнему говоря «программа-максимум»). В 1884 г. в Женеве же вышла книга Драгоманова «Вільна Спілка» («Вольный Союз»), как проект украинской социально-политической программы («программа-минимум»). Характеризуя кратко идеологию основоположников украинского социализма, можно утверждать следующее:

Драгоманов и его друзья не были марксистами (хотя влияние марксизма заметно у Драгоманова и особенно у Подолинского). Они защищали свою оригинальную концепцию, называемую ими «федеральным социализмом» в смысле социологическом, т. е. социалистическое общество они представляли себе, как добровольную федерацию общин (громад, откуда и само

¹⁾ Настоящая статья написана для «В. Р.», одним из вождей украинского социалистического движения М. Шаповалом. Не будучи вполне согласны со всеми оценками автора, мы, однако, охотно предоставляем ему место на страницах «В. Р.».

название социализма «громадівство») и их объединений (спілок). Будущее общество представлялось Драгоманову, как «товарищество товариществ» («спілка спілок», «товариство товариств»): федералистическое *внутри себя*, организованное по национально-территориальному признаку, *самостоятельное* в союзе таких же равноправных национальных обществ.

Как «последний прудонист», Драгоманов построил всю свою социалистическую концепцию на принципе добровольного федерализма и демократии и на отрицании государства, которое он считал в будущем (социалистическом) обществе ненужным. (Учение Драгоманова о «безначальстве» дало повод к толкованиям об *анархизме* его).

В программе-минимум или иначе — программе реальной политики («Вільна Спілка») Драгоманов высказался за переустройство России на федеративных началах по природно-географическому и экономическому признакам (почему Украина должна быть разделена на 4 федеральных единицы), за демократически-парламентарную систему и особо за развитие начал самоуправления городских и сельских общин (громад), призывая интеллигенцию идти в эти громады на реальную работу по просвещению народа, организации его культурно-общественного и хозяйственного самоуправления. Он высказался за необходимость бороться в первую очередь за конституцию, политические и гражданские права личности и национальных групп. Восставая против практиковавшегося тогда русской социально-революционной партией террора, против ее централизаторских, бунтарских и псевдо-космополитических тенденций, Драгоманов (в программе-максимум, 188) решительно указал, что осуществление перехода к социалистическому обществу возможно только путем *всенародной революции* и вооруженного восстания, до переворота же более существенной считалась работа по развитию самоуправления и культуры масс, почему Драгоманов, вопреки узко-заговорщицкой и террористической тактике русской социально-революционной партии, выдвинул лозунг: «украинский социализм не партия, а громада». И в том смысле он и его друзья критически относились к тогдашнему русскому революционному народничеству, и — чтобы их не смешивали с террористами — себя народниками не называли, однако, социологически и историко-философски Драгоманов с товарищами были народниками, признавая и защищая вопреки марксистам множественность (плюрализм) факторов общественного развития, верховенство интересов человеческой личности и ее свободы, а также огромное значение крестьянства в переустройстве общества, конструируя социалистическое общество на громадском (коллективном) хозяйстве вообще, на сельском хозяйстве — в частности.

Драгоманов особенно подчеркивал *этическую* ценность со-

циализма, почему от политики требовал — от социалистической политики в особенности — чистоты средств: известный его афоризм, часто им повторявшийся: «чистое дело требует чистых средств!»... Полагая в первую очередь необходимым политического раскрепощения масс, подчеркивая необходимость бороться в России в первую очередь за конституцию и демократию, Драгоманов считал переход к демократии (буржуазной) основным условием для получения самой возможности социалистической пропаганды и организации масс, почему умеренные его последователи и часть русской интеллигенции создавали ему реноме «конституционалиста» и демократа в буржуазном смысле, забывая и игнорируя его *программу полного социального переворота!*

В области культуры Драгоманов во имя науки и рационализма решительно восстал против религии. Этой борьбе он посвящал так много сил и внимания, что мелкие «драгомановцы» впоследствии сводили все дело только к борьбе против «попов».

Придавая все-таки огромное значение партийной форме борьбы в конституционных условиях, Драгоманов с своими друзьями добился в 1890 году основания в Галиции украинской радикальной (социалистической) партии. Название радикал было тогда в России и Украине синоним социалиста. Программа радикальной партии в сущности является обыкновенной социалистической программой, соответственно тому времени: в основе научный социализм, пролетариат и крестьянство, борьба за политические свободы и экономический и рабочий минимум. Во главе партии фактически были друзья Драгоманова Франко и Павлик, руководимые Драгомановым из Женевы или Софии, но после смерти Драгоманова (1895 г.) живой дух социализма, революционности и творчества от партии начал понемногу отлетать, что и привело к большому расколу радикальной партии: в 1899 году от нее отделилось марксистское крыло (постепенно сформировавшееся в 90-х годах под влиянием победного шествия марксистско-пролетарской идеологии), организовавшее в Галиции свою отдельную украинскую социал-демократическую партию, а также отделилось и право-националистическое крыло, организовавшееся в самостоятельную украинскую национал-демократическую партию, (буржуазную, подобно русской кадетской партии), основанную под влиянием проф. Грушевского, увлекшего за собой д-ра И. Франка. Радикальной партии этим нанесен был серьезный удар, от которого она долго не могла оправиться организационно и который постепенно довел ее до морально-политической деградации и большого идеологического оскудения. Во главе партии оставался М. Павлик, честный, преданный памяти Драгоманова последователь, но слабый политик и публицист. От

партии в национал-демократическую трясину ушел И. Франко, блестящий писатель и поэт, но не уравновешенный общественный деятель, ушел (и потом погряз в реакции) Будзиновский (автор интересного исследования о крестьянском землевладении), новые же люди, нахлынувшие в радикальную партию, в атмосфере мелкого и мелочного политического эмпиризма не смогли продолжать политической и культурной организации крестьянства, увлеклись созданием крестьянских гимнастическо-пожарных дружин («Січи» — др. К. Трильовского), под явным влиянием славянского «сокольства», только с тем отличием от него, что в «Січи» не пускались попы («завет Драгоманова») и господствовала плоская радикально-реформистская фразеология. Когда же введение в Австрии всеобщего избирательного права (1907 г.) дало возможность провести в венский парламент несколько депутатов-радикалов, объединившихся в один парламентский «украинский клуб» с национал-демократами, то центр радикальной деятельности передвинулся в парламентские кулуары, село было забыто, оживляясь иногда плоской демагогией радикальных депутатов, являвшихся для подогревания памяти о себе на предмет подтверждения мандатов в будущем! Радикалы отныне пошли в фарватере национал-демократической политики, забыв заветы учителя.

В интересах непрерывности рассказа проследим судьбу радикалов дальше. Война 1914—18 годов вызвала в украинских политических кругах повышенное патриотическое и германофильское настроение, выразителем которого сделалось венское украинское парламентское представительство (национал-демократы, радикалы и социал-демократы), которое верило в возможность (национально-политическое) освобождения украинского народа в союзе с центрально-европейскими государствами, а потому украинское население было призвано к деятельному участию в войне, с солидарно-политической поддержкой немцев. Поддержка эта была организована в форме добровольческих дружин «сечевых стрельцов», в основу организации которых легли... радикально-крестьянские «Січи», во главе которых стала «Боевая Управа», под председательством радикала д-ра К. Трильовского, при участии социал-демократа проф. д-ра В. Старосольского и национал-демократов¹⁾.

¹⁾ Политическую ориентацию украинского парламентского представительства в общем разделяли и «Союз освобождения Украины», организовавшийся в начале войны за границей из эмигрантов из Великой Украины. Эти эмигранты — продукт революционного движения 1905—7 гг., состояли, главным образом, из социалистов: социал-демократы Скоропис-Йолтуховский, Меленевский, Донцов, Степанковский и с.-р. Зализняк и др.; однако, когда «Союз» принял монархию, как форму будущего украинского государства, то с.-эры ушли, а оставшиеся социал-демократы решительно пошли по «национальному» (лже-национальному) пути монархизма (гг. Скоропис теперь заядлый монархист группировки Скоропад-

Таким образом, во время войны, украинские социалисты Галиции (радикалы и социал-демократы) и некоторые социалисты-эмигранты (из Украины) в общем вели одну политику: германофильскую и реакционную в полном идейном единении с украинской буржуазно-националистической интеллигенцией, обещая народу «освобождение».

Когда 1918 г. осенью Австрия была поражена и вследствие этого распалась — украинские сечевые стрельцы и часть украинских солдат австрийской армии произвели 1 ноября 1918 г. под начальством радикала полковника Витовского переворот в Львове, устранив от власти австрийского наместника. Тогда же Галиция и Буковина (украинская часть) были провозглашены самостоятельной Западной Областью Украинской Народной Республики, во главе с Украинской Национальной Радой и созданным ею правительством (Государственным Секретариатом).

Украинская Национальная Рада составила механически из украинских депутатов бывш. Австрийского парламента и галицкого сейма, а также кооптированных ими представителей партий (тех же национал-демократов, радикалов и социал-демократов) и отдельных лиц. Подавляющее большинство в Национальной Раде принадлежало, конечно, национал-демократам, с одной стороны, и вообще интеллигенции без участия крестьян и рабочих — с другой.

Таким образом, «исторические» украинские партии в Западной Области (в Галиции и Буковине) пришли к власти в своей политически-самостоятельной стране. Власть эту они держали в своих руках от 1 ноября 1918 г. по июнь 1919, когда Галиция была оккупирована поляками, а Буковина еще раньше румынами. Правительство состояло из национал-демократов и радикалов, под председательством сначала д-ра Костя Левицкого, потом д-ра И. Голубовича (оба нац.-дем.). Председателем Национальной Рады был все время д-р Евген Петрушевич (нац.-дем.), объявленный после прихода поляков в Галицию и выхода украинской галицкой армии на Украину — диктатором Западно-Украинской Народной Республики. Почти 8-ми месячное правление двух-партийной коалиции ознаменовалось только тем, что Западная Область (Галиция) по постановлению Национальной Рады 3 января 1919 г. и универсалу Директории 22 января того же года была признана со-

ского, Меленевский был монархистом, а в 1923 г. стал сменовеховцем, Др. Донцов — фашист, против монархистов и демократии!). Этот «Союз» развивал глубоко германофильскую программу и вел работу в Германии и Австрии в лагерях военно-пленных, готовя организацию украинской армии, долженствовавшей в рядах войск центральных держав, как и «Січ», участвовать в борьбе против России за политическое освобождение Украины.

ставной частью единой Украинской Народной республики (У. Н. Р.), однако, впредь до созыва Украинского Учредительного Собрания, вполне суверенной и управляющей своими законами и своим правительством.

Социал-демократы, сохраняя «единый национальный фронт» с радикалами и национал-демократами, в правительство, однако, допущены не были, вследствие своей политической слабости (социал-демократы — интеллигентская незначительная партия, с малым участием рабочих, ибо украинские рабочие тогда, да и теперь, организованы вследствие централистско-марксистских традиций в общие профессиональные союзы с поляками и евреями, играя в них третьестепенную роль).

Правительство Западной Области объективно находилось в трудном положении: организовать украинский государственный аппарат, финансы, армию и проч. в разоренной войной стране и *ведя новую войну с Польшей*, бросившей свои отборные организованные во Франции войска (генер. Геллера), было, конечно, очень трудно, но народный энтузиазм после переворота помог создать почти 100-тысячную армию и поставить свои неотложные нужды на второй план, терпеливо ожидая результатов нового общественного строительства. В своих очерках «Галицкие партии и трудовое крестьянство во время украинской власти» («Українська Громада», 1925, Нью-Йорк) я подробно старался обрисовать политику (и ее результаты) западно-украинских партий, а потому здесь кратко укажу, что народный энтузиазм быстро сменился разочарованием: «программы революции» правительство не объявило, отодвигая разрешение всех важнейших вопросов на время после окончания войны с поляками и созыва западно-украинского сейма. Помещичьи имения и леса охранялись вооруженной украинской силой от всяких попыток бедного крестьянского населения воспользоваться хотя бы дровами для отопления своих разоренных хат. В охране помещичьих интересов организованной украинской властью из украинских солдат — крестьян и рабочих — та власть была неумолимой и ригористической, не допуская и тени «большевизма» и подводя под него даже разговоры о необходимости земельной реформы, не допуская никакой самоорганизации населения, выступая против самой мысли о «трудовых радах», о которых крестьянство уже знало по опыту пребывания на революционной Украине или по наслышкам. Буржуазия также пользовалась покровительством правительства, даже польская, явно несочувствовавшая ему по национально патриотическим соображениям — в войне с поляками польская буржуазия и помещики в Галиции явно были на стороне «своих галлерчиков», а еврейство все в целом в польско-украинской борьбе объявило «нейтралитет», не по-

могая украинцам ни в чем, хотя и требуя от них охраны своих интересов.

Тяжесть войны падала на украинцев, главным образом, конечно, на крестьянство. В общем политика галицко-украинского правительства была похожа на политику Временного Правительства в России 1917 г., только неразборчивее в средствах принуждения и своекорыстнее в смысле приобщения опытных парламентариев к выгодам своего господствующего положения. Откладывание земельного и проч. важных вопросов до окончания войны и созыва буржуазного сейма были аналогичны. Кроме того, была также подчеркнута холодность и сепарация по отношению к «центральному правительству» (Директории) и враждебность ко всему социалистическому, революционному и подлинно демократическому. Управление организовано чисто бюрократически, по австрийскому образцу военного времени.

Под давлением растущего революционного настроения масс, съезды обеих правительственных партий в марте 1919 г. высказались за социализацию (!) назревших отраслей промышленности, урегулирование торговли, за «земля-народу» за выкуп и рабочую программу-минимум, при чем «программа революции» была установлена совершенно одинаковая у национал-демократов и радикалов (что можно отнести к чести буржуазных национал-демократов), но *практическая* политика обеих партий резко противоречила их программам своей реакционностью — и в том смысле единение между радикалами и национал-демократами было полное¹⁾.

При обсуждении земельного вопроса в Национальной Раде один из лидеров радикалов высказался решительно за капитализм, отчуждение помещичьей земли за выкуп и т. п., во-

¹⁾ Достаточно одного примера: первый в Галиции комитет социалистов-революционеров (организованный мной) был арестован, предан полемому суду, наша газета «Нове Життя» была закрыта, но суд под давлением рабочих не состоялся, я же был в 24 часа выслан за границу, а мои товарищи-галичане укрощены были другими способами. Причина — «большевизм», выразившийся в моих лекциях о земельной реформе («земля народу без выкупа»), речь на рабоче-крестьянском съезде и пропаганда необходимости вовлечения крестьян и рабочих в государственно-общественное строительство путем включения 61 делегата от рабоче-крестьянского съезда в состав национальной Рады *для сотрудничества с ее большинством*. Под претекстом, что делегаты крестьяне не избраны по 5 членной формуле (!), а только лишь всегалицким украинским рабоче-крестьянским съездом, они в Национ. Раду допущены *не были*, при чем против допуска голосовали национал-демократы и *радикалы* единогласно, а за допуск только социал-демократы (7 голосов).

Никакого большевизма, конечно, первая группа социалистов-революционеров вообще и в частности не только не проповедывала, но считала необходимой борьбу с большевизмом, однако, все-таки мы были арестованы за «большевизм», при чем приказ об аресте и полевом суде издал статс-секретарь внутренних дел.. радикал.

преки постановлению как всегалицкого рабоче-крестьянского съезда о конфискации всей нетрудовой земли без выкупа, так и постановлениям нескольких провинциальных крестьянских съездов о социализации земли. Крестьянские депутаты в самочинно организованную Нац. Раду допущены не были, трудовые местные рады разрешены не были, крестьянство и рабочие от всякого участия в общественно-революционном строительстве были решительно устранены. Словом, программой галицко-украинской революции была жестокая контр-революция. Драгомановская социалистическая крестьянская партия решительно пошла... против крестьян. Крестьянство ответило на это равнодушием и пассивностью по отношению к новой власти, мобилизации в некоторых селах проходили «при помощи» пулеметов, новую государственность крестьянство считало панской, вспыхивая иногда против нее, но повести крестьян на революцию было некому, ибо крестьянская партия, существовавшая уже 30 лет, пошла против крестьян, а другой не было. Вскоре Галицию захватили поляки, а украинская армия ушла на поля Великой Украины. Таков был эпилог украинской власти в Галиции и деятельности радикальной партии, единственно имевшей основание, по своим традициям и программе, стать руководящей силой в стране, где 92% украинского населения — трудовое крестьянство (социальный состав украинского крестьянства в Галиции; 65% спролетаризированных, 30% среднее трудовое и 5% кулаков).

Таким образом, украинское социалистическое народничество потерпело полный политический крах тогда, когда оно имело бы право пожать плоды 30-летней работы, если бы они были таковы, как их подготавливал Драгоманов и его единомышленники.

Судьба социалистического народничества на Великой Украине была такова.

При жизни Драгоманова существовали нелегально небольшие группы «социалистов-федералистов» или «радикалов», усвоившие не столько революционную часть программы Драгоманова, сколько теорию «реальной работы в громадах», занимавшиеся земской статистикой или мелкой благотворительной и просветительной работой. Уже в середине 80-х годов Драгоманов, пребывавший эмигрантом в Женеве, разошелся с большинством своих бывших единомышленников на Украине, не принявших «слишком радикальных» его теорий и не видевших оснований в увлечении Драгоманова социализмом. Понемногу росло и брало вверх культурничество и национализм в мешающем смысле: «малые дела» в культурной работе и «национализм» в ее направлении. После смерти Драгоманова, «драго-

манизм» еще более ослабел; в середине 90-х годов обозначилось (в общем количественно чрезвычайно слабое) течение национально-революционного содержания «тарасовцы» (государственная самостоятельность Украины). Рост марксистских и нео-народнических течений в России в 90-х годах и создание там соответствующих партий отразился и своеобразно преломился в кругах молодой украинской интеллигенции, которая в 1901 году организовала Украинскую Революционную партию (Р. У. П.), в числе основателей которой были М. Русов, Д. Антонович, В. Винниченко и проч. Вскоре эта партия распалась, выделив из себя новые партии: Укр. Социал-Демократическую Рабочую Партию (1904 г.) и Украинскую Народную Партию (национал-социалистическую). Отдельные элементы Р. У. П., считавшие себя социалистами революционерами, даже не смогли после некоторых попыток сорганизоваться в партию, существуя распыленно.

Во время революционного движения 1905—7 г. г. проявили себя больше укр. социал-демократы, сумевшие организовать несколько заграничных революционных изданий, а на Украине свои кружки. Националистически настроенные народники (Укр. Нар. Партия) тоже издали несколько брошюр, но организационно не смогли распространиться, укр. социалисты-революционеры работали в одиночку, дали во II Думу даже несколько депутатов (напр. В. Хвист), в 1904 г. проявили себя в области аграрного террора на Полтавщине, 1907 — на Черниговщине (максималистическая группа Чеховского), 1907 г. в войсках (работа в военно-революционном Союзе: моя, Товкачевского, Богацкого и др.), но партии создать все-таки тогда не удалось. В 1912 г. начала работу киевская организация укр. соц. рев., особенно развившаяся во время войны. Группа С. Ефремова и Зализняка, после неудачной попытки организовать партию с.-р. в 1907 году, прекратила свое существование потому что инициатор Ефремов ушел в литературно-научную работу, а Зализняк эмигрировал, заявив свою группу уже во время войны главным образом в области издательства социалистической литературы и пропаганды за границей.

Украинская партия социалистов-революционеров формально организовалась и приняла свою программу только в начале революции 1917 г.

Старая «драгомановская» интеллигенция пробовала было еще в 1905—6 г. г. организоваться, выходили проекты программ «Укр. социалистической партии», украинской радикальной и демократической партий, потом объединившихся в одну украинскую радикально-демократическую партию, которая в начале революции 1917 г. переименовалась в укр. партию социалистов-федералистов, претенциозно считая себя прямой наследницей Драгоманова. Во время революции 1917 г. одна

часть народнической интеллигенции организовалась в укр. трудовую партию проф. Александра Грушевского и пр. В. Ковалю, впрочем распространения не получившую.

В 1917 г. ожила и «Укр. Народная Партия» под новым названием партии «самостийников-социалистов», считавшей своей политической базой войска и афишировавшей своим революционным милитаризмом и защитой трудовой крестьянской земельной собственности.

Таким образом, в 1917 г., мы видели естественную в интеллигентской политической деятельности *распыленность*. Народниками революционными себя считали социалисты-революционеры, народниками «эволюционными» — социалисты-федералисты и трудовики, народниками же считались «самостийники-социалисты», умеренные в социальном смысле и революционные в смысле приверженности к методам военной борьбы и культуре милитаризма во имя «крайнего национализма». Все народники, но с большими отличиями в программах и тактике! Против этого народническо-социалистического конгломерата партий стояла одна укр. партия марксистов (социал-демократов) во главе с Петлюрой, Винниченком, Ткаченко, Поршом, Мартосом и др.

Не проявив себя ничем, вскоре сошла тихо со сцены трудовая партия. Будирова в войсках и напрасно стремясь стать во главе украинских вооруженных сил, рассеялась после общей военной неудачи украинской революции и партия «самостийников-социалистов», не оставив после себя хотя сколько-нибудь значительных литературно-идеологических памятников. Наибольшую роль в революции 1917 г. и позже играли только три партии Великой Украины: партия социалистов-революционеров (УПСР), Укр. соц.-дем. рабочая партия (УСДРП) и Укр. партия социалистов-федералистов, снова (1923 г.) переименовавшая свое название на «Укр. Радикально-Демократическую партию (с.-ф.)».

Партия радикально-демократическая, переименовавшаяся в 1917 г. в партию социалистов-федералистов с целью привлечения к себе внимания народных масс, пошедших определенно за социалистами, не выросла в большую партию, ибо своим проблематическим социализмом народных масс не могла привлечь, оставаясь все время партией разночинной интеллигенции. Ориентируясь на социализм, как «идеал», партия не вводила его в свою *программу*, оставаясь на платформе демократического либерализма, поддерживая обыкновенный социал-демократический минимум по отношению к рабочим, защищая собственность на землю и орудия производства, предлагая только отчуждение некоторой части помещичьей земли за выкуп, выступая во имя капитализма против всяких «экспериментов» в области экономической политики, словом социалистическая

партия была против социализма, партия с 1918 года приняла постулат самостоятельности украинского государства, начав выступать после того и против федерализма. Партия социалистов-федералистов, выступающая против социализма и федерализма — зрелище удивительное и нравственно и политически во-истину отвратительное! Эта, вероятно, почувствовали сами члены партии, пребывающие за границей, принявшие в 1923 г. вновь название радикал-демократов. Примечательным у этой партии есть еще то, что она в 1920 году составляла правительство, которое вместе с Петлюрой (вышедшим из социал-демократической партии еще весной 1919 года или, может быть, несколько раньше) заключила с Польшей союз, двигалась с войсками Пилсудского в 1920 г. на Украину, уступила Польше западные украинские земли. Партия до сих пор пребывает верной идее союза с Польшей, при том считая, что одновременная борьба с двумя большими противниками, Россией и Польшей, для Украины невозможна, потому надо мол с одним из них бороться против другого. «Социалисты-федералисты» избрали Польшу. Вся безнадежность этой политики обеспечена уже тем фактом, что под польской оккупацией находится около 8 миллионов украинского населения — Галиция, Волынь, Холмщина, Полесье, Подляшье. Господство польской шляхты, капиталистов, помещиков и духовенства гнуснейшим образом отражается на положении украинцев и других «национальных меньшинств», кстати имеющих свою отдельную этнографическую территорию (украинцы и белоруссы). Не надо доказывать, что радикал-демократы (респ. «социалисты-федералисты») никакого сочувствия своей политике в народных массах не имеют. О некоторых подробностях, относящихся к этой партии, я буду вспоминать при рассмотрении судьбы других партий.

Укр. социал-демократы с Великой Украины являются программно и тактически типичными меньшевиками, однако, отличаясь от русских меньшевиков тем, что в программе 1917 года они стояли за автономию Украины (с января 1918 за самостоятельность) и вообще были сторонниками муниципальной земли, противниками централизма в государственном устройстве России. После отступления большевиков и наступления немцев в Центральной Раде выступили против закона о социализации земли, квалифицируя его в своей «Рабочей Газете», как «контр-революционный».

Во время правительства Директории после свержения гетманщины и удаления немцев из Украины, от УСДРП отделилась «независимая УСДРП», впоследствии вошедшая отчасти в коммунистическую партию оккупации (КПБУ), отчасти вошедшая в состав новой «Украинской Коммунистической Партии (УКП), нынешней весной (1925 г.) ликвидиро-

ванной насильственно большевиками по постановлению Коминтерна, в который УКП так долго и напрасно старалась попасть, как истинная представительница украинского пролетариата. (Грехом УКП в глазах г. г. Зиновьевых был ее национально-украинский состав, а главное заявления членов УКП, что Украина является по истинному положению вещей колонией России, а не союзным государством).

УСДРП, находясь в составе правительства Директории вместе с с.-рами, участвовала в борьбе против большевиков и деникинцев вплоть до катастрофы укр. армии осенью 1919 года.

Некоторые представители этой партии занимались подготовкой почвы для польско-укр. союза (Мартос-Мазепа), а один даже его проведением в жизнь и горячим отстаиванием его до ныне (Андрей Левицкий), однако, крах этого союза принудил других социал-демократов отмежеваться от него, кроме А. Левицкого и теперь живущего в Варшаве и разыгрывающего роль премьера «Правительства» Петлюры. При переходе на положение эмиграции часть социал-демократов (Винниченко и еще несколько лиц) весной 1920 г. организовалась в отдельную группу укр. коммунистической партии (УКП) и сделали весной 1920 г. попытку соглашения с большевиками, для чего Винниченко ездил на Украину, побыл даже несколько дней комиссаром иностранных дел Украины (как раз во время подписания Рижского договора), но после 5 месячных безуспешных переговоров возвратился снова за границу, где резко выступил против большевиков в своей газете «Нова Доба», скоро впрочем прекратившейся вследствие оповещения со стороны УКП его работы «контр-революционной», и непринадлежности его группе к УКП. После того Винниченко отдался литературно-художественной работе, а его группа прекратила существование вплоть до весны 1925 г., когда Винниченко сделал новую, также безуспешную попытку соглашения с большевиками через посредство Сов. Миссии в Праге. Новая попытка Винниченка, печальные результаты которой политически мыслящий человек мог заранее предсказать, вызвала во всех укр. социалистических кругах совершенно отрицательное отношение. Социал-демократы за границей занимаются культурной работой и принимают участие во II Интернационале. Связи с укр. рабочими вообще не имеют, представляя собой малочисленную интеллигентскую группу.

Переходим к украинским социалистам-революционерам.

Революция 1917 г. застала их в состоянии распыления, существуя как отдельные лица и группы, они общепартийной организации не имели. С начала революции бросились очень энергично на организационную работу и в мае (1917) уже создали партию, которая на II своем съезде в июле 1917 г. приняла свою программу. Идеологическое основание этой про-

граммы было то же, что и у русских социалистов-революционеров, а в программных требованиях стояла «диктатура революционной демократии», автономия Украины в федеративной России, социализация земли на основе *отдельного земельного фонда Украины*, культурно-просветительные требования и обыкновенный меньшевистский минимум в рабочей политике. Огромная организационная работа в крестьянстве привели к тому, что УПСР разрослась к осени 1917 г. почти до 800.000 членов. На летних выборах в городские и земские самоуправления *уездной* ступени Украины партия получила огромное большинство. В губернской инстанции и больших городах большинство в общем, за некоторыми исключениями, получили «национальные меньшинства» (русские, евреи и проч.). На выборах поздней осенью во Всероссийское Учредительное Собрание от Украины (на 150 мандатов) украинцы получили в общем около 115, из которых на долю укр. с.-ров было около 100 мандатов, т. е. с.-р. получили абсолютное большинство. На выборах в Украинское Учредительное Собрание, состоявшихся на второй день Рождества 1917 г. с.-р. получили еще больше голосов (социал-демократы только два мандата), а потому Укр. Учредительное Собрание было «эс-эровское». Выборы в некоторых местах Украины уже не состоялись, вследствие большевических беспорядков.

Укр. с.-р. составляли большинство и в Центральной Раде, высшем органе укр. революционной демократии, в котором с лета 1917 г. уже приняли участие и национ. меньшинства (русские, евреи, поляки). Летом 1917 г. Центральная Рада издала свой I-й Универсал о фактическом строительстве автономии Украины, потом наступило соглашение с Временным Правительством и II-й Универсал, впрочем соглашение это было односторонне нарушено Времен. Правительством, издавшим в новом составе знаменитую «инструкцию» укр. Генеральному Секретариату, якобы высшему органу автономной Украины, из состава которой почему-то были исключены Харьковская, Екатеринославская и Херсонская губернии, т. е. эти губернии очутились вне автономного управления Украиной. При обсуждении этой «Инструкции» Центральной Радой в августе 1917 г. в укр. с.-ровской фракции наметились два течения: одно соглашательское (за «Инструкцию»), другое — революционное (*против* Инструкции). Это была первая щель. Впрочем в сентябре 1917 г. на Всероссийском Демократическом Совещании, созванном Петроградским Советом рабочих депутатов, представители Центральной Рады были уполномочены заявить программу *революционной* политики, которая своей «крайней левизной» вызвала общее недовольство русской рев. демократии, кроме большевиков, этой программе аплодировавших. В сущности это была программа-вступление в социальную револю-

цию. Декларацию от имени Центральной Рады заявили Порш, как представитель укр. с.-д. и я, как представитель укр. с.-р. Заявление представителей Всеукр. Рады солдатских депутатов (укр. с-ры Величко и Чалый) было аналогично с нашим. Во время II Всеукраинского войскового съезда (конец октября и начало ноября), когда в России совершался большевицкий переворот, на Украине власть перешла к Центральной Раде, объявившей своим II Универсалом Украину Народной Республикой (7. XI. 1917 г. ст. ст.). Ясно, что главная роль в этих решениях принадлежала большинству — укр. с.-рам. Было образовано украинское правительство из с.-р., с.-д. и с.-ф. во главе с Винниченко (с.-д.). В состав украинского правительства вошли и представители национальных меньшинств, как министры национальных министерств (русского, еврейского, польского), ибо в украинских социалистических кругах уже была предпрешена национально-персональная автономия для национальных меньшинств.

Находившиеся в составе Центральной Рады русские большевики (Г. Пятаков, Затонский и др.) поставили вопрос об отношении Центр. Рады к совершающемуся в России большевицкому перевороту, и резолюция подавляющего большинства Ц. Рады была двойственной: осуждалось восстание большевиков, но оправдывалось тем, что до этого довела мол политика Врем. Правительства. Эта резолюция не удовлетворила русс. большевиков, они ушли из Центр. Рады. В фракции укр. с.-д. появилось большевицкое течение (Нерокович, Касьяненко и др.), то же самое начало появляться и в фракции с.-р. (левое течение — Михайличенко, Ковалів, Шумский, Елланский, Северов-Одоевский и проч., вступившее постепенно в контакт с русскими левыми с.-рами, Качинским из Харькова и др.).

Большевики, одержав победу в России, начали инспирировать выступления своих единомышленников на Украине, требовавших уже «перевыбора» Ц. Рады, убеждавших темную солдатско-рабочую массу, что генеральные секретари (министры) так называются, мол, потому, что все они «генералы», «помещики» и т. п. Разоружение большевицки настроенных отрядов в Киеве в начале декабря и непропускание большевицких войск с севера на Дон (через Украину) подогрели большевицкую агитацию, из Москвы началось наступление большевиков, приготовивших по городам Украины выступление местных рабочих (прежде всего русских и евреев). Выступление в Киеве началось 15 января 1918 г.; после двухнедельной осады Киев был взят большевиками в конце января, Центр. Рада отсту-

¹⁾ Закон о нац.-персон. автономии, выработанный министром еврейских дел д-ром Зильберфарбом, был принят Центральной Радой 2 января 1918 года.

пила с своими войсками на Житомир и далее, а тем временем в Брест-Литовске был подписан договор представителями нового украинского правительства (кабинет с.-р. Голубовича) с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, признавшими независимость Украинской республики. Договор был подписан с.-эрами М. Любинским и О. Севрюком и с.-д. М. Левицким. После подписания договора вскоре немцы и австрийцы начали наступление на Украину, вытесняя из нее большевиков. Ц. Рада возвратилась в Киев вместе с украинскими и немецкими войсками. Вся Украина была вскоре очищена от большевиков, правительство Голубовича существовало до 29 апреля, когда немцы произвели переворот, посадив «гетмана» генерала Скоропадского.

Каковы были позиции украинских с.-эров с момента провозглашения республики и до падения Ц. Рады? Украинская республика была провозглашена 7 ноября (ст. ст.) 1917 г., как федеративная часть России, но уже 12 января 1918 г. IV Универсалом была прокламирована полная независимость Украины. Главной причиной этого было убеждение, что большевизмская политика мешает созданию федерации, что Украина должна сама себе обеспечить внешний мир, заключив, как суверенное государство, договор со всеми воюющими государствами, не исключая и соседей — тогда фактически соседями были Австро-Венгрия и Германия. Впоследствии в пользу самостоятельности нашлись более веские доводы. По отношению к внешней политике было единство, но по отношению к внутренней начался раскол в обеих соц. партиях, напр., левое крыло с.-эров требовало замены правительства Винниченко с целью организовать новое «правительство соглашения с большевиками» для углубления революции, *центр* — тоже самое, но для избежания войны с ними, *правое* крыло — за войну с большевиками. По отношению к революции: *левое* крыло за всю власть советам, *центр* за украинскую Ц. Раду, как верховную власть украинских советов, *правое* крыло — за «обыкновенную» демократию и капитализм¹⁾. В январе после провозглашения независимости кабинет Винниченка ушел в отставку. Судя по большинству в Ц. К. с.-эров и фракции у с.-р. перевес остался на стороне *левых и центра*, в общем считавших (хотя и по разным мотивам) необходимость создания «правительства соглашения с большевиками», но во время обсуждения этого вопроса в с.-р. фракции были по инициативе членов правительства соц.-дем. Порша и Ткаченко, арестовано левое крыло Ц. К. и фракции: Михайличенко, Полоз и др., в общем 7 человек, а после их ареста с.-р. фракция под влиянием

¹⁾ У с.-д. два течения: левое — чисто большевистское и правое — чисто меньшевистское.

Грушевского и нескольких его единомышленников правых с.-р. назначила кабинет Голубовича (правый с.-р.) с такими же соц.-дем. и даже с.-ф. Левое крыло с.-р. было терроризовано, угрозы были по адресу и с.-р. центра. Их политика квалифицировалась, как госуд. «измена». После этих событий в Центр. Раде вскоре началось в Киеве восстание большевиков.

Расхождения между политикой нового правительства и левыми соц. течениями было столь велико, что при эвакуации Киева не были многие предупреждены о сдаче Киева большевикам. Потому большевики зверски замучили укр. левых с.-эров Б. Зарудного (министр земледелия в кабинете Винниченка) и Бочковского и прав. с.-р. Пугача. Кроме того погибло много украинских социалистов, которых войска Ремнева и Муравьева убили с многими другими украинцами, у которых были обнаружены легитимации на укр. языке. Националистичность в поведении большевиков была вне сомнений. Обнаружение этого факта укрепило украинских социалистов на своих позициях, даже левые наши тов. отмежевались тогда от большевиков. Однако, приход немцев, переворот и гетманщина на многих повлияла в направлении сближения с большевиками. Состоявшийся в середине мая 1918 г. нелегальный IV-й Съезд партии соц.-революционеров привел к расколу: основная резолюция была принята по проекту центровиков, а Ц. К. был избран (большинством одного голоса) из левого крыла, явно большевистствующего. Правые были исключены, центр образовал свою партию под названием УПСР (центральное течение), а под титулом УПСР пошли левые, которые немедленно объявили УПСР *распущенной*, призывая зарегистрироваться заново только сочувствующих большевикам. Конечно, оба течения были на нелегальном положении. Во главе *центрального течения* УПСР было поставлено Бюро, с участием моих, Н. Григорьева, Лызанивского и др. И левые, и центр были на одинаковой позиции в отношении социальной революции, но левые стояли за соглашение с большевиками, не считаясь с принципом самостоятельности Украины, мы же стояли за самостоятельность Украины и допускали соглашение с большевиками только в порядке международных соглашений. Конечно, нашу позицию и большевики, и наши левые с.-р. называли «контр-революционной», ибо по их убеждению и настроению революционное только то, что за Москву и из Москвы. Левые конспирировали с большевиками, центр — вел самостоятельную организационную работу, придумывая одновременно способы свержения гетмана и изгнания немцев.

Летом 1918 г. центр взял инициативу в создании Украинского Национального Союза, как формы собирания сил для будущей борьбы, которая центру казалась неизбежной. Против положения вещей были и с.-р., и с.-д., и даже с.-ф. Послед-

ние отказались войти в гетманское правительство. Вошел только с.-ф. Д. Дорошенко (министр иностр. дел), за что был исключен из партии. Осенью 1918 г., когда гетман увидел необходимость ввести в кабинет Лизогуба еще трех с.-ф. (Славинский, Лотоцкий, Вязлов) и одного «хлібороба» (В. Леонтовича), то кабинет был наполовину украинский (с украинофильствующими Кистяковским, Бутенком и др.), свирепые украиноеды были удалены, но этот кабинет просуществовал очень недолго, десять министров его были русские шовинисты, запротестовавшие против «украинского курса», а потому этот кабинет был заменен кабинетом квалифицированной русской черной сотни, во главе с Гербелем; Австрия и Германия заявили о мире, гетман открыл лицо — переориентировался на «союзников» и издал универсал о федерации с русской черной сотней. Это было 14 ноября 1918 г., а в ту же ночь была образована Украинским Национальным Союзом Директория и на второй день началось знаменитое *всеевропейское восстание*, свергшее гетманат, удалившее из Украины немцев и возобновившее Украинскую Народную Республику во главе с правительством Директории (кабинет Чеховского). Восстание это подготовлено было с.-эрами (центр), вместе с с.-д., но с.-ф. были против него, как «авантюры», за которой вслед явятся большевики. Директория была составлена из с.-д. Винниченка и Петлюры, с.-р. Жвеца, соц.-самостийника Андриевского и беспартийного железнодорожника А. Макаренка. Политическое значение имели Винниченко и Петлюра, остальные оказались политическими нулями¹⁾. Восстание закончилось взятием Киева 14 декабря, а через неделю был составлен первый кабинет с.-д. Чеховского, по своему настроению левый, ставшего вскоре на позицию соглашения с большевиками. В кабинет вошли: с.-р. (4), с.-д. (6), соц.-сам. (2) и два портфеля не были замещены — временно их замещали, как управляющие, два с.-ф. — Желухин и проф. Огиенко, военным министром был беспартийный ген. Греков, его заместителем ген. Осецкий.

В общем, в кабинете были разные стихии: одни за украинскую трудовую власть (трудовые рады), другие потом склонились к парламентаризму. Этот кабинет просуществовал до 15 февраля 1919 г., когда в Виннице (после взятия в конце

¹⁾ Организация восстания фактически произведена Винниченком и автором сих строк. Директория была избрана первоначально в составе трех — Винниченко, Петлюра и я, но я решительно отказался войти по соображениям личного и политического характера. Петлюра не принимал никакого участия в организации восстания, сидел последние месяцы в гетманской тюрьме и за два дня до восстания по настоянию Укр. Нац. Союза был из тюрьмы выпущен и был приглашен нами примкнуть к восстанию, почему и был назначен в Директорию, ввиду его популярности в военных кругах, полученной им в борьбе с большевиками в январе—феврале 1918 года.

января Киева снова большевиками) был заменен кабинетом Остапенка — «кабинетом соглашения с Антантой».

Вместо соглашения с большевиками, снова пошедшими на Украину из Москвы с громадной армией (впереди с китайцами и латышами) войной против *социалистической* Украины (во время кабинета Чаховского) и вызвавшими реакцию и уклон в сторону Антанты, лево-социалистические элементы ушли со сцены: Винниченко ушел из Директории и выехал за границу. Я, уйдя с поста министра земледелия, также уехал за границу. Партия с.-р. перешла в оппозицию кабинету Остапенка, составленному из с.-ф. с некоторыми прицепками из правых с.-р. и с.-д., приглашенными персонально, а также «беспартийных». Винниченка в Директории заменил Петлюра.

Директория еще раньше созвала Укр. Трудовой Конгресс, как верховную власть Украины, состоявший из *крестьян, рабочих и социалистических партий, без участия буржуазии*. Большевики критиковали этот конгресс, как «не» настоящую верховную власть, как «непролетарский» и т. д. Конечно, это было потому, что власть не принадлежала Москве. Конгресс принял закон о социализации земли и лесов, закон о трудовых радах, как власти на местах, но осуществить удалось немного, ибо уже началась по инициативе Москвы война. Конгресс передал верховную власть Директории впредь до возможности нового созыва Конгресса и разъехался, ибо к Киеву уже приближались московские большевицкие войска. Варварство методов большевизма была главной причиной уклона украинской политики вправо, после ухода кабинета Чеховского. Ориентация на Антанту появилась, как следствие большевицкого наступления. Потому партия с.-р., хотя и была в оппозиции против кабинета Остапенка, но активной борьбы против него не вела. С.-эры считали восстание против гетмана и немцев, возобновление Украинской республики и пр. *своим делом*, но выступать против УНР, хотя ее новое правительство и было не по вкусу, не следовало.

Украинские левые с.-р., не приняв вместе с нами участия в восстании против гетмана и немцев, пошли всецело с большевиками, под кличкой «боротьбистов» и в конце лета 1919 г. уже слились с коммунистами московского происхождения (КПБУ). Так разошлись две части когда-то громадной партии. Кабинет Остапенка просуществовал что-то около двух месяцев и был заменен новым кабинетом Мартоса (с.-д.), в который вошли с.-р. и с.-д. Этот кабинет уже не мог вести ясной политики, колебаясь в поисках опоры. В сущности кабинет уже был «походным», передвигаясь по железнодорожным линиям, соответственно положению на фронте, где шла одновременно борьба украинских войск против большевиков, деникинцев, а в тылу были поляки, понемногу захватывавшие

Волынь. В особенности трагической была осень 1919 г., когда тиф, голод, холод, отсутствие медикаментов и всякой связи с внешним миром дали основание для характеристики страшного положения, как пребывания в «треугольнике смерти». Осенью 1919 г. Петлюра и его кабинет произвели тихий государственный переворот, отменив закон Трудового Конгресса о «трудовых радах» (в жизнь не были даже введены) и объявив парламентаризм, как основу политического устройства Украинской республики. Еще раньше был устранен из Директории Андриевский, под благовидным предлогом еще два члена Директории были удалены за границу и потом постановлением (подвластного Директории!) кабинета лишены звания членов Директории и всяких уполномочий. Так начался период украинской политики, именуемый «петлюровщиной», т. е. когда Петлюра управлял самостоятельно, нося впрочем титул «председателя Директории», в которой он остался только один, опираясь на составляемые им по персональному приказу кабинеты. На сцену пришла новая акция — соглашение с поляками, вследствие чего с.-эры окончательно порвали с Петлюрой, частью перейдя под большевицкую оккупацию в напрасной надежде придти там к какому-то «соглашению», а частью потом, когда пал украинский фронт, уйдя в эмиграцию. Соглашение Петлюры и его сподвижников с Польшей повело к полному разрыву галицкого правителя Петрушевича и командования его армии с Петлюрой и к соглашению с Деникиным, без ведома армии. Галицкая армия фактически с Деникиным не пошла, перейдя частью к большевикам, частью в армию Петлюры, частью блуждая «самостоятельно» — тиф и голод косили всю украинскую армию (и галицкую и велико-украинскую). Наконец, по тайному соглашению с Петлюрой, поляки захватили Каменец-Подольск, армия украинская распалась, Петлюра с приближенными скрылся, а оставшиеся небольшие отряды вырвались из «треугольника смерти» в тыл большевиков и там ходили целые полгода, воюя храбро против всех. Это так называемый в украинской военной истории последних лет «зимний поход», участникам которого потом были выданы железные кресты-ордена, как знак высшего рыцарского достоинства. В «зимнем походе» некоторое время принимал участие и премьер Мазепа (с.-д.), заменивший было своего товарища Мартоса.

Я уже упомянул, что украинские социал.-революционеры осенью 1919 года, после отказа Петлюры и его правительства от постановлений Трудового Конгресса и обнаружения намерения войти в соглашение с реакционной Польшей ценой отказа от Галиции и части Волыни совершенно ушли в сторону, одни в Киев, другие в эмиграцию. Ушедшие в Киев, скрываясь в подпольи, иногда делали напрасные попытки «со-

глашения» с большевиками, но все это оказалось напрасным: постепенно они были арестованы и в мае 1921 г. большевики инсценировали большой судебный процесс над Ц. К. УПСР, в результате чего подсудимые (Голубович и пр.) были осуждены на пять лет содержания в концентрац. лагере. Сравнительная мягкость приговора объясняется тем, что подсудимые вели себя в общем плохо, — отказываясь от своего прошлого и признавая власть большевиков «законной». Этот процесс останется печальной страницей в истории обеих сторон: насильнической и... малодушной.

Впоследствии эти с.-эры были амнистированы, стали лояльными советскими гражданами и опубликовали в совет. газетах о своем выходе из УПСР.

Другая часть с.-р. ушла в эмиграцию, присоединившись к тем товарищам, которые были в эмиграции уже с 1919 г. и к партийной делегации, высланной за границу весной и осенью 1919 года. Судьба заграничной части с.-эров не безинтересна и поучительна. Заграничная делегация под руководством проф. М. Грушевского сначала защищала партийную политику («радянскую» демократию и постулат самостоятельности), вместе с другими, пребывающими за границей товарищами издала воззвание против польско-петлюровского похода на Украину весной 1920 г., постановила предать суду тех с.-эров, которые персонально принимали участие, хотя и в пассивной роли, в заключении союза с Польшей, (П. Христюка, А. Степаненка, М. Ковалевского и др), словом старалась внести в жизнь партии оздоровление, но вскоре сама начала клониться в сторону соглашения на договорных началах с большевицкой властью, а потом скапитулировала: члены ее Шраг, Чечель и Жуковский выехали в Харьков, а весной 1924 г. за ними последовал и Грушевский. Из членов делегации только т. Исачевич, живший тогда в Париже, не принял никакого участия в соглашательстве с большевиками и не уехал на Украину. Постепенно еще откололось несколько особ и группок с.-эров от заграничных организаций, вставших в «сменовеховство», но большинство осталось верным своей программе и за границей организовало большую культурную работу в среде громадной украинской эмиграции, главным образом, в Чехословакии. Руководство этой работой с ее начала и до сих пор лежит на мне и нескольких товарищах; вместе с нами работает и та часть социал-демократов, которая также отмежеввалась от нового («петлюровского») курса политики УНР (Загран. группа УСДРП, так называемая группа т. Галагана).

На Украине наша партия, громадная в 1917 г., ушла в подполье, частью была разгромлена большевиками, частью распалась сама, вследствие слабой моральной связи, отсутствия твердых традиций и закаленных в боях руководителей. Так

как великое восстание против гетмана и немцев осенью 1918 г. было инициативно ведено, главным образом, силами нашей партии и находящейся под нашим руководством «Селянської Спілки» (Укр. Крестьянский Союз), то многие лучшие члены партии из крестьян и интеллигенции погибли в восстаниях, многие также погибли в последующей войне с большевиками и Добровольческой армией, а также в спорадических местных восстаниях на Украине, тянувшихся вплоть до 1923 г. и даже позже, часть ушла к коммунистам, часть отошла в сторону, а громадная часть рассеялась и притаилась по селам, местечкам и городам Украины в ожидании лучших времен. Часть находится под Польшей (главным образом, на Волыни и в Галиции) и, наконец, часть за границей. Поучительно для всех нас, активных украинских соц.-революционеров, то, что громадная партия была разбита идеологической и социально-политической бурей революции и смешения понятий. Устойчивость партии зависит от многих факторов, главным из которых надо признать как долголетнее существование, так и идеологически-моральную спайку, доброкачественность вождей и политическое воспитание масс. Кто знает условия российской действительности перед революцией, в особенности положение украинского народа в России и свирепое уничтожение малейших признаков его культурного творчества — для того ясны будут и судьбы, как Украины вообще, так и отдельных ее партий в особенности.

Громаден был наш порыв, велика борьба и жертвы и велик разгром живых сил, как и громаден еще запас возможностей.

(Окончание следует).

М. ШАПОВАЛ.

Аграрная анкета.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В. В. Сухомлин в качестве секретаря Международного Агентства Социалистической Прессы (Agence Internationale de la presse Socialiste), основанного два года тому назад Бельгийской Рабочей Партией, предпринял анкету по аграрному вопросу среди виднейших представителей социалистического и профессионального движения.

Эмиль Вандервельде написал вступительную статью к анкете. Статья эта, в которой вождь бельгийских социалистов предлагает заново обсудить вопрос о социализме и крестьянстве с целью найти способ наиболее плодотворного вовлечения последнего в социалистическое движение, уже несколько раз цитировалась в русской печати и, как водится, подверглась ложным толкованиям ничего в ней непонявших доморощенных «критиков» социализма. Мы печатаем ее целиком вместе с первой группой ответов, полученных Агентством.

Аграрная проблема вновь стоит на очереди перед всеми социалистическими партиями. Почти повсюду созданы комиссии по разработке аграрных программ. Интернационал постановил созвать специальную аграрную конференцию.

В обсуждении этой проблемы, как правильно указал Вандервельде, громадное значение имеет практический опыт и теоретическое исследование социалистов земледельческих стран, то-есть, прежде всего России. Мы даем ответы и русских социалистических лидеров и в особой статье излагаем мнение редакции.

Социализм и крестьяне.

Это было в 1919 году. Мы осматривали Грузию вместе с Макдональдом, Том Шоу, Реноделем и другими делегатами Интернационала. Однажды утром на линии Тифлис—Батум наш поезд остановился у деревенского вокзала. Тысячи людей ожидали нас, собравшись со всех окрестностей. Среди этой огромной толпы было мало или вернее совсем не было рабочих, но было очень много крестьян, одетых в полушубки, принесших нам фрукты и цветы, и склонявших их в красные знамена в честь Социалистического Интернационала.

При виде этого зрелища Рамзай Макдональд, около которого я стоял, сказал в полголоса:

— Marx all wrong...

что в свободном переводе означает:

— Маркс совершенно ошибся...

И сейчас же я понял, что он хотел сказать.

Маркс, действительно, не представлял прихода крестьян к социализму иначе, как после их пролетаризации, их экспроприации крупную, все больше и больше концентрирующуюся земельною собственностью. В данном же случае произошло совершенно обратное: крупная собственность короны и знати перешла в руки крестьян, разделявших экспроприированные земли, и эти крестьяне, тем не менее, приветствовали социализм, заявляли себя социалистами! Не было ли это верным доказательством того, что триумф социализма мог-бы быть результатом и иных, чем экономическая трансформация, причин?

На первый взгляд это могло бы показаться справедливым. Но приглядимся поближе и спросим себя, в чем на самом деле состоит социализм, к которому себя причисляют в некоторых странах значительные массы крестьян?

С самого начала мы различим две совершенно разные категории.

Революция или произошла почти во всей восточной Европе или готовится произойти. Она в некотором роде продолжает Французскую Революцию. Эта революция происходит под знаком социализма или коммунизма. Большое количество крестьян, захвативших или желающих захватить землю, называют себя социалистами, или даже коммунистами. Но надо посмотреть, что из этого выйдет, когда имения, пущенные в раздел, консолидируются в их руках.

В других местах и именно во Франции мы также находим крестьянское население, оказывающее социалистическим партиям довольно серьезную поддержку на выборах. Но я думаю, что не ошибусь, сказав, что в огромном большинстве случаев дело идет о крестьянах, уже вовлеченных прямо или

косвенно в капиталистическую систему. И это подтверждает, а не опровергает, ту основную идею Маркса, что без капитализма нет социализма.

Таковы, например, те малоземельные крестьяне, чьи сыновья работают в городе, в качестве наемных рабочих, и которые подвергаются политическому влиянию молодого поколения; таковые также и спольщики из Бурбонэ, которых можно приравнять к рабочим на дому, таковы мелкие земледельцы лесной области Центра, которые прежде всего являются рабочими дровосеками; таковы, наконец, и крестьяне Лангедока, которые уже давно перешли от натурального хозяйства к товарному, и которые, работая на рынок, занимаются промышленными культурами. Я был в прошлом году в окрестностях Дюраней, в деревне, называющейся Винон. Эта деревня населена почти исключительно собственниками-крестьянами. В ней насчитывается всего лишь три или четыре рабочих, работающих на мельнице. Нет владельца замка. Нет крупных помещиков, следовательно, в этой деревне нет борьбы классов, и тем не менее, в Виноне на муниципальных выборах так же, как и на выборах в парламент, социалисты получают более 80% голосов.

Но в чем заключается этот социализм свободных крестьян, тяжело трудящихся и довольно хорошо зарабатывающих на жизнь?

Не пробуйте им говорить о коммунизме или даже о коллективизме в его применении к земле. Они вас выпроводят ударами вил. Даже к земледельческой кооперации они еще индифферентны.

Причина в индивидуализме.

Но они страдают от паразитизма посредников. Они чувствуют на себе тяжесть еще невидимую и далекую, но давящую господства крупного капитализма. Они понимают очень хорошо и одобряют, когда им говорят о социализации транспорта, электрической энергии, рудников, крупной промышленности, перерабатывающей земледельческие продукты. Они чувствуют себя политически солидарными с другими трудящимися против эксплуататоров.

С другой стороны, они глубоко демократичны, пацифисты и антимилитаристы. Они думают с ужасом о том, чем была вчерашняя война и в чем будет война завтрашнего дня. Они видят в социализме великую силу, самую великую силу, работающую в пользу мира и этого им уже достаточно для того, чтобы объявить себя социалистами.

Возможно ли, отправляясь от этих положений, интенсифицировать, сделать более отчетливым их понимание социализма, привлечь в более крупной пропорции в наши ряды тех

людей деревни, которые не являются ни земледельческими, ни индустриальными пролетариями?

Старый вопрос, который так много обсуждался перед войной, но который ставится теперь в новых формах с тех пор, как «зеленый» Интернационал стал силой, и с тех пор, как с другой стороны в формах, которые Маркс совершенно не предвидел, капитализм овладевает все больше и больше деревней.

В высшей степени важно, чтобы в каждой стране наши товарищи, хорошо знающие деревенскую жизнь, занялись объективно, без предвзятого догматизма изучением этой существеннейшей проблемы. Жорэс — сам наполовину крестьянин — попытался это сделать в серии статей в «Petite Republique», которые я недавно перечитал («Cahiers de la Quinzaine») с самым живым интересом. Поль Пасси, профес. Сорбонны и директор земледельческой колонии в Лифре, вновь занялся этим вопросом в 1923 году в брошюре, довольно антимарксистской, но которая заслуживает быть прочитанной: **«Социалистическая пропаганда в деревне»**. Жозеф Вотерс, исходя из точки зрения практического осуществления, сделал то же самое на нашем последнем земледельческом конгрессе в 1923 году, в речи, которая была опубликована брошюрой. Такие же изучения производятся в Италии и Германии, где фон Горлах сожалеет, что в первый же день революции 1918 года, социалисты, бывшие на момент хозяевами власти, оставили, чтобы не погрешить против теории, нетронутыми большие имения, ожидая, когда можно будет их социализировать, вместо того, чтобы завоевать крестьян, давши им землю. Но, главным образом, в Восточной Европе открывается в настоящее время перед нашими товарищами Балкан, Польши и России огромное поле для опыта или во всяком случае для неистощимого плодотворного исследования. Там есть миллионы и миллионы крестьян революционеров. Возможно-ли сделать из них не номинально, но действительно крестьян-социалистов? Возможно-ли, другими словами, согласовать их привязанность к частной собственности над куском земли, орудием их труда, с их сознательным присоединением к социализации капиталистической собственности, инструмента эксплуатации. И от ответа на эти вопросы зависит более или менее быстрое пришествие господства труда.

Эмиль Вандервельде.

Земля и государство*).

1. Желательно привлечь трудящихся крестьян в социалистическую партию. Без их сотрудничества мы не можем завоевать действительной власти.

2. У нас проблема может быть разрешена легче, чем в других странах Европы.

Большую часть наши земледельцы являются рабочими, получающими жалованье в конце каждой недели. Из них только часть организована в синдикаты. Необходимо вовлечь в синдикаты всех. Крупные фермеры останутся такими же консерваторами, как и крупные капиталисты.

3. Средством послужит национализация земли, а не ее раздробление. В Англии целью является эксплуатация больших имений с оставлением второстепенного места для мелких земледельцев.

4. Земельная программа нашей партии гласит:

Что государство должно быть единственным хозяином (национализация земли) крупных ферм для того, чтобы подчинить земледелие центральному управлению в целях усовершенствования методов производства.

Мы хотим развить, насколько возможно, кооперативное земледельческое движение.

Во время моего пребывания в министерстве я мог приступить к составлению проектов, главные линии которых изложены в опубликованной Рабочей Партией брошюре. Кроме того, я попытался заключить союз между земледельческими и промышленными кооперативами в целях облегчения обмена продуктами.

Союз между рабочими и земледельческими кооперативами, невозможен.

Социалистическое движение мало распространено в нашей деревне. Нам остается еще многое сделать в этой области. Во всей Англии я являюсь единственным социалистическим представителем деревни.

Число земледельчих рабочих, организованных до сих пор, не превышает 35 тысяч человек. Общее же количество трудящихся полей — пятистам тысячам человек.

Ноэль Бекстон.

*) Автор этого ответа, Ноэль Бекстон, член английской трудовой партии и бывший министр земледелия в кабинете Макдональда.

Синдикализм и аграрный вопрос*).

Нет никакого сомнения в том, что необходимо вести в крестьянской среде активную и постоянную пропаганду.

Крестьянство предназначено не к исчезновению, а, наоборот, к развитию. Несмотря на проникновение механических средств культуры, общая тенденция во всех странах — овладение крестьянством земель. Крестьянская собственность, отнюдь не хиреет, а наоборот все более и более развивается. Пример России показывает нам, что невозможно не признать этого явления, что надо считаться с ним, если желательно достичь осязательных и длительных результатов. Или крестьяне будут с нами, если мы сумеем привлечь их к себе пропагандой, принаровленной к их психологии, к их стремлениям, или они будут против нас вместе с реакцией во имя защиты их собственности.

Надо эту нашу пропаганду направить по путям: синдикальному и кооперативному: синдикаты сельскохозяйственных рабочих, кооперативы для закупки и сбыта — вот главные формы, в которые должно отлиться наше действие по отношению к крестьянской массе. Крестьянин не враждебен прогрессу, он его воспринимает и он способен его развить, если форма, в которой осуществляется прогресс соответствует образу мыслей и действия крестьянина.

При помощи выше указанных организаций мы можем добиться завоевания муниципальной власти; разве на самом деле деревня не является «крестьянской мастерской», в которой могут обсуждаться профессиональные интересы, связанные с общим благом и развитием своей социальной среды. Дать понять крестьянам, что их благо зависит от развития потребления, есть лучшее средство разрешения земельной проблемы, которая встает почти повсюду, и наиболее верная подготовка крестьянских масс к социальной трансформации.

Леон Жуо.

Аграрный вопрос в Австрии.

1. Я не думаю, чтобы можно было дать на Ваши вопросы ответ, действительный для всех стран. Если промышленные условия почти повсюду в капиталистических странах одни и те же, то земельные отношения в разных нациях настолько различны, что конкретные теории социализма в земледелии должны быть для каждой страны определены сообразно специальному характеру аграрного вопроса данной страны.

*) Автор этого ответа, Леон Жуо, секретарь французской Генеральной Конференции Труда.

2. В Австрии имеются две совершенно различные области. С одной стороны, Альпы, с другой — равнина. В Альпах социализм может преследовать лишь одну задачу — социализацию лесов. Это имеет большую важность не только потому, что социализация нам необходима для того, чтобы защитить леса от капиталистической эксплуатации, но также и потому, что разведение скота крестьянами зависит в очень большой степени от использования пастбищ и лесных опушек.

На равнине мы проводим прежде всего следующие положения:

а) Покровительство фермеров против земельных собственников.

б) Покровительство мелких крестьян, лишенных пользования общинными владениями (*Alimente*) против крупных крестьян, монополизировавших это пользование.

в) Расширение общинных владений (*für die reichlichere Ausstattung der Gemeinden mit Gemeindegut*) за счет крупной собственности, особенно в целях колонизации общинных владений земледельческими рабочими.

г) Муниципализация права охоты,

д) Введение прогрессивного принципа в земельный налог,

е) Государственную монополию хлебной торговли.

3. Со времени революции существует сильное синдикальное движение земледельческих рабочих. Организация мелких крестьян направляемая социалистами, могла добиться значительных успехов только в тех областях, где борьба между фермерами и земельными собственниками и борьба за использование коммунальных имуществ достигла особенной напряженности.

У нас нет положительного опыта по вопросу о возможности союза между городскими и земледельческими кооперативами. Несколько попыток сделанных в этом направлении провалились, вследствие антагонизма между потребительскими и земледельческими кооперативами. Наша партия до сих пор еще не сформулировала своей земельной программы. Последний конгресс назначил специальную комиссию на этот предмет. Эта комиссия опубликует в будущем месяце под заголовком «Библиотека земледельческого социализма» серию очерков, которые могут подготовить выработку общей аграрной программы.

Отто Бауэр.

Чехословацкая социалдемократия об аграрном вопросе*).

Чехословацкая социалдемократическая рабочая партия уже ответила на ряд вопросов из области аграрных отношений на практике.

Мы считаем привлечение к социалистической партии мелко-хозяйственных владельцев и арендаторов не только неизбежным, но и естественным.

Наша богатая промышленностью страна имеет сотни тысяч обитателей, которые живут только частью благодаря промышленности (тяжелая, большая индустрия, домашняя индустрия). Эти люди хозяйничают на своем маленьком владении — иногда это делают женщины и дети — и кроме того работают на фабрике. Здесь они делаются социал-демократами. Нельзя отрицать, что еще и теперь некоторые из промышленных рабочих этого сорта очень вредны для промышленного пролетариата, потому что на фабрике они ищут только часть своего заработка и не так тверды в борьбе с разными мерзоприятными фабрикантов, как те рабочие, которые живут исключительно фабричным заработком. Это обстоятельство явилось также причиной того, почему профессиональные рабочие были особенно заинтересованы в привлечении этих людей в профессиональные союзы и к участию в рабочем движении. Эти домохозяева, мелкие арендаторы и мелкие деревенские хозяева, сделавшиеся социалдемократами на фабриках, создали кадры для больших партийных организаций мелких хозяев, домовладельцев и арендаторов. Эта организация заботится о специальных интересах своих членов, и имеет смешанный характер профессиональной и кооперативной организации, так как она обеспечивает для участников также и закупку зерновых посевов, семян вообще, а также и машин. Наибольшее внимание они уделяют аграрной реформе, раздроблению (парцеляция) больших земельных владений. Дело идет о распределении раздробленных земельных владений. Аграрная партия старается протезировать своих приверженцев. Наша организация старается оградить права своих членов.

Группы этих организаций с группами организаций сельскохозяйственных рабочих составляют сильнейшую опору партии в деревне.

Аграрная реформа уже проведена у нас в виде парцеляции. Эта реформа является следствием компромисса между социалистическими и аграрной партиями, которую также представляют по большей частью мелкие землевладельцы и до-

*) Автор этой статьи, Жозеф Стивин, один из виднейших вождей чехословацкой социал-демократии.

мывладельцы. Из больших землевладений, выделены (оставлены) так называемые *Restgüter im Ausmasse eines Mittelgutes*, все же остальное раздробляется. Эти *Restgüter* (остатки?) распределяются самым разнообразным образом. Они продаются не только бывшим владельцам, но — если бывший владелец имеет несколько таких остатков — служащим крупных землевладений, благотворительным учреждениям, обществам и кооперативам. Мы приняли около 32 таких остатков, как социалистические кооперативные владения, на которых работают сами сельскохозяйственные рабочие. Результаты в первые же годы были блестящие, чему способствовали высокие цены на хлеба и другие злаки и сахарную свекловицу. Но обыкновенно первые годы самые плохие, поэтому мы надеемся, что будущее этих владений будет еще блестящее. Наши кооперативы (общества) составляют общую кооперацию с кооперативами аграрными. Но аграрное кооперативное движение у нас слишком проникнуто духом аграрного капитализма, вожди его ненавидят социалистов, и эти обстоятельства ставят нам большие препятствия.

Широко поставленный опыт произвели мы в большом промышленном центре (Острава). Здесь учреждена большая молочная, долженствующая снабжать молочными продуктами город.

В этом большом предприятии принимают участие рабочие-кооператоры, общества и аграрные кооперативы. Этот опыт удался, молочная работает хорошо, все довольны, довольны и потребители.

Что касается аграрной программы партии, она должна быть еще разработана. При этой разработке мы должны будем учесть опыт и последствия аграрной реформы.

Иозеф Стивин.

Аграрный вопрос у русских марксистов.

Привлечение в сколько нибудь значительном числе мелких крестьян в ряды социалистической партии возможно в двух, принципиально совершенно различных, случаях.

Первый случай, имевший место в до-революционной России, это —отсталая страна, почти сплошь крестьянская, с относительно слабым, политически не вышколенным пролетариатом, перед которым непосредственно стоит еще не задача классовой борьбы за уничтожение капитализма, а задача классового участия в «общенациональной» борьбе за уничтожение политических, социальных и экономических пере-

житков до-капиталистической (феодальной, крепостнической) эпохи. В этом случае попытка строить социалистическую партию не только на пролетарском, но и на крестьянском элементе неизбежно приводит к затушевыванию классового, пролетарского характера партии, превращает ее социализм в абстракцию и сентиментальную утопию, замедляет политическое воспитание и организацию рабочего класса и придает политике самой партии противоречивый, иллюзорный и авантюристский характер. Мы, русские социал-демократы, всегда держались того мнения, что организация чисто рабочей социалистической партии необходима не только в интересах всего будущего русского рабочего движения, но и потому, что, влияя на крестьянство со стороны, как организованная классовая сила, пролетариат больше сделает для радикальной расчистки русской почвы от царистско-крепостническогохлама, чем растворяясь в политически сером, подверженном непрерывным отливам и приливам крестьянском море.

Другое дело, конечно, страна развитого капитализма, с мощно организованным, проникнутым отчетливым классовым сознанием пролетариатом. Здесь вовлечение мелких крестьян в ряды социалистической партии желательно, поскольку оно может совершаться на основе усвоения крестьянством пролетарской социалистической идеологии.

Я полагаю однако, что фактические условия экономического и социального существования крестьянского хозяйства ставят довольно тесные пределы такому вовлечению его в социалистическую пролетарскую партию, и считал бы крупной ошибкой искажение или затушевывание классового характера партии в интересах такого вовлечения. Думаю, что всякая «крестьянофильская» дипломатия такого рода впоследствии отозвалась бы глубоким кризисом социалистической партии и утратой значительной доли боеспособности. Действительное привлечение крестьянских масс на стороны социализма — задача политики уже **победившего** пролетариата.

Конечно, победить, завоевать власть **против** крестьянства пролетариат вряд ли сможет. Он должен рассчитывать на содействие или, по крайней мере, благожелательный нейтралитет крестьян. Создается это содействие или нейтралитет в определенные исторические моменты общностью врага (крупный землевладелец, финансист-ростовщик, реакционная бюрократия и т. д.), против которого направляют одновременно свое оружие пролетариат и крестьянство. Но, конечно, комбинация таких условий может быть бесконечно разнообразна в различных странах. Дело пролетариата — надлежащим образом использовать эту комбинацию для победы, а после победы своею тактикой закрепить за собой сочувствие

крестьянства и целесообразными экономическими и социальными мероприятиями (но отнюдь не средствами политического насилия!) возбудить у крестьян склонность и сделать для них выгодным постепенный переход от мелкого индивидуального хозяйства к коллективному. И тут всяческое содействие развитию всех форм кооперации, начиная от простейших видов коллективной закупки и продажи вплоть до производительных товариществ, должно сыграть громадную роль. До победы пролетариата содействие развитию всех видов крестьянской кооперации имеет, с точки зрения пролетариата, преимущественно психологически-подготовительное, воспитательное значение; после победы оно превращается в непосредственное и могучее орудие «социализации» крестьянского хозяйства, «смычки» земледелия с организованной на коллективистских началах промышленностью.

Что касается крупных имений, то я не представляю себе завоевания власти пролетариатом и приступа к социалистическому строительству без их экспроприации. С точки зрения принципиальной, разумеется, желательно обращение всех крупных культурных имений в коллективную эксплуатацию. Но в истории и, особенно, в истории революций прямой путь не всегда бывает кратчайшим, ведущим к цели. Сохранение добрых отношений с крестьянскими массами для победившего пролетариата важнее непосредственной социализации крупных имений. И если по историческим и экономическим условиям данной страны крестьянские массы неудержимо стремятся к мелкому индивидуальному хозяйству, то элементарное благоразумие требует предоставить им эту возможность идти к «социализации» земледелия обходным путем последующего кооперирования и коллективизации мелких хозяйств.

В программе российской социалдемократии (1906 г.) наша партия требовала конфискации церковных, монастырских, помещичьих земель, на которых фактически ведется мелкое хозяйство (путем аренды) или которые составляют необходимые для его округления угодья».

Аграрная революция 1917 года, провозгласив все земли (в том числе и крестьянские) национальной собственностью, на деле решила аграрный вопрос разделом большинства помещичьих земель на мелкие индивидуальные хозяйства. Сохранившиеся в виде «советских хозяйств» или «коммун» крупные имения по правилу влачат жалкое существование.

При таких условиях в данный исторический период крестьянский вопрос в России является для социалдемократии с экономической точки зрения — вопросом о возможно более быстром развитии производительных сил на созданной революцией основе мелкого крестьянского хозяйства, а с

политической — вопросом о предотвращении опирающейся на крестьянство контр-революции и обеспечении демократической ликвидации большевицкой диктатуры путем политической **коалиции** пролетариата и крестьянства.

Исходя из этих соображений, российская социалдемократия, наряду с общими политическими требованиями, представляет в своей последней платформе (май 1924 г.) следующие требования в сфере земельной политики на основе закрепления в законодательном порядке сложившихся земельных отношений:

1) Скорейшее проведение землеустройства с обеспечением широкой возможности выхода из общины и предоставлением отдельным домохозяевам право свободного распоряжения находящейся в их владении земель, при преимущественном праве органов местного самоуправления на приобретение отчуждаемых земель.

2) Законодательная нормировка арендных сделок, имеющих предметом крестьянские участки, в целях недопущения кабальных форм аренды и контроль государства и органов местного самоуправления над условиями этих сделок.

3) Поощрение всех видов крестьянской кооперации при решительном отказе от системы принуждения и опеки.

4) Организация государством и органами местного самоуправления сельскохозяйственного кредита.

5) Ликвидация так называемых совхозов, за исключением тех немногих, которые имеют показательное значение и рационально поставлены, и сдача имений, оставшихся в руках государства и органов местного самоуправления в долгосрочную аренду — преимущественно сельско-хозяйственным товариществам и кооперативам с поощрением в этих имениях крупного и интенсивного хозяйства.

6) Сельско-хозяйственные концессии на эксплуатацию пустующих и необработанных земель или особо крупных имений, требующих приложения значительных капиталов, при условии ведения крупного и рационального хозяйства.

7) Ликвидация последних остатков натуральных налогов. Законодательное установление круга и точных ставок налогов, взимаемых с крестьянства. Согласование сроков внесения налогов с интересами крестьянства.

8) Право коалиции для сельскохозяйственных рабочих. Всесторонняя охрана наемного труда в деревне и распространение на него всех видов социального страхования.

Ф. Дан.

Социализация земледелия.

1. Трудовое крестьянство надо рассматривать, как одну из сил, без которых реализация социализма невозможна.

Противоположного взгляда можно было держаться только тогда, когда на крестьянство глядели, как на атрофирующийся обреченный на скорое уничтожение орган народно-хозяйственного организма современных цивилизованных наций; когда единственным путем его эволюции признавался путь пролетаризации, путь социальной смерти в качестве особого класса — самостоятельного трудового крестьянства.

С этим взглядом пора покончить. С ним, в сущности, уже почти покончено. Но этого мало. Надо отчетливо и категорически сформулировать тот **иной**, новый взгляд, который должен стать на его место. Надо продумать его до конца. Надо признать, что трудовое крестьянство есть не **пережиток**, а **жизненный элемент** современной экономики. Надо признать, что ему, как всякому другому жизненному элементу, свойственен свой путь эволюции, и прогрессивного развития в высшие формы.

Это означает, что наряду с капиталистической эволюцией, обобществляющей труд и собственность в формах авторитарных, **сверху**, существует некапиталистическая эволюция трудового хозяйства, идущая к обобществлению в формах хозяйственного автономизма, **снизу**.

Стало быть, дело не в том, чтобы политиканить с крестьянством и привлекать его к социализму путем изобретения каких нибудь подачек, а в том, чтобы создать теорию некапиталистической эволюции, как особого, сравнительно с типично-индустриальным, но не менее органического пути к социализму. Естественным практическим выводом из этой теории и будет политика планомерного содействия этой некапиталистической эволюции, а тем самым и ее самостоятельному агенту — трудовому крестьянству.

2. Это не исключает возможности, в отдельных случаях, такой специфической национальной ситуации, при которой трудовое крестьянство сходит почти на нет. Это может быть в странах с гипертрофией индустрии за счет атрофии сельского хозяйства. Возможность в таких странах скинуть крестьянство с политических счетов, однако, будет только кажущейся. Ибо до тех пор, пока не разрешена проблема получения белковины лабораторным путем, и притом в любых количествах и дешево — до тех пор однобоко-индустриальное развитие единичных передовых государств будет требовать, как своего естественного дополнения, существования столь же однобоко-аграрных стран, являющихся «колониями» в экономическом смысле этого слова. Сбросив со сче-

тов вопрос об отношениях между индустриальным пролетариатом и трудовым крестьянством, между городом и деревней в **национальном** масштабе, мы неизбежно воскресим этот вопрос только в более обобщенном, интернациональном масштабе, в форме вопроса об индустриальной метрополии и аграрных колониях. В этой форме вопрос этот для социализма явится еще более трудным и сложным; и соответственная глава в теории социализма, глава о социализме и международном разделении труда, является еще менее разработанной, чем аграрная проблема в более узких национальных рамках.

В странах с прогрессирующей атрофией земледелия социализм может как будто безнаказанно ограничить себя избытыми традиционными путями однобоко-индустриального социализма; в таких странах он может довести эту линию даже *ad absurdum*, поставив себе задачей завоевания власти **против** крестьянства. И эта задача может быть разрешена. Но такое **ложное** разрешение проблемы скажется немедленно, как только социалистическая партия такой страны возьмется за разрешение колониальной проблемы; ее основная **крестьянофобия** заставит ее стать на деспотическо-опекунскую точку зрения и незаметно превратится в партию исповедующую уродливый и противоестественный **социалистический империализм**.

Третьей, эклектически-оппортунистской позицией в этом вопросе может быть позиция «нейтрализации» крестьянства. В основных жизненных своих вопросах ни один общественный коллектив нейтральным оставаться, разумеется, не может. Позиция нейтралитета мыслима лишь в вещах безразличных или в вопросах третьестепенной важности. Искусственная же «нейтрализация» трудового крестьянства должна быть причислена к разряду «политического колдовства», т. е. замены глубокой и серьезной **политики** хитроумным, но поверхностным **политиканством**.

3. Признание возможности некапиталистической эволюции трудового земледелия из индивидуалистических форм в формы коллективистические означает, что везде, где есть аграрное движение трудовых крестьян против крупных земельных собственников, социализм должен возглавить это движение со всею решительностью и предельной революционностью.

а) В области чисто **земельной** программу движения должно быть возможно большее приближение к новому режиму землепользования, основанному на трудовом праве.

Это предполагает изъятие земли из товарного оборота, расширение всех видов общественного (товарищеского, коммунального, государственного) владения землею, с поздней-

шим слиянием всех этих видов земельного коллективизма и поглощением их единым режимом **социализации** земли, т. е. признанием ее общим благом с равным общегражданским правом пользования ею при условии приложения собственного труда.

Регулирование трудового уравнительного землепользования должно быть построено **снизу вверх**, на началах децентрализации и самоуправления. С этой точки зрения социализация земли представляется ничем иным, как решительным шагом на пути превращения демократического строя в деревне из односторонне-политической и административно-правовой демократии в демократию хозяйственную. Расширение правомочий демократически самоуправляющегося коллектива на заведывание земельным обеспечением трудовых деревенских хозяйств есть первая ступень к созданию действительной, полноправной, одновременно юридической и хозяйственной — т. е. **интегральной** демократии в деревне.

б) От социализации земли, т. е. от водворения полного демократизма в заведывании земельными ресурсами страны, надо строго отличать **социализацию земледелия**. Это две различных, но параллельных и друг другу содействующих процесса.

Социализация земледелия есть проблема, разрешимая лишь для партии, вооруженной глубоко продуманной социалистической теорией кооперации, и в особенности сельскохозяйственной кооперации.

Это означает превзойдение ограниченной **либеральной** теории кооперации, по которой кооперация противостоит социализму, как его соперница, и имеет твердо-очерченные границы, за которые не должна переходить; эти границы и должны быть зачарованным волшебным кругом, обведенным вокруг абсолютного индивидуализма сельского собственника хозяина, «мелкого мещанина земледелия».

Социалистическая теория кооперации так же далека от этой либеральной теории, как и от противоположной ей большевицкой социалистическо-кооперативной утопии, перескакивающей через весь процесс кооперативной эволюции к полной «сельско-хозяйственной коммуне».

Социалистическая теория кооперативной эволюции исходным пунктом имеет не непосредственную производительную кооперацию, а кооперацию **производителей**, объединение их в сфере, так сказать, «внешней политики» сельского хозяйства, в сфере закупок и сбыта. Кооперирование крестьянского хозяйства, начинаясь, таким образом, с его периферии, лишь по мере полноты ее охвата все более и более проникает в самую глубь этого хозяйства, как такового; лишь реальные потребности кооперативного сбыта приводят к

естественной регламентации качества производимых продуктов, а, стало быть, и к регулированию его производственной техники; с другой же стороны, только кооперативное приобретение орудий и машин, применение которых превышает ресурсы одиночного трудового хозяйства, дает техническую основу дальнейшей коллективизации трудовых процессов. Социализм в земледелии — лишь **предельное** развитие и завершение этой **органической** эволюции.

Переход государственной власти в руки социалистической партии может лишь **ускорить** эту эволюцию, всячески содействуя ей, но не **заменить** ее путем декретной опеки социалистического Демидурга - города над пассивной «материей» деревней.

Как в городе полнота политического руководства пролетарским движением может принадлежать лишь той социалистической идеологии, которая в то же время сумеет быть идеологией **профессионального** движения рабочих, так в деревне полнота политического руководства крестьянским движением невозможна без одновременного идейного руководства кооперативным движением деревни.

4. Всем сказанным уже очерчена в своих идейно-теоретических основах и аграрная программа российской партии социалистов-революционеров.

Доставшееся с 1917 г. в руки нашей партии, вследствие ее кровной связи с мощным революционным аграрным движением, министерство земледелия вырабатывало новый основной земельный закон, превращавший всю сельско-хоз. территорию страны в организованную систему уравнительного трудового землепользования.

В основу этой системы было положено исчисление сельско-хозяйственного дохода страны, нормальной доходной квоты на душу населения, рационального районирования страны и определения для каждого района и для разных систем хозяйства величины нормального земельного обеспечения крестьянского «двора», т. е. сельского хозяйства. Эти нормы, во первых, имели руководящее значение при раздроблении помещичьих латифундий. В получении участков каждого района устанавливалась система очередей, имевшая целью довести до минимума ломку наличных хозяйств и до максимума — хозяйственное освоение экспроприированной территории новыми хозяевами. На второй очереди стояли меры по расселению и переселению из мест земельной тесноты в места земельного простора и обширная система государственных мелиораций, увеличивающая емкость сел.-хоз. территории до возможности поглотить все количество желающих устроиться на земле из избыточного городского населения. С другой стороны, фактическое трудовое землеполь-

зование, поскольку в нем наблюдались отступления от нормы вниз или вверх, приводилось «к одному знаменателю» путем усиленного обложения сверх-нормных излишков, и поступления полученных таким путем сумм в фонд для землеустройства имеющих ниже нормы.

В связи с целой системой мер поднятия сел. хоз. техники создавалась, таким образом, подвижная система самоподдерживающегося равновесия в трудовом уравнительном аграрном строе, органически эволюционирующем, на базе социализации земли, путем кооперирования, от индивидуализма к все большему коллективизму.

Эта программа, единодушно принятая съездами советов крестьянских депутатов, доставила нашей партии блестящую победу на выборах в Учредительное Собрание, которые дали спискам русской партии с. р. 16,5 милл. голосов, с.-р. спискам других национальностей 4,4 милл. гол. итого 20,9 милл. гол. из общей суммы поданных по 54 округам $36\frac{1}{4}$ милл. гол., т. е. абсолютное большинство в 58% всех поданных голосов.

Этим же объясняется и тот факт, что большевики после октябрьского переворота должны были немедленно заявить, что аграрную программу социалистов-революционеров делают своею правительственною программой — обещание, частью оставшееся на бумаге, частью же воплощенное в жизнь в совершенно изуродованных формах.

Виктор Чернов.

Социализм и крестьянство.

Анкета — еще незаконченная — по вопросу о социализме и крестьянстве, напечатанная в этой книжке нашего журнала, любопытное знамение времени.

Давно ли этот вопрос считался важным и значительным лишь для социалистических партий земледельческой Восточной Европы, — теперь и социалисты индустриального Запада властными требованиями социально-политической действительности вплотную к нему подводятся. И перед ними также, вопреки самым научнейшим предвидениям догматиков марксистской ортодоксии, он встает во весь рост, как первостепенная жизненная проблема движения, как проблема, от удачного разрешения которой зависит, в большой мере, все его будущее. И что не менее замечательно — это вынуждены признать и признают даже наиболее непримиримые и упорные хранители старых догм. Жизнь оказалась сильнее столь прочно укрепившихся на Западе традиций чисто индустриального социализма, однобокий характер которого определялся, как фактом его зарождения в недрах городского пролетариата, так и тем, что он особенно сильно развивался и рос в передовых промышленных странах.

Марксистская теория, строившая социализм на исключительно пролетарском базисе, долго соответствовала поэтому фактическому положению, которому она давала обостренное обобщение, в чем, несомненно, была ее сила.

Она, правда, наталкивалась на противоречие, создавшееся наличием крестьянских масс, служивших как бы средостением между обоими полюсами социального мира — буржуазией и пролетариатом, масс, которым нельзя было объявлять войну, как крупному капиталу, и без которых одно промышленное население составляло почти везде меньшинство. Но это противоречие разрешалось легко и просто догматическим провозглашением крестьянского класса, пережитком отжившего способа производства, неминуемо обреченным на исчез-

новение в процессе растущего капиталистического развития. Крестьянство, по этой теории, должно было размалываться жерновами капитализма, пролетаризоваться и, пополняя ряды пролетариата, увеличивать его численную силу, превращая его в большинство и само исчезая со сцены. Таким образом, значение крестьянства, как силы, которую нужно было бы так или иначе учесть в плане борьбы за социализм, сводилось по существу на нет. Как пережитку прошлого, поступательное развитие общества, согласно пророчествам марксистов, уготовляло ему могилу еще до наступления «последнего боя» между капиталом и трудом. Оно, следовательно, сбрасывалось со счетов.

К. Каутский, кстати, напоминает теперь, что «мы предполагали почти все, Маркс и Энгельс равно, как их ученики», что крестьянин находится накануне гибели» (К. Каутский. «Пролетарская революция и ее программа», стр. 35).

Еще в 1894 году в резолюции по аграрному вопросу франкфуртского партийтага германской социалдемократии провозглашалось: «мелкое крестьянство приходит в упадок... крестьянство пролетаризуется...» В первой аграрной программе французской рабочей партии также утверждалось, что «это состояние, характеризующееся парцельной собственностью, неминуемо осуждено на гибель». Сам Энгельс в своей критике на эту программу выразился еще категоричнее: «Наш мелкий крестьянин, как и всякий пережиток отжившего способа производства, неминуемо идет к гибели. Он — будущий пролетарий». Эта же мысль являлась одною из основных предпосылок знаменитой Эрфуртской программы, составленной Каутским и послужившей моделью для большинства марксистских программ. «Маркс, говорит в вводной к анкете статье Вандервельде (вернее было-бы — марксизм — сам Маркс не был столь категоричен), не представлял прихода крестьян к социализму иначе, как после их пролетаризации». Такие «оптимистические» для крестьянства звучащие погребальным звоном предвидения основались не столько на изучении действительных процессов, происходивших в жизни, сколько на методе аналогии. Предполагалось, что капиталистическая эволюция захватит и сельское хозяйство, как она захватила городскую промышленность, и будет совершаться в нем в том же направлении, путем растущей концентрации собственности и производства и уничтожения мелких производителей, раздавливаемых колесницей победоносного крупного капитала. По этой схеме развитие капитализма механически подготавливало социализацию в деревне, как и в городе, обобществляя сельское хозяйство сверху. Аграрная проблема разрешалась таким образом в обоих смыслах — политическом и экономическом — весьма благополучно, примиряя

теорию пролетарской изолированности и стихийного подготавливающего обобществление процесса с наличием крестьянских масс и мелкого земледельческого производства. Вера в капиталистическую эволюцию земледелия, приводящую к тем же результатам, что и в индустрии, составляла краеугольный камень аграрных воззрений ортодоксального марксизма. Ею и определялось все его отношение к крестьянству. Поэтому-то в России, почти сплошь земледельческой стране, вопрос этот стоял в центре так долго тянувшегося спора между социалистами народниками, отстаивавшими противоположную точку зрения, и марксистами, которые со страстным упорством защищали свою догму «фабричного котла». Жизнь окончательно и бесповоротно разрешила этот спор в пользу русского социалистического народничества **и не только в России, но и на Западе.**

Вопреки марксистским пророчествам, крестьянство нигде не пролетаризовалось, — смертный приговор, вынесенный ему марксизмом, история кассировала. Крестьянский класс обнаружил, наоборот, громадную социальную устойчивость. Даже в передовых капиталистических странах, где мощь капитала так огромна, крестьянство не только сохранило свои позиции, но и завоевало новые, расширяя свою земельную площадь за счет крупного землевладения. В развитии сельского хозяйства проявились, как это и утверждали русские народники, иные законы, отличные от тех, которые регулируют капиталистическое развитие городской промышленности, и метод аналогии в применении к нему оказался несостоятельным. А на ряду с этим аграрные революции, прокатившиеся по Востоку Европы, привели в этой части европейского континента к полной ликвидации или громадному сокращению крупных земельных владений, перешедших в руки крестьянства, превратившегося в могучую социальную силу. «Со взглядом, по которому единственным путем эволюции крестьянства признавался путь его пролетаризации, пора покончить», пишет В. Чернов в своем ответе на анкету. С этим взглядом, в сущности, уже покончено и покончено основательно. Даже те, которые потратили наибольшее количество усилий для его теоретического обоснования, вынуждены теперь перед лицом неотразимых фактов признать свою ошибку.

«В этом пункте, пишет К. Каутский, со времени составления эрфуртской программы положение изменилось»... **«В этом пункте** одна из исходных ее предпосылок изменилась»... «поглощение крупным землевладельцем уже не угрожает крестьянину»... **в земледелии о гибели мелкого производства говорить не приходится**» («Пролетарская революция и ее программа», стр. 35).

И никто иной, как Отто Бауэр, нынешний столп «революционного марксизма», говоря о прежней вере марксистов в то, что свободная конкуренция неминуемо ведет к исчезновению мелкого хозяйства перед лицом крупного, вооруженного всеми завоеваниями современной техники и науки, презрительно называет ее теперь «либеральной иллюзией».

А столп русского меньшевизма, Ф. Дан, принадлежащий к тому течению русского социализма, которое с усердием, достойным лучшего применения, эту «либеральную иллюзию» распространяло и ожесточенно ломало копыя в ее защиту против «эс-эровских утопистов» находит, что О. Бауэр «правильно» так ее называет.

Больше того, тот же Дан без труда признает теперь, что «крестьянину удастся задача социального самосохранения в качестве силы, держащей в своих руках одно из важнейших звеньев в общей цепи народнохозяйственных связей». Что марксизм «all wrong» (совершенно ошибся), в этом пункте — признают теперь и все без исключения марксисты.

Крушение теории предвещавшей социальную смерть крестьянству, в связи с резко изменившимся после войны политическим положением в Европе и является основной причиной, обуславливающей огромное значение для социализма вопроса об его отношении к крестьянству.

Раз изменились теоретические предпосылки, то необходимо отменить и практические выводы. Раз крестьянство не вываривается в «фабричном котле», не пролетаризуется, то социализм, оставаясь в своем пролетарском splendid isolation (блестящей изоляции), не может уже рассчитывать на завоевание большинства.

О. Бауэр так прямо и говорит в применении к Австрии в своей недавней статье в «Kampf»: «дальнейшей индустриализации Австрии, **способный сделать большинством населения одних только промышленных рабочих и служащих, ожидать не приходится**».

Но помимо того, самый факт существования крестьянства, как устойчивой социальной категории, с важнейшими экономическими функциями определяет и значительность его роли в борьбе между капиталом и трудом. Социализм не может более его игнорировать, ибо он освободился уже из под власти «либеральной иллюзии» о неминуемом исчезновении мелкого хозяйства перед лицом крупного. Крестьянство нельзя более безнаказанно сбрасывать со счетов или так сказать выкидывать из игры, ибо оно отнюдь не обречено на гибель. С ним надо поэтому весьма считаться, «если желательно достичь осязательных и длительных результатов», как правильно замечает в своем ответе вождь французского

синдикализма Л. Жуо. «Или крестьяне будут с нами или они будут против нас», столь же правильно утверждает Жуо. Но если они «будут с нами», то шансы социализма огромно поднимаются, а если «против нас», то позиции борющихся против социализма сил в такой же мере усилятся. Вопрос ясен и сомнений здесь быть не может. Пример России, на который ссылается также и Жуо, наглядно показал, что против крестьянства, вопреки его воле, серьезное социальное преобразование невозможно и никакая диктатура не в состоянии сломить силы его сопротивления. И тем не менее, характерное явление, под напором крестьянской стихии, русские большевики не только отступают со своих позиций, но вынужденные менять свою позицию, радикально меняют в связи с этим и свои теоретические воззрения на крестьянство, прибегая к широким «заимствованиям» у эс-эровской идеологии. Теперь оно для них — для теоретиков большинства, возглавляемых Бухариным — уже не мелко-буржуазная стихия, враждебная социализму, а возможный, необходимый союзник в деле социалистического строительства. Большевики основательно усваивают теперь и эсэровскую теорию трудового крестьянства («середняк»). Они даже дошли, опять таки по стопам эс-эров, до отвержения священнейшего догмата ленинской скрижали заветов о дифференциации в крестьянстве (усиление крайних флангов — бедняков и кулаков за счет ослабления середняцких элементов), на котором, в противовес народничеству, строилась вся аграрная политика марксизма в России.

И вопрос здесь не только в том, что один пролетариат не может дать большинства социализму, а в социальном удельном весе и экономическом значении тружеников земли. Даже в такой стране, как Англия с преобладающим индустриальным населением, социалистам для прочного овладения властью необходима поддержка крестьян.

Нозль Бэкстон, бывший министр земледелия в кабинете Макдональда, в своем ответе со всей категоричностью заявляет: — «желательно привлечь трудящихся крестьян в социалистическую партию, без их сотрудничества мы не можем завоевать действительной власти».

Вопрос о социализме и крестьянстве в сущности своей, под давлением требований жизни и в связи с исчезновением «либеральной иллюзии», вырисовывается в своем политическом разрезе весьма отчетливо: социализм почти нигде не может завоевать большинства, опираясь лишь на один пролетариат, — социалистам нельзя рассчитывать на одержание решительной победы над капиталистической буржуазией без помощи крестьянства. «Социализм не будет осуществлен без крестьян и против них, а вместе с ними и для них», так, отра-

жая господствующее среди социалистов настроение, заявил председатель аграрной комиссии Марсельского Конгресса марксист Компер-Морель.

Отсюда логически и практически вытекает для социализма необходимость расширения своего базиса, путем привлечения в свои ряды крестьянства и завоевания прочных позиций в деревне. Эта необходимость становится для социализма особенно повелительной именно теперь в повоенный период. После войн и революций, изменивших лицо Европы, вызвавших распространение демократии и огромное численное усиление партий организованного труда, завоевание власти социалистами уже не отодвигается в туманную даль грядущего, как раньше, а ставится, как непосредственная задача сегодняшнего дня. И она ставится как такая задача еще и потому, что господствующая буржуазия, скованная своим классовым эгоизмом и традициями прошлого, оказывается бесильной разрешить сложнейшие проблемы современности, вызывая тем кризисы и растравливая еще незалеченные, нанесенные войной раны. Все это, с одной стороны, поднимает шансы социализма, но, с другой, требует от него во имя жизненных интересов трудовых масс и всего общества скорейшего выступления в роли правящей силы. Но именно поэтому становится для него столь важным привлечение на свою сторону крестьянского населения. И более важным, чем выше его мощь и чем ближе он к цели. В Австрии, например, где социалдемократия является самой могущественной партией страны, ей не хватает всего 15 мандатов, чтобы иметь большинство в парламенте. Между тем, резервы свои в промышленном населении она уже исчерпала. Но «мы должны стать большинством, чтобы провести наши требования и осуществить наши цели», пишет Бауэр. А поэтому... «поэтому важнейшей задачей партии становится приобретение промышленными рабочими и служащими союзников, **совместно с которыми** они только и смогут положить конец господству буржуазии над республикой». Союзников пролетариату для одоления общими усилиями буржуазного владычества. Вполне естественно поэтому, что все социалистические лидеры, независимо от направлений, приславшие свои ответы на анкету, высказываются за широкое привлечение крестьян в ряды социализма, рассматривая его, как необходимое условие успеха и победы социалистического движения. Это и есть измененный практический выход, вытекающий от изменения теоретической предпосылки.

В этом духе высказывается и Вандервельд в вводной статье. Он придает огромное значение завоеванию социализмом крестьян: от этого по его мнению, зависит более быстрое пришествие суверенитета труда. Считаясь с инди-

видуалистической психологией западного крестьянства, Вандервельде полагает, что проблема его вовлечения в социалистическое русло — «нужного и желательного» — сводится к нахождению таких программных формул, которые могли бы «согласовать его привязанность к частной собственности над куском земли, орудием труда, с сознательным присоединением к социализации капиталистической собственности, инструмента эксплуатации». Возможно ли это? Не предрешая ответа, ибо не в том была поставленная им себе задача, автор призывает социалистов в каждой стране, заняться объективным изучением этой «существеннейшей проблемы».

Один лишь Ф. Дан обнаруживает героическое упорство в своем идейном консерватизме. Вынужденный признать изменение предпосылки, он все же отказывается сделать этот прямой вывод. Крестьянство не пролетаризуется, но все же социализм, как и в те времена, когда он разделял «либеральную иллюзию», должен сохранить, хотя и не имея более для этого оправдания, в своей концепции социального развития — чисто пролетарский базис. Чтобы устранить это логическое противоречие, лишаящее его аргументацию всякой убедительности, Ф. Дан и придумывает «остроумную» теорию нейтрализации крестьян. Победить против крестьянства невозможно, но если оно сохранит нейтралитет — тогда вопрос улажен.

Такая до смешного несерьезная позиция никем, за исключением вождя русского меньшевизма, в современном социализме не защищается. И даже революционнейший из марксистов Отто Бауэр, на которого чуть ли не молится Ф. Дан, говорит отнюдь не о нейтралитете и даже не о поддержке, а о приобретении в лице крестьянства **союзников, совместно с которыми** пролетариат мог бы положить конец господству буржуазии. Это, как видим, совсем не одно и то же, а нечто весьма приближающееся к эсэровской политике союза пролетариата и крестьянства, превращающей, по мнению Дана, «социализм в абстракцию и сентиментальную утопию».

Если социализм, спустившийся с догматических высот на реальную землю, поворачивается «лицом к деревне», то понятно, что в этом повороте сказывается также и изменение раньше господствовавшей в нем оценки социальной природы крестьянского класса.

Рассматривать по прежнему крестьянство, как часть буржуазии, и рассчитывать на преодоление совместными с ним усилиями капиталистического владычества было бы полным логическим абсурдом. Здесь мы подходим ко второму

из основных вопросов в споре народничества с марксизмом. Различное отношение к нему, как известно, не только служило водоразделом между обоими течениями, но определяло их различную оценку самого содержания русской революции. Для первого она была народно-трудовой, в силу ее преобладающего аграрного характера, для второго — буржуазно-демократической, как раз по этой же причине. Отсюда вытекали главнейшие программные и тактические разногласия. И в этом вопросе русское социалистическое народничество регистрирует полную победу.

Сентиментальные, утопические, по элегантному выражению Дана, эсэровские взгляды на крестьянство, как на трудовой класс, живущий своим трудом и социально родственный пролетариату, полностью почти вытеснили догму ортодоксального марксизма. С этим доктринерским предрассудком тоже уже покончено. Когда то эсэровским сентиментализмом страдали на Западе преимущественно французские социалисты. «Крупная и мелкая земельная собственность, утверждал Жорэс, отличаются одна от другой не только размерами и степенью, но и самой своей природой, одна является формой капитала, другая — формой труда». То же самое и не менее энергично доказывали и французские марксисты, во главе с Гэдом. Эта точка зрения является теперь господствующей во всем европейском социализме, она очень рельефно выражена и в вводной статье Вандервельде и в других ответах на анкету. Даже Каутский, продолжая, правда, скептически относиться к возможности завоевания социализмом крестьянства, исходя из условной германской действительности, относит уже, однако, крестьян не к эксплуататорам, а к категории трудящихся, являющихся собственниками применяемых ими средств производства, но так же, как и пролетариат, **живущих доходом от собственного труда** и тоже страдающих от капиталистического развития».

Даже «трезвый» Ф. Дан, сам повидимому того не замечая, заразился столь высмеянной им эсэровской сентиментальностью и в последней статье своей в «Социалистическом Вестнике», впадая в противоречие с самим собою, повторяет дословно народническую «ересь»: «Крестьянство — класс не эксплуататорский, а **трудящийся**, хотя и трудящийся — в отличие от пролетариата — на основе единоличного владения средствами производства... Крестьянская масса не принадлежит к «эксплуататорам». А сколько полемики нагромождали в свое время марксисты против народников, чтобы доказать обратное тому, что утверждает сейчас Дан.

Социализм поворачивается лицом к крестьянству не только исходя из теоретического сознания необходимости союза с ним. Дело в том, что само крестьянство в ряде стран начинает оборачиваться лицом к социализму, обнаруживая серьезную к нему тягу.

На Западе многие социалистические партии собирают на выборах большое число голосов в деревне и насчитывают уже не мало членов крестьян в своих организациях. Это явление, наблюдавшееся еще до войны, теперь приняло весьма серьезные размеры. К сожалению, статистических данных для его точного учета не существует, но, например, в аграрной комиссии Марсельского Конгресса почти все выступавшие ораторы говорили о его значительности и росте и приводили для своих стран весьма внушительные цифры.

На Востоке Европы оно проявилось в других формах, но еще более ярких и импозантных. Там громадные миллионные массы крестьян участвовали в революциях, возглавляемых социалистами, выступали под красными социалистическими знаменами, шли нога в ногу с пролетариатом не только против помещиков, но и против объединившейся с последними буржуазии.

Нет сомнения, что роль крестьянства в восточно-европейских революциях оказала сильнейшее влияние на западных социалистов в смысле изменения их прежних позиций в крестьянском вопросе. Макдональд, по свидетельству Вандервельде, воскликнул «Marx all wrong» (Маркс ошибся), увидев социалистическую крестьянскую манифестацию в Грузии. Но что бы он сказал, побывав во время революции в России, где крестьянскими советами точно так же, как и рабочими, везде руководили социалисты, а буржуазные партии даже не осмеливались думать о проникновении в них, где крестьянство сплошной массой голосовало за партию социалистов-революционеров, требовавшую уничтожения частной собственности не только на помещичью, но и на крестьянскую землю, где еще до выборов тысячи и тысячи приговоров, в этом же духе, составлялись самыми крестьянами на сельских и волостных сходах, уездных и губернских съездах.

Различны формы тяготения крестьянства к социализму на Западе и на Востоке, но различны также и причины, его вызывающие.

В Западных странах крестьяне, как правильно указывает Вандервельде, страдают от паразитов посредников, «чувствуют на себе тяжесть невидимую, далекую, но давящую — господства крупного капитала»... Они очень хорошо понимают, когда им говорят о социализации транспорта, рудников, крупной промышленности, перерабатывающей промышленности... Они поэтому «чувствуют себя солидарными с

другими трудящимися против капитализма». Эта причина существовала, однако, и до войны. Но если крестьянство сильнее на нее теперь реагирует и в более широких размерах проявляет свою солидарность с другими трудящимися против капитализма, то в этом сказывается общее изменение политической и социальной обстановки в послевоенной Европе. В сельском хозяйстве нет капиталистической эволюции, но крупный капитал давно уже «невидимо, но тяжело давит деревню». Однако, после войны, в виду утери бывшего экономического равновесия, давление это стало более грубым, более видимым и возмущающим. С другой стороны, капитализм становится реакционным и силы, его поддерживающие, неудержимо правят. Между тем, «крестьяне, пишет Вандервельде, глубоко демократы, пацифисты и антимиитаристы». Но все дело в том, что капиталистическая буржуазия, за которой раньше шло крестьянство, теперь совсем перестает быть силой демократии и уже, конечно, не в ней можно видеть силу, работающую на пользу мира. Факт тот, что эта буржуазия все больше отходит от демократии, начинающей при изменившемся положении угрожать ее привилегиям и ее командующей политической роли. Она переходит в оппозицию к ней, а кое где вступает с ней и в открытую борьбу во имя своего классового эгоизма, в то время, как крестьянство все крепче привязывается к демократии и сильнее проникается идеями равенства. Нам уже приходилось писать в другом месте*), что послевоенная политика господствующего крупного капиталистического класса вырывает пронасть, все более расширяющуюся, между нею и преобладающими крестьянскими слоями. Мы тут наблюдаем политическую эволюцию этих двух классов современного общества, совершающуюся в противоположных направлениях. Это обстоятельство огромной важности, еще недостаточно оцененное, несомненно чревато большими последствиями для всего социального будущего Европы. Социализм становится все определеннее вдохновителем и направляющей силой демократии, а буржуазия быстро изживает свою былую прогрессивную роль. И вполне естественно предполагать, что он может превратиться в водителя глубоко демократических по своей природе крестьянских масс в борьбе за мир и укрепление свободы в борьбе против угнетающего и их господства крупного капитала, как в свое время буржуазный класс был их вождем в борьбе против помещичьего феодализма.

На Западе социалисты начинают стремиться к тому, чтобы повести за собой крестьянство, — на Востоке крестьянство уже шло за социалистами в революциях, разрушивших

*) См. Е. Сталинский. «Пути революции».

все основы старого строя. В силу сложившихся исторических обстоятельств одни только социалисты вели в большей части восточной Европы революционную борьбу против этого строя, державшегося на порабощении крестьянства. И вместе с тем социальный размах революций, отбросив в лагерь контр-революции имущие классы, определил в них возглавляющую и руководящую роль социалистов. Этим, помимо ряда других причин, в особенности в России, создалась революционная связь между социализмом и крестьянством: социалисты стояли во главе революций, которые разбивали оковы крестьян и несли им социальное освобождение. Разительный пример тому дала Россия, но, быть может, еще более разительный — Грузия, где крестьянство, не прошедшее через долгую школу общины, еще при царизме на выборах голосовало *en masses* за марксистскую, по идеологии своей пролетарскую социал-демократию, а после падения самодержавия и вплоть до нашествия большевиков неуклонно шло за этой партией или, вернее, выносило ее на своих плечах.

Секрет этого парадоксального на первый взгляд явления, конечно, не в том, что земледельцы Кахетии или Мингрелии, вопреки, так сказать, своей природе, оказались более восприимчивыми для идей марксизма, чем, например, пролетариат величайшей промышленной страны Англии.

Если произвести соответствующее исследование во всей Восточной Европе, то можно будет, вероятно, с точностью установить, что чем крупнее и решительнее была роль социалистов в освободительных движениях и в самой революции, тем сильнее его связи с крестьянством и наоборот.

В восточных революциях получила новое подтверждение та истина, что крестьянство не является во всех странах одинаковой исторической категорией, и что его политическая роль определяется в огромной мере условиями его борьбы за освобождение, и тем в союзе с какими классами и под идейным руководством каких сил велась им эта борьба...

На Западе и на Востоке крестьяне приходят под знамена социализма разными путями. Но и там и здесь нельзя, конечно, видеть в этом результата их сознательного присоединения к программе-максимум социализма. Крестьянство идет или начинает идти за социалистами во имя своих непосредственных интересов, в массе своей оно еще не социалистично. Это чрезвычайно важное обстоятельство нельзя никогда упускать из виду, — им собственно и определяется вся сложность проблемы.

Правда, поскольку крестьянство борется совместно или

под руководством социалистов будь то в мирной форме на почве демократии или в «бранном пламени» революций, оно неизбежно подвергается их непосредственному идейному влиянию, проникается идеями социальной справедливости, связывает с ними свои непосредственные требования. Все это не может не влиять на его сознание в смысле постепенного внедрения в него оформленных элементов передового мирозерцания и подготавливающего тем самым его приближение к тому более отчетливому и интенсивному пониманию социализма, о котором говорит Вандервельде.

Правда и то, что ведь теперь не приходится еще говорить о немедленном и полном осуществлении максимальной социалистической программы. Речь идет о переходных мерах, могущих ускорить эволюцию общества к коллективистическому строю, но диктуемых раньше всего реальными сегодняшними интересами труда и социального прогресса. Социалисты могут рассчитывать привлечь крестьянство — трудящийся класс, также страдающий от эксплуатации капитала — к борьбе за эти меры, до окончательного усвоения им социализма.

Но каждый этап на длинном пути, ведущий к постепенной практической реализации идеала, неуклонно определяет следующий более высший этап. И можно, не впадая в утопизм, предположить, что по-скольку социализму удастся вовлечь крестьянство в русло своей борьбы за переходные меры, оно, связавшись с этой борьбой, будет следовать за ним и дальше и через этапы движения приближаться этапами к усвоению самого социалистического идеала.

Но само собою разумеется, что этим еще не разрешается окончательно выдвигаемая Вандервельде проблема об интенсификации понимания крестьянами социализма. Она гораздо шире и выходит за пределы политики, выступая уже в разрезе социальном. Она ставит перед необходимостью создания в самом сельском хозяйстве, в формах экономической деятельности крестьянина, соответствующих благоприятных условий. И она, наконец, подводит вплотную к коренному вопросу о путях социализма в земледелии.

Как мы знаем проблема прихода крестьянского населения к социализму по старой марксистской теории разрешалась через его неизбежную пролетаризацию, а проблема социализации земледелия — через его обобществление сверху развитием капитализма. Этим намечались две стороны одного и того же процесса, которые органически были между собою связаны. Но самого процесса не оказалось на лицо. Капита-

листической эволюции в сельском хозяйстве не произошло. И если в виду этого крестьянство не подверглось пролетаризации и перед социализмом встает вопрос о способах завоевания **крестьян-собственников**, то не осуществилось и обобществление сверху мелкого крестьянского хозяйства и, следовательно, приходится искать иных путей внедрения земледельческого производства в коллективистический строй будущего. Обе эти проблемы по прежнему тесно между собою связаны.

Мелкое крестьянское хозяйство устояло, оно существует и проявляет тенденцию к расширению. Между тем, полное осуществление социализма нельзя мыслить в виде социализации собственности и производства только в промышленности, при сохранении индивидуалистических форм владения и труда в сельском хозяйстве. Это был бы хромой социализм, лишенный способности двигаться вперед и разьедаемый недугом глубокого внутреннего противоречия.

Большевики, верившие в чудодейственное свойство насилия, как орудия социального творчества, пытались в громадной земледельческой России разрешить вопрос мечом — путем мер насильственной коллективизации земледелия. Незачем напоминать, в какой страшной для городского населения и для всей экономики страны форме реагировало крестьянство на эту попытку и чем она кончилась: большевицкой диктатуре, чтобы спасти свое существование пришлось с треском ликвидировать и похоронить свою иллюзию.

Пример России наглядно показал, что если крупный капитал не обобществляет сверху земледелия, то бессильна будет социализировать его сверху, вопреки воле крестьян, и социалистическая революция.

Обобществление сверху невозможно ни через капитализм, ни через социализм, но вместе с тем социализация земледелия является важнейшей задачей социалистического строительства. В чем же выход для социализма из этого положения? И как найти его, сохраняя прежние марксистские взгляды об индивидуалистическом черепе крестьянина и отрицания возможности всякой иной эволюции в сельском хозяйстве, кроме капиталистического?

Ф. Дан — «последний могикан» твердо каменной ортодоксии, не желающий делать «уступок эс-эрам» — уверял, что нашел его и спас догму. Его «открытие» сводится к следующему: крестьянин до «победы пролетарского социализма» остается по прежнему индивидуалистом-собственником с обособленным хозяйствованием, но после победы «в новой социальной обстановке с точки зрения самих мелких хозяев становится все более выгодным, все более привлекательным переход от обособленного хозяйствования ко всевозможным

видам товарищеской кооперации и через нее — к равноправному участию в свободной ассоциации социализированного труда».

Увы, это даже не ново — это простое заимствование у покойного Жюль Гэда, который в свое время именно так разрешал вопрос о социализме и крестьянстве, полагая, что социальная революция дело ближайшего времени и что в социалистический строй неизбежно поэтому войдут **нынешние**, не успевшие еще подвергнуться эволюционным процессам миллионы мелких хозяев крестьян. Такое разрешение вопроса у Гэда, исповедывавшего теорию катастрофической революции, стояло в прямой связи с ожиданием близкого революционного взрыва, уничтожающего сразу и без остатка все основы капиталистического строя. Когда Гэд развивал эту точку зрения, уже ослаблявшую утверждение о неискоренимой буржуазной сущности крестьянина, предположением о его способности хотя бы после победы пролетариата понять выгоды социализированного труда и против которой, между прочим, резко выступил Ф. Энгельс, русские марксисты и не думали присоединяться к ней. Они просто ее замалчивали, упорно цепляясь за свой «фабричный котел», в котором должно было вывариться крестьянство. Только «вываренному крестьянину», дезинфицированному от микробов индивидуализма парами фабрики и превращенному в чистокровного пролетария, марксизм соглашался выдать билет на вход в царство социализма.

Когда от «фабричного котла» остались одни осколки, ортодоксальный марксист Ф. Дан благополучно возвращается в крестьянском вопросе к Жюлю Гэду. Для его теоретического самолюбия это, конечно, менее тяжелая жертва, чем идти на «уступки эсэрству».

Стоит ли говорить о том, что и обновленная Даном старая теория гэдизма отнюдь не открывает для социализма выхода из положения, создающегося отсутствием капиталистической эволюции в сельском хозяйстве. Она построена на голой вере в то, что крестьянство, не пройдя через подготовительные стадии в условиях самого своего хозяйствования все же добровольно войдет в свободную ассоциацию социализированного труда, созданную **не совместно с ним**, а без него усилиями одного пролетариата. И эта голая вера, противоречивая в своей основе — крестьянин, упрямый, индивидуалист до победы «пролетарского социализма», сознательный коллективист после этой победы — должна избавить социализм уже в настоящем, стремиться к созданию в земледелии более прогрессивных социальных форм.

Ф. Дан не решается делать и здесь прямого вывода из изменения предпосылки, ибо это приблизило бы его к той

самой «сентиментальной утопии» эсэров, против которой он так ополчается. Он старается софизмами вывернуться из противоречия, чтобы сохранить свой эсдековский реализм, так «блестяще оправданный жизнью.

Но логика тоже, ведь, имеет свои права.

Раз нет капиталистической эволюции в земледелии, то, естественно, выдвигается вопрос о возможности иной, некапиталистической эволюции.

Раз оно не обобществляется в авторитарных формах **сверху**, то уже нельзя столь категорически, как это раньше делали марксисты, отбрасывать теорию обобществления в автономных хозяйственных формах **снизу**.

Рассуждать иначе — значит признать, что крестьянство абсолютно неспособно ни на какую эволюцию. Но это логический *pop sens*. Одно из двух: или крестьянство пережиток прошлого и в таком случае оно обречено на гибель, или оно необходимый, жизнеспособный орган в нынешнем экономическом строе и тогда оно должно, как и все, связанное с настоящей жизнью, в том или ином направлении развиваться.

«Надо признать, пишет В. Чернов в своем ответе, что трудовое крестьянство есть **не пережиток, а жизненный элемент** современной экономики. Надо признать, что ему, как и всякому другому жизненному элементу, свойственен свой путь эволюции и прогрессивного развития». Первое положение, служащее предпосылкой к рассуждению В. Чернова, всеми теперь признается, в том числе и Ф. Даном, а поэтому неизбежно «надо признать» и выход. Но здесь мы подходим уже к самой границе «сентиментальной эс-эровской утопии».

Русское социалистическое народничество первое в международном социализме выдвинуло теорию некапиталистической эволюции в земледелии, совершающейся снизу, на почве прогрессивного развития самого крестьянского хозяйства в высшие формы. Оно первое указало на громадную важность для социализма содействовать такой эволюции, создавая благоприятные для нее политические, социальные и экономические условия.

Основываясь на этой теории и учитывая вместе с тем своеобразие и особенности российской аграрной действительности, партия социалистов-революционеров сформулировала свою программу **социализации земли**, как естественную базу для широкого развития, постепенно приобретающую, в силу своей внутренней логики, социалистический характер сельско-хозяйственной кооперации, приводящей к **социализации производства, то-есть земледелия**.

«Утопическая» и «авантюристическая» партия социалистов-революционеров, не разделявшая, подобно «реалистам» марксизма «либеральную иллюзию», намечала этот путь, как единственный «путь к социализму» в земледельческой крестьянской России. Теперь и большевики, занимающиеся систематическим плагиатом у эс-эров, заявляют, что «иного пути к социализму» в России нет. И они вынуждены были придти к этому выводу после того, как их попытки насильственной коллективизации крестьянства **сверху**, потерпели жестокое фиаско. Только тогда новейший теоретический глава русского большевизма Бухарин вспомнил, что многие из русских народников развивали довольно стройную теорию так называемого «некапиталистического развития крестьянского хозяйства» и, вспомнив, провозгласил в свою очередь, что в особенных условиях России крестьянство может быть приведено к социализму через кооперацию.

«При наличии у нас национализации земли мы через кооперацию приведем крестьянство к социализму», вещал тот же Бухарин еще прошлой весной.

Конечно, чтобы быть убедительным, ему надо было бы раньше доказать, что в условиях большевистского диктаторского строя возможно действительное развитие здоровой, свободной кооперации... На Западе, где аграрная действительность иная, чем в России, тоже однако, нет иного пути к социализму для деревни, как через кооперативное строительство. Оно — основная форма, в которой возможна некапиталистическая эволюция в сельском хозяйстве, одновременно способствующая внедрению в сознание крестьянина элементов коллективизма, подготавливая его к более интенсивному пониманию социализма.

Та двойная задача, которую должен был по схемам марксизма выполнить крупный капитал давлением сверху, обобществление производства и «переделка» крестьянской психологии может быть теперь возложена, главным образом, на кооперацию, развивающуюся снизу.

Вот почему вопрос о сельско-хозяйственной кооперации, как это видно, впрочем, и из ответов на анкету, приобретает первостепенное значение для социалистической политики в деревне.

На Западе не может быть речи о создании таких благоприятных предпосылок для некапиталистической эволюции в сельском хозяйстве, как социализация земли, там не приходится говорить даже о национализации **всей** земельной собственности, то-есть включая и крестьянскую. К такой реформе западное крестьянство не готово. Но этим, однако, не исключается и для социалистов Запада необходимость, в соот-

ветствии с местными условиями, закладывать, где только возможно в земледелии уже сейчас зачатки коллективизма.

Согласование привязанности крестьян к частной собственности над куском земли с их присоединением к социализации капиталистической собственности не должно ограничиваться одной лишь городской промышленностью. Его необходимо распространить и на земельную область, поскольку в ней самой существуют разные формы собственности. И в сельском хозяйстве есть что социализировать, не задевая собственнических интересов крестьянина, — и там имеются различные элементы, способные прогрессивно развиваться в высшие формы коллективизма.

Любопытный и знаменательный образец такого согласования представляет собой аграрная программа, принятая на последнем съезде марксистской австрийской социалдемократии.

Самыми основными ее пунктами, придающими ей «цвет и запах», являются требования социализации крупного лесовладения и крупного сельского хозяйства.

Все крупные частные леса — а лесное хозяйство имеет для Австрии огромное значение — должны быть обращены в собственность государства и использоваться не на капиталистических началах, а как социалистические леса общественного значения, с строго социализированным управлением.

Крупные сельско-хозяйственные имения, в свою очередь, подлежат экспроприации. Их отрезные земли передаются общинам. Общинам же и другие подходящие участки крупных имений, в местностях, где крестьянство недостаточно наделено землей. Наконец в их ведение переходят для сдачи в наследственную аренду местным арендаторским семьям те участки крупных имений, на которых не ведется крупного хозяйства. В остальных же частях имений должно вестись хозяйство на общественных началах.

Программа требует также энергичного поощрения всех видов производительных товариществ в сельском хозяйстве, с установлением прямой связи сельско-хозяйственных кооперативов сбыта с городскими потребительскими кооперативами «с перспективой при достаточно широком развитии передачи монополии на распоряжение сельско-хозяйственными продуктами под контролем государства.»

Правда, «наивысшего развития» крестьянских кооперативов программа ждет в будущем социалистическом обществе, но это не мешает ей и в настоящем требовать их «энергичного поощрения» и намечать для этого весьма смелые ме-

ры. Социализация крупного владения, социалистические леса, община и кооперация и при этом определенное стремление к расширению базиса путем привлечения в свои ряды крестьян — длинный ряд требований в защиту крестьянских интересов.

Тут есть, чем смутить суровых обличителей эсэровских «сентиментальных утопий». Но все дело в том, что всякая политика разрешения проблемы социализм и крестьянство неизбежно теперь к ним приводит. У «утопий» оказались довольно прочные жизненные корни. Ф. Дан — *noblesse oblige*, конечно, одобряет программу австрийских марксистов, но, вместе с тем, он буквально оголяет себя, силясь доказать, что в ней нет ни малейших уступок «эсэровским утопиям». Казалось бы, если нет, то незачем и говорить об этом. Но у автора явно беспокойно на сердце. «Классовые интересы пролетариата, пишет он, остаются верховным критерием требований, выдвигаемых эсдеками в защиту крестьянства.» Но это, конечно, простая игра словами. Утверждение Дана было бы верно, если бы программа в той или иной форме намечала различие классовых интересов пролетариата и крестьянства. Но она, наоборот, весьма убедительно доказывает их тождество, утверждая, что крестьянство есть трудящийся класс, эксплуатируемый капитализмом, что истинными защитниками его являются только социалисты и что полное освобождение может принести ему лишь победа социализма и сама программа продиктована — верховный критерий, не интересами пролетариата, отличного от интересов крестьянства, а высшим интересом социализма, в котором, согласно ее обоснованию заинтересованы оба класса. Таков же точно и верховный принцип эсэровской программы. И, конечно, австрийская социал-демократическая партия, выработала свою аграрную программу не для того, только, чтобы добиться нейтралитета крестьянства или его поддержки, а, как прямо говорит Бауэр, с целью привлечения его под знамена социализма, объединения его в возрастающей пропорции с социалистическим пролетариатом, дабы «совместными усилиями положить конец господству буржуазии над республикой.»

Ф. Дан одобряет австрийскую программу, но «доказав», что в ней нет ни грама эсэровства, все же кончает заявлением, что «русская социал-демократия не может просто перенести все конкретные положения ее в свою программу». И понятно, почему! Она радикально противоположна не только своими конкретными положениями, но по своему духу про-

тивоположна аграрной платформе, недавно выработанной русскими меньшевиками.

Австрийцы создают в сельском хозяйстве элементы социализма, социализируют крупные земельные владения, усиливают общину. Русские меньшевики в России, где вся земля уже принадлежит государству, стремятся, наоборот, создать частную земельную собственность на развалинах общественной, ослабить или, вернее, разрушить общину, а крупные хозяйства рекомендуют сдать в концессии иностранным капиталистам. Австрийцы хотят социализировать капиталистические и сельские хозяйства в Австрии, — меньшевики добиваются капитализации трудового сельского хозяйства в России.

Австрийская социал-демократия ставит ставку на «совместные усилия» с крестьянами для свержения господства буржуазии и приступа к социалистическому строительству. Для меньшевиков численное преобладание крестьянства в России определяет как раз «буржуазно-демократический характер» русской революции и они поэтому высказываются за восстановление капитализма, пригоняя к нему и свою аграрную программу. Чтобы оправдать это радикальное противоречие, весьма конфузное для русского меньшевизма и в конечном счете определяемое различной оценкой роли крестьянства, Ф. Дан прибегает к очередному выкрутасу и смело ставит «диалектику на голову». Оказывается, даже в ортодоксальной марксистской диктатуре впервые формулируется такой парадокс, оказывается, что западное крестьянство менее индивидуалистично, чем русское...

Крестьянская мелкая буржуазия (почему «мелкая буржуазия», если сам автор признает, что оно трудящийся класс и никого не эксплуатирует?), уверяет Дан, должна проделать длинный процесс, враждебно противопоставляющий ее крупному капиталу, чтобы почувствовать борьбу социализма, как свою собственную борьбу. Ну, а русское крестьянство, как известно, такого длинного процесса развития не проделало, а потому «здесь не было элементов для внедрения в индивидуалистический череп крестьянина коллективистических идей, а было, наоборот, все для развития мелкособственнической идеологии. Поэтому именно социальное содержание русской революции не могло быть иным, как **буржуазно демократическим**».

Выходит по этой «новейшей теории», что русское крестьянство, сохранившее свою общину, несмотря на напор самодержавия, шедшее в революции сплоченной массой за социалистами, требовавшее уничтожения всего нетрудового земельного владения и голосовавшее за **социализацию своей собственной земли**, менее способно послужить опорой со-

циализму, чем, например, германское крестьянство, проделавшее «длинный процесс», но продолжающее, однако, по свидетельству Каутского, идти за крупными помещиками. Выходит все по той же теории, что аграрная программа в духе австрийской встретила бы сопротивление со стороны мужицкой России, совершившей грандиозную трудовую аграрную революцию. Но в Австрии социал-демократия способна завоевать крестьян, большинство которых пока что еще поддерживает реакционные партии буржуазии.

Но, иначе, если не переворачивать логику вверх ногами, то ведь никакой «буржуазно-демократической революции» не получится... «Крестьянство, писал покойный Мартов в 1921 г., на странице того же самого «Соц. Вестника», где теперь пишет абсолютно противоположное Ф. Дан, автоматически выделяет из себя эс-эров. Это не только «химический» закон, но и очень благоприятное обстоятельство для русского пролетариата, ибо если в настоящий момент, когда русское крестьянство, подобно польскому или венгерскому, начнет выделять не эс-эров, не партию с социалистической программой, а консервативно-собственническую партию, то пересматривать отношения с ними уже будет поздно». По теории Дана, крестьянство России, «где не было элементов для внедрения в индивидуалистический череп крестьянина коллективистических идей» должно было бы, наоборот, выделять не партию с социалистической программой, а консервативно-собственническую партию. Почему на деле происходило иначе? Автор, к сожалению не объясняет. «Вся социальная ненависть его (русского крестьянина Е. С.) доказывает Дан, была направлена не в сторону крупного буржуа-капиталиста, а в сторону барина-помещика». Дан забудет лишь одну «мелкую» деталь, что крупный буржуа-капиталист был союзником барина-помещика в его борьбе против крестьянской революции, что русское крестьянство завоевало землю, борясь вместе с пролетариатом и под водительством социалистов против объединенных помещного дворянства и капиталистической буржуазии. Но эта «маленькая деталь» составляет, между прочим, основную отличительную черту русской революции, определяющую самый характер ее. Дан забывает, кстати, и то, что русское крестьянство добилось своего социального освобождения через разрушение до самых его основ всего старого строя, опорой которого было не только дворянство, но и крупная буржуазия.

Крестьянство не буржуазная категория, а класс трудящихся — такова сейчас общая точка зрения всего социалистического мира. Русское крестьянство в массе не состоит из сознательных социалистов и поэтому, независимо от соображений экономики — о немедленном создании социали-

стического строя в России не может быть и речи. Но оно прошло через горнило величайшей революции, социальной по своему характеру, проникнуто трудовой идеологией и живет на огосударственной земле, против этого не борясь, вот почему в России возможен не буржуазно-демократический, а трудовой строй, ставящий во главу угла не интересы капитала, а труда, и создающий предпосылки для эволюции общества к социализму. Русское крестьянство сохранило общину, проявило колоссальную, нигде в мире еще невиданную способность кооперативного строительства, оно ни исторически, ни психологически не связано с буржуазией — роль которой в России была ничтожна — и не оно, конечно, станет противиться социализации капиталистической собственности «инструменту эксплуатации», до чего западные крестьяне в массе своей не дошли. И тем самым для разрешения проблемы социализм и крестьянство, в России как бы ни боролся против очевидности Дан, имеются на лицо гораздо более благоприятные условия, чем на Западе. И в этом главный залог неизбежного мощного социального прогресса. Меншевики упорно не желают использовать то «благоприятное обстоятельство», о котором писал Мартов. Именно поэтому их политика — какими бы ни словесными формулами революционного марксизма она ни прикрывалась — иллюзорна и противоречива и **объективно идет** вразрез с интересами социализма в России. Именно поэтому у них, а не у эсэров, он превращается в абстракцию и лишен всякого реального содержания.

Е. Сталинский.

Иностранная жизнь.

Венгерская проблема^{*)}.

В течение ряда столетий политическая жизнь Венгрии всецело находится в руках привилегированного класса «магнатов» — богатой аристократии, высокого духовенства и мелкой аристократии — помещиков. Венгерское понятие «нация» распространяется только на эту небольшую часть населения — только на господ земли, и лишь они одни пользовались всеми политическими правами, причем остальное большинство населения было политически бесправно. Многочисленные внутренние бои за свободу, повторявшиеся в каждом столетии и вызывавшие громадное количество кровавых жертв, давали в результате лишь перемену формы господства привилегированного класса. Судьба нации находилась в руках эгоистического феодального меньшинства, являвшегося надежной опорой Габсбургской династии. Время от времени круг привилегированных расширялся притоком новых избранных, одаряемых Габсбургами огромными латифундиями — наградой за «особые» услуги, как, например, за измену своему народу или за те или иные любовные связи. Феодальные классовые интересы совершенно слились с интересами династии в деле взаимной защиты феодалов и трона от обездоленного ими населения, и благодаря этому политическое угнетение и бесправие венгерского народа могло длиться веками. Лишь революция 1848 г. принесла, после падения «Святого Союза» и абсолютизма Меттерниха, освобождение венгерского крестьянина от средневекового ярма, от полного рабства. Однако, венгерские аристократы оказались в состоянии построить требуемую духом того времени конституционную жизнь страны таким образом, при котором расширение узких до тех пор рамок «политической на-

^{*)} Статья эта написана для «Воли России» бывшим военным министром в правительстве Михаэля Кароли, г. Бела Линдером. Г. Бела Линдер — не социалист, он является представителем интересов мелких крестьян, желающих совместной с социалистами работы.

ции» было едва заметным. Причем это расширение произошло в такой форме, что свободное волеизъявление народа и на будущее время стало невозможным.

Только такой режим, основанный на внутреннем угнетении народа и направленный против народа, мог поддерживать империалистическую политику Габсбургов и Гогенцоллернов, давшую в результате мировую войну и распад Австро-Венгрии.

Когда в октябре месяце 1918 года вспыхнула революция, венгерский народ понял, что настал момент освобождения от тысячелетнего рабства и угнетения и что отныне он будет сам управлять своей судьбой. Падение режима было восторженно встречено населением, и власть перешла в руки так называемой «партии октября». Независимая городская партия под руководством Михаеля Кароли, сгруппированные вокруг Оскара Яси (JaSCI) радикалы и социал-демократы во главе с Кунфи (Kunfi) и Гарами (Garami) организовали правительство **бескровной октябрьской революции**, не встретив нигде ни малейшей оппозиции. Понимая всю тяжесть ответственности за проигранную войну, предвидя расплату за ожидаемую народную катастрофу и мучимый угрызениями совести, феодализм без сопротивления отдал себя в распоряжение революции, дабы избежать вполне заслуженное наказание. Аристократия не успокоилась только на том, что подчинилась революции, — она самым бесстыдным образом предлагала себя на службу революции... Подражая примеру Иосифа Габсбурга и его сына, которые были готовы даже отказаться от своего имени, «магнаты» сгруппировались вокруг Михаеля Кароли, причем на первом месте был яркий представитель феодального высокомерия и реакции, граф Стефан Бетлен, который, еще в последнем фазисе войны, уже будучи почти всеми покинут, не обращал никакого внимания на предостережения о надвигающейся катастрофе и был против более чем умеренных предложений графа Стефана Тисы о расширении народных прав. Бетлен не задумался приспособиться к революции и встал во главе республиканского народного совета секелов (Scekelí — край в Венгрии) для того, чтобы работать совместно с Народным Советом Михаеля Кароли.

Большинство членов закрывшегося «Дома Магнатов» демонстративно появилось на провозглашение республики и с большим воодушевлением аплодировало речи Зикмунда Кнуфиса.

Насколько это еще было возможно, господа феодалы были превзойдены католическим белым духовенством, вожди которого наводнили прессу революционной лавой. А его многочисленные депутации заверяли правительство о жела-

нии этого духовенства отныне жить в действительной апостольской бедноте, но до сего времени оно, благодаря церковным поместьям в десятки тысячи *Joch* (мера), не могло этого осуществить. На будущее же время, уверяло духовенство, его вполне удовлетворят поместья *taximut* в 100 *Joch* (правительство предполагало определить размер церковных земель в 200 *Joch taximut*). Этим высоким примерам естественно подражали и мелкая аристократия, и чиновники, с воодушевлением, конечно, соответствовавшим высоте занимаемого каждым отдельным лицом положения.

К сожалению, правительство Кароли не было в состоянии овладеть создавшимся положением. Благодаря своей нерешительности вообще и в вопросе о форме государственного правления в частности, благодаря целыми месяцами продолжавшимся дискуссиям о реформах, нетерпевших долгого отлагательства, это правительство, вместо того чтобы действовать, само себе копало могилу. Бесконечные анкеты и заседания совета министров были посвящены вопросу о том, передать ли крестьянину землю в полную собственность или же осуществить точку зрения догматического марксизма. В конце концов, вынесено было компромиссное решение — передать землю крестьянам с их согласия в столетнюю наследственную аренду. Непрестанные затруднения в самом в кабинете с одной стороны и отчаянная пропаганда ведшаяся агентами русских большевиков с другой окончательно обессили Кароли. Он уже не был в состоянии отвести подготовлявшегося удара и вышел в отставку. Власть над впадшим в отчаяние народом была захвачена большевическими комиссарами без какого бы то ни было сопротивления с какой бы то ни было стороны.

Помещики и их отряды, выместившие в кровавых расправах после падения коммунистов всю свою злобу на безоружных горожанах и рабочих, в те времена принимали от большевиков места и различные поручения. Власть правительства Кароли целиком перешла в руки коммунистов. Появилось четыре месяца существовавшее правительство Бела Куна, сыгравшее печальный и весьма болезненный фарс на фоне страшной трагедии венгерского народа. Большевики, вместо того, чтобы провести в жизнь задержанную городской партией и социал-демократами аграрную реформу, захотели, не считаясь с реальной действительностью и ослепленные ортодоксальным марксизмом, осуществить в громадных размерах фабрику зерна. Вместо того, чтобы разделить землю между безземельными, малоземельными и батраками, большевики вызвали владельцев земель и объявили им приказ о том, что они, владельцы, во имя трудящегося народа продолжают управлять своими землями! Результат подоб-

ного догматизма был ужасен. Одинаковый успех выпал им на долю и в индустрии; производство было совершенно приостановлено. И тем не менее, несмотря на наступившую экономическую катастрофу, падение большевиков было вызвано не восставшими в стране силами, а румынскими штыками. Немногочисленная группа контр-революционеров, сгруппировавшаяся вокруг графа Бетлена, графа Телеки и Хорти в Шегеде, вместе с армией из нескольких сотен авантюристов и воров, «приняли» «программу октябрьской революции», а Хорти и Бетлен провозгласили «демократическую» «республику», только для того, чтобы обеспечить себе помощь Антанты. После того, как румынская армия на голову разбила венгерских большевиков и конфисковала все оружие, Хорти собрался со своими бандами в победоносное наступление и, вступив, как триумфатор, в Будапешт, вновь возродил реакцию.

Помещики немедленно было поторопились использовать ситуацию. Однако, представитель Антанты г. Клерк требовал установления демократического режима и созыва на основе всеобщего, равного и тайного голосования Народного Собрания с радикальной программой работ. Был составлен коалиционный кабинет из честных граждан и социал-демократов. Но уже предвиделся скорый отъезд Клерка, и как только момент этот наступил, социал-демократы неслыханным террором были вынуждены выйти из правительства и перейти к политической пассивности, а нередко и спастись за границу. Сами помещики пока что оставались еще в стороне, ибо воспоминания о целях октябрьской революции были еще слишком свежи. Однако, они выставили вперед своих союзников и подручных клерикальных демагогов, антисемитов и ирридентов в лице «Пробуждающихся Венгров», а также хорошо оплачиваемых крестьян-агитаторов. С этими элементами помещики вновь почувствовали под собой твердую почву и организовали по старому образцу основу своей обновленной мощи, первое Народное Собрание. Формально всеобщее и тайное право голосования оставалось в силе, фактически же оно было парализовано, благодаря, вооруженным силам и построенной, как и раньше, на угнетении народа администрации. Под лозунгом антисемитизма и народной аграрной демократии аристократы могли, когда им вздумается, превратиться в, мелких земледельцев, и в надлежащем количестве принять участие в Народном Собрании. Благодаря этому им удалось вытеснить нежелательные для них элементы и захватить всю власть. Вооруженные ручными гранатами и револьверами банды заняли Парламент и при такой обстановке Хорти был единогласно избран Губернатором, тот самый Хорти, который в течение двухлетнего существования

Народного Собрания саботировал каждую демократическую реформу и который в последнюю сессию назначил председателем министров типичного представителя феодализма, графа Степана Бетлена. Первой и самой важной задачей Бетлена было сделать невозможным проведение в жизнь законов, принятых под давлением Антанты, о всеобщем и тайном голосовании. Автоматическим постановлением Народного Собрания, путем приказа, был издан закон о выборах, по которому, в интересах крупных помещиков, 80% населения государства было лишено права тайного голосования. В этой атмосфере белого террора, при самой деятельной работе всех тайных организаций, банд, жандармерии, войска и целого административного аппарата, ведение выборов было поручено на правах диктатора, вождю правых экстремистов Гембеси. Этому последнему, равно как и нынешним соучастникам подделки французского франка, как например, Марковскому, было совершенно легко составить путем новых выборов, уподоблявшихся гражданской войне, другое Народное Собрание, деятельность которого продолжается и по днесь к полному удовлетворению олигархии. В этом Народном Собрании до сего времени аграрная реформа не могла быть проведена, зато довоенное влияние помещиков восстановлено в полной силе. Закон о выборах составлен таким образом, что рамки Бетленовой системы выборов были еще больше сужены и благодаря этому, если только результаты последней панамы с подделкой франка не принесут венгерскому народу освобождения, вновь предвидится открытие «Парламента Господ», состоящего из аристократии и высокопоставленных чиновников. Понять причины таких действий венгерских господ, не так трудно. Все сводится к вопросу о владении землей, являющейся причиной ужасного социального неравенства, подобно тому, как это когда-то было в царской России. На одной стороне стоит несколько тысяч крупных помещиков с громадными земельными участками, на другой — больше половины всего населения Венгрии, живущего исключительно земледельческим трудом и неимеющего ни клочка земли. Такое распределение земли дает направление всей политической жизни государства. Над всем господствует борьба, ведущаяся помещиками в интересах их неограниченной власти. И, однако, земельная реформа, поставленная на очередь дня Октябрьской Революцией, несмотря на все враждебные махинации, не будет снята до полного и честного ее разрешения.

Бетлен попытался провести «земельную реформу» двумя законами, на основании которых фактически было возможно отобрать от владельцев все земельные участки и, вместе с тем, не распространять на эти участки действия

земельной реформы. Были отчуждены части небольших участков, которые были приобретены владельцами в течение последних пятидесяти лет, равно как и части некоторых маленьких участков, при чем причинами этого отчуждения выставлялись: — вероисповедание, национальность или политическая неблагонадежность владельцев! Отчужденная земля, однако, не была передана в руки крестьян, а послужила, в большинстве случаев, возникновению особой гвардии преторианцев, какому-то новому виду аристократии «Vitéz'ов» (Героев), составляемой из офицерства, солдат и депутатов.

Одним из таких «Vitéz'ов», например, был Каспер Ковас, придворный принца Виндишгретца, прославившийся тем, что распространял поделанные франки. Вопрос о землях Фридриха Габсбурга был разрешен судебным порядком раз навсегда в том смысле, что, во имя «заслуг» перед родной эрцгерцога, бывшего во время войны верховным главнокомандующим, его земли, находящиеся на территории Венгрии в размере 25,000 гектаров, оставлены ему в полное владение. Это обстоятельство материально позволяет эрцгерцогине Изабелле поддерживать кампанию в пользу провозглашения ее сына королем Венгрии. Само собой разумеется, Бетлен очень гордится тем, что в конце прошлого года провел с «огромным успехом» поземельную реформу, оказав будто бы, тем большую услугу демократии!?

В действительности же, «демократия» Бетлена означает то, что после проведения аграрной «реформы», свыше 9 миллионов гектаров осталось в руках аристократии, а именно: принцу Павлу Эстергази — оставлено в 519 деревнях 133,000 гек., графу Н. Эстергази — 34,000 гек., Т. Эстергази — 30,000 гек., Францу Эстергази — 13,000 гек., не говоря уже о менее состоятельных Эстергази. Одно лишь «Fideikomis*»), принадлежащее Кароли, составляет 30,000 гек., другое (его же) — свыше 22,000 гек., графу Ладиславу Семси оставлено 18,000 гек., графу Иосифу Гуныады — 17,000 гек., графу Дионисию Алмаши — 17,000 гек., графу Александру Эрдеды — 17,000 гек., Рафаэлю Зихи — 9,000 гек., Яну Зихи — 7,000 гек., Аладару Зихи свыше 3,000 гек. Габсбургские кондотьеры владеют участками: маркграф Паланичини — 34,000 гек., герцог Иосиф Кобург — 27,000 гек., принц Гогенлоэ — 9,100 гек., Леопольд Бертхольд — 6,270 гек., граф Селенский — 5,130 гек., эрцгерцог Иосиф Габсбург — 10,260 гек., барон Бидерман — 5,700 гек., принц Страттманн — 13,000 гек., принц Бонкомпани — свыше 12,000 гек., граф Меран — 12,000 гек.,

*) «Fideikomis» — родовой участок земли, переходящий по наследству старшему сыну и не могущий быть ни проданным, ни заложенным.

принц Монтенюону свыше 11,000 гек., маркграф Паппенгейм — 6,000 гек., принц Людвик Виндишгретц — 5,700 гек. С этими кондотьерами феодальной аристократии конкурирует надлежащим образом аристократический орден римско-католической церкви. Например, граф Юлиус Зихи управляет, помимо 14,000 гектаров Пешерского епископства, 38,000 гектарами Калошарского церковного имения, Везисрунерский епископ имеет в своем распоряжении свыше 31,000 гек., епископ фон Эгер 24,000 гек., князь фон Грау — 22,000 гек. К этим имениям необходимо прибавить и монастырские владения, например, Эрлау с 45,000 гек., Грау — с 13,000 гек. При этом надо иметь в виду, что государство поддерживает низшее духовенство весьма крупными денежными субсидиями и принуждает население деревень выплачивать средневековый церковный налог *in natura* (в натуре), не считаясь с материальным положением плательщиков. И при наличии этого огромного земельного богатства, составляющего почти 4 миллиона гектаров принадлежащих всего лишь 1130 лицам, в Венгрии имеется, согласно данным Министерства Земледелия, около $4\frac{1}{2}$ миллионов душ, занимающихся земледелием, из которых — 600,000 человек с участками земли, менее, чем в 6 гект., и 834,000 безземельных!... По другим статистическим данным число безземельных превышает миллион...

Перед лицом такой ужасной действительности Бетлен проводит старую тактику умалчивания и старается распространять слухи, будто бы в недалеком будущем размеры «*Fideikomisi*» будут судебным порядком установлены «всего лишь» в 1,200 гектаров. Подобные заявления лживы, ибо Бетлен и не думает ни парцелировать получающуюся разницу в размерах участков ни разделить ее между безземельными. Он лишь стремится урегулировать этот вопрос фискально с тем, чтобы превышающий предположенные им размеры остаток был объявлен свободным, а действовавшее до сих пор воспрещение продажи и отдачи под ипотеку было аннулировано. Цель этого частично уже осуществленного проекта направлена все к тому же — к обеспечению в будущем всей власти помещикам. Эти пресловутые венгерские «*Komitaty*» всегда были и всегда будут и в будущем главным источником реакции. Эти «*Komitaty*» в административном отношении автономны. Ими управляют комитеты, которые избирают чиновников, и издают распоряжения; однако, состав их лишь наполовину бывает избираем, другую же половину составляют так называемые «Вирилисты», то-есть, те, которые платят большие налоги, иначе говоря, крупные помещики. И реформа не принесла изменения в эту феодальную систему, ибо, по мнению Бетлена, венгерский крестьянин обязан «уважать» крупного помещика и это положение не должно быть

изменяемо, дабы не встала «угроза существованию народа»... По мнению Бетлена, **Венгрия является государством помещиков**, а, потому, если будут уничтожены латифундии, погибнет и государство...

Господа феодалы признали, что наступил момент, когда вновь можно возродить старую систему управления, для чего необходимо открытие другой Палаты «Дома Магнатов». Они, несмотря на **открытые выборы** и реакционный административный аппарат, считают, что появившиеся, благодаря даже этим «выборам», в Парламенте лица не могут служить надежной опорой, а потому, в виде гарантии должен быть открыт «Дом Магнатов», большинство в котором должно состоять из светской олигархии, на основе происхождения и состоятельности, а также из аристократии духовенства. Чтобы избежать перехода неимущих протестантских епископов в ряды либералов, «поземельная реформа» предполагает дать каждому из них 285 гектаров земли. Такие лица, как эрцгерцоги из дома Габсбургов, затем высокопоставленные чиновники, представители «общественности», избранные крупными помещиками комитетов, наверное, не будут мешать работе этих высокопоставленных господ. Один параграф — «Дома Магнатов» содержит еще несколько весьма оригинальных постановлений. Заключается он в том, что в момент образования «Дома Магнатов», Народное Собрание превратится в Парламент, деятельность коего должна продолжаться в течение пяти лет.

Что касается муниципальных выборов, то таковые не происходили еще с 1910 г. Лишь в столице происходили выборы городского совета, в который вошли, в виде большинства, либералы и социалдемократы. Однако, результат выборов был уже заранее заготовленным постановлением парализован. Согласно этому постановлению, одна четвертая часть городского совета должна быть **назначается городским головой!..** Стремление правительства обеспечить «мир» в стране и его стабилизацию заставляют его все время откладывать, долженствующие произойти (теперь уже) выборы депутатов. Словом, во всем виден страх правительства перед свободным волеизъявлением народа.

Легитимисты ожидают окончательного составления конституции, которая будет завершена открытием «Дома Магнатов», с тем чтобы тогда окончательно разрешить и вопрос с короле. Этот хитрый план имеет свсим началом реформу конституции, благодаря которой будет образовано «единственно возможная юридическая форма выражения государственной воли», то-есть, Королевство Габсбургов! Если даже несовершеннолетний Оттон и не может вернуться на «свою родину», он, тем не менее, является «законным королем». Королевский же трон не пустует, что особенно ярко должно

быть заметно, ибо Палатин не является главою государства, а лишь представителем отсутствующего или же несовершеннолетнего короля... Международные договоры, обязанности, и воспрещения не в состоянии принудить венгерских феодалов ознакомиться с реальными интересами государства: они постоянно стремятся довести свое дело до конца, ибо они нуждаются в богобоязни, они в течение ряда столетий привыкли считаться с королевским авторитетом и с силою королевской власти и из этого именно источника берут свое начало. В Англии Ллойд Джордж, указывая пальцем на лордов, мог сказать: «The crown has giuen it, the crown will take it», ибо этим вся мощь и все права короны были перенесены на Парламент. Венгерский же феодал не позволит никакого ограничения могущества Святой Короны Стефана, — корона сама по себе объединяет в себе всю власть, короля и народ. Большая часть власти находится в руках короля, «разделяющего власть с народом». Венгерские «господа» стараются превратить короля прежде всего в свое орудие, хотя бы уже из чувства простой благодарности. В этом отношении дороги легитимистов и феодалов сходятся. Вне этого союза отношения между ними и Хорти довольно натянуты, особенно после последнего случая с легитимистами в известной афере Беницкого, в которой Хорти был обвинен бывшим своим министром внутренних дел в покровительстве убийцам. Хорти терпим аристократией только потому, что она опасается, что в случае его ухода, и благодаря невозможности возвращения Оттона, он мог бы воспрепятствовать осуществлению планов легитимистов. Однако, Хорти, не будучи в состоянии удовлетворить свое честолюбие провозглашением себя королем, отомстил аристократии за ее демонстративную холодность и антипатию тем, что присоединился к той авантюристической акции, которая всюду стала известна под именем кампании Альбрехта. И Хорти видел свое будущее в роли «Палатина», каковую роль старался всевозможными средствами за собой закрепить. Он пробуждал у мелкой аристократии желание управлять и организовал из нее силу, которую употребил против крупной аристократии. Так, в своей дружбе с «господами» Гембесиями и Надосиями он дошел до того, что предоставил в их распоряжение свою власть и авторитет. И все это он делает потому, что указанная группа на все способных авантюристов при разрешении вопроса о короле могла иметь решающее влияние. Однако убедившись, что легитимистские круги не могут дать гарантий в том, что Хорти станет Палатином и что по политическим причинам, диктуемым из за границы, реставрации Габсбургов будут чиниться большие препятствия, эта группа погибла к кающемуся легко осуществимым разрешению вопроса. Она

выставила кандидатом в короли Альбрехта, и организовала сильное движение внутри государства и за границей, направленное к осуществлению этого авантюристического предприятия. Почва для этого движения была приготовлена весьма искусно. Изабелла — честолюбивая и интриганствующая мать Альбрехта — согласилась принести в жертву необходимые материальные средства, причем та часть, которая не будет хватать для этого королевского путча, должна была быть покрыта фальшивыми франками, динарами и чехословацкими кронами. Альбрехт — красивый человек, незначительной индивидуальной ценности — потомок осевших в Венгрии Габсбургов, был после двухлетней общественной и официальной пропаганды признан претендентом на трон, и даже «ясновидящий» и не боящийся никакой оппозиции Бетлен не решился возразить что либо против этого. Если бы мировая сенсация — подделка франков — не раскрыла этой авантюры, Венгрия ныне мчалась бы к роковой и неотвратимой катастрофе, которая означала бы правление короля Бела (так должен был быть коронован Альбрехт) и диктатуру вышеуказанной банды воров. Если принять во внимание современное положение Европы, должно признать что этот путч не мог быть лучше подготовлен, чем как то сделали венгерские фашисты. За их спиной стояла вся германская реакция, Альбрехт заключил договор с Гогенцоллернами и Виттельсбахами, в то время, как Гембеси и его приятели поддерживали самые тесные сношения с Людендорфом, Эргардтом, Гиттелем и полковником Бауэром. Им удалось добиться **протектората итальянского фашизма, который должен был быть увенчан свадьбой Альбрехта с итальянской принцессой.** Венгерские фашисты работали не только в Венгрии, но и в Италии на пользу «всеоблагораживающего» Муссолинизма. Фашистский депутат проф. Вольпе выразил в официальной делегации в Будапеште радость Италии по поводу приближения победы фашизма, а Хорти декорировал Муссолини высшими венгерскими орденами. Это произошло вскоре после возвращения Альбрехта из Рима. Нити фашизма вели также на Восток, в Румынию, Болгарию и Грецию, ставя своею целью вызвать в Европе и на Балканах новые затруднения. Малая Антанта должна была быть разорвана, Югославия и Чехословакия — изолированы. Фашистской Венгрии было предписано вовлечь Европу в огонь.

Мир в Средней Европе может быть обеспечен только переменной режима в Венгрии и освобождением ни в чем неповинного, брошенного в рабство народа. Целью работы по очистке и приведению в порядок страны должно быть политическое уничтожение «исторической Венгрии», для чего, понятно, недостаточно перемены нескольких лиц в кабинете.

Нам необходима такая глубокая перемена, которая была бы в состоянии прежде всего уничтожить основы феодализма, светские и церковные крупные поместья, олигархию являющуюся проклятием и позором Венгрии, и вернуть, наконец, землю крестьянину, неспособному на никакие авантюры, далекому от империалистических настроений, и желающему работать для осуществления демократии и пацифизма. **Венгрия государство крестьянское**, но крестьяне в нем не имеют земли, не имеют прав. Это крестьянство, стиснув зубы и находясь в абсолютной изоляции от мира, подчиняется насилию олигархии и реакции. Оно, однако, с одинаковым отвращением и злобой относится к «диктатуре пролетариата», которая в течение нескольких месяцев, как естественный результат феодального господства, опустошала страну.

Бела Линдер.

Среди книг и журналов.

Парижские поэты.

(*Георгий Евангулов* — Золотой пепел. Стихи. Изд. Д. Гречиных. Париж 1925. *Дмитрий Кобяков* — Керамика. Тринадцать вещей двадцать четвертого года. Изд. «Птицелов». Париж. 1925 г. *Наталья Кистляковская* — Астрей. Стихи. Париж. 1925 г. *Алексей Масаинов* — Отходящие корабли. Поэзы. Изд. «Крылатых», Париж. 1925 г. *Александр Гингер* — Преданность. Вторая книга стихов. Изд. «Канарейка». Париж. 1925 г. *Борис Божнев* — Борьба за несуществование. Париж. 1925 г. *Давид Кнут* — Моих тысячелетий. Изд. «Птицелов». Париж. 1925 г.).

Объединение семи вышеназванных авторов в группу «Парижских поэтов» вполне произвольно. Между ними нет внутреннего сродства, не все из них даже живут в Париже: по крайней мере на одной книге мы находим американский адрес автора, в конце другой значится: Прага, 1924 г.

Только нынешним капризам валюты, да крушению русского издательского дела в других странах обязаны мы тем, что за минувший 1925 г. нигде (вне России) не вышло ни одного стихотворного сборника и, напротив, все появившиеся оказались напечатанными в Париже.

Поэтому от дальнейшего изложения не следует ждать каких либо обобщений: наши поэты не образуют никакой школы, ни даже единого направления. В принятом нами порядке их рассмотрения нельзя видеть также какого бы то ни было умысла, оценки их дарования: он избран только из простого удобства, на основании тех или иных, иногда совершенно второстепенных, сходных черт у отдельных авторов.

Мы начнем, прежде всего, с тех, интерес книг которых сосредоточен преимущественно на задачах формы, именно, с *Георгия Евангулова* и *Дмитрия Кобякова*.

Пускай достаточно скромны их заботы о формальных новшествах, любопытно то, что оба ведут свои изыскания в одном и том же направлении, именно — в области усеченных, неправильных рифм, в области ассонансов.

Приведем несколько наиболее удачных примеров их у того и другого, оговорив, что их можно было бы значительно

увеличить, так как иные из их стихотворений пользуются сплошь одними ассонансами.

У Георгия Евангулова: шествием — шерстью, обманы носим мы — когтями осени, изваяна — трамвай, Турции — улице, щекотали — щеках, тикают — хворостинкой, кораблики — ограбили, озерам — зерна, сосен — осенью, маргаритки — моя горит, близко — обелиск, не было — небе, отравы — траур, глаза — азарт, потомков — скомкан, метаться — пальцев, хмеля — химеры, ладан — ядра, зябликом — яблоко.

А вот Дмитрия Кобякова: кайма — хромя, профиль — кофе, бубва — судна, хватит — проклятьем, искрах — брызги, казались — ночами, серый — мерил, конусом — полосы, занавес — кланялись, гондолы — холод, сырость — закрылась, макрели — зелень, садок — богов, искалечен — плеч ее.

Конечно, неправильные рифмы у г. Евангулова более разнообразны и изобретательны, чем у г. Кобякова, у которого значительное количество их построено на простом удалении последней согласной в одном из рифмующих слов, — самый легкий и наиболее обыденный прием. Кроме того, у г. Кобякова эти неправильности встречаются с гораздо большей случайностью и произвольностью, чем у Евангулова, который подчиняет их чередование известной закономерности, оправдываящей их.

Эти отличия можно отнести в сильной степени на долю разницы стихотворной техники и опытности обоих поэтов, из которых Евангулов уже не новичок, тогда как г. Кобяков выпускает, повидимому, свою первую книгу. Не последним ли обстоятельством объясняется, что он умудряется в слове «жизнь» обнаружить два слога или сказать: «профиль позабытых лиц» (в множественном числе?) От подобных ошибок г. Кобяков, несомненно, постепенно отделается. Что хуже и опаснее в молодом поэте — это отсутствие яркой индивидуальности в его стихах, за которыми мы не чувствуем человека. Впрочем, рано еще делать прогнозы на основании тринадцати стихотворений.

В сравнении с ним Евангулов кажется мастером, хотя и ему случается обмолвиться весьма неудачными оборотами, вроде: «но не мимо улыбнусь», или: «голос его будет скомкан». Но в противовес таким обмолвкам, к тому же очень редким, сплошь и рядом попадаются у него строки музыкальные («под пенье струн твоих ресниц»), находчиво инструментированные («повелл холодом и льдом ломился взор»), или заключающие остроумный образ («валюсь в постель; а там — еще, как труп. мой день вчерашний»).

Не лучшая в творчестве Евангулова, отмеченная кое где влияниями Анны Ахматовой и Пастернака, книжка его более всего ценна именно вышеуказанными формальными задачами:

впрочем, в ней имеются, независимо от них, и вполне хорошие вещи, из которых больше всего мне нравится не вовсе самостоятельное, но удавшееся стихотворение «Сантиментальные Похороны», где описывается, как поэта повезут на кладбище, в скудном сопровождении немногих друзей и многих проституток, как перед излюбленной монпарнассными художниками и поэтами «Ротондой» он остановит катафалк, сойдет с него и выпьет кофе у стойки кафе, и потом — «важный, чуть чуть сутулый» — вернется на похоронные дроги...

От этой книги, достоинства чисто формального, естественный переход к той, где о форме автор нисколько не помышляет, равнодушие к ней доведя до презрения к самому материалу стихов. Остается ли еще поэзия в творчестве *Наталии Кистяковской*, выпустившей сборник «Астрей». О чем «поет» она? Каковы ее образы, мысли, чувства? Увы! Все это избитые общие места, повторяемые преимущественно по поводу самой ординарной любви. Школьная версификация на обыденные темы, изложенные суконным языком и отражающая самые средние «переживания» — это ли поэзия?

Ни индивидуального подхода, ни своего взгляда на вещи, ни личного тона в инструментовке и построении стиха, вот чем характеризуется эта книжка, красноречивым примером из которой может служить следующий перевод из Рабиндраната Тагора:

Раз ты хочешь, перестану
Песни звонкие слагать.
Твой покой смущать не стану
Буду плакать, но молчать.

и т. д., и т. д., — уверенно вертится шарманка.

Уже подзаголовок книги *А. Масаинова* — «Поэзы» — открывает нам принадлежность или близость автора к окружению Игоря Северянина, и хотя он и хоронит последнего в предисловии, стихи его самого нигде не достигают звонкости и яркости его бывшего друга или соратника, иногда, однако, напоминая их. Но — «Поэзы» — это от прошлого, оно даже все, что осталось от него. Жалкий осколок, который сиротливо блещит над грудой безжизненных строк, неинтересных и случайных. Автор может слагать стихи обо всем и по поводу всего, но мы лишь с трудом следуем за ним, так как его стихи никогда не могут ни сами понравиться нам, ни заинтересовать тем, о чем они говорят. Они, конечно, гораздо искуснее и богаче стихов г-жи Кистяковской, но внутренне они мало чем отличаются от них.

Самое любопытное в книге — это ее предисловие. Если вообще опасно поэту высказываться о других поэтах, то совершенно не терпим тот тон, насмешливый и ругательный, в котором автор разделяется с непонравившимися ему авторами, хотя бы они принадлежали к лучшим русским писателям. Не в том беда, что Масаинов не любит Андрея Белого, Валерия Брюсова, Игоря Северянина, М. Кузьмина, В. Маяковского, С. Есенина, футуристов и акмеистов, предпочитая им К. Бальмонта, Александра Блока, З. Гиппиус, Анну Ахматову; о вкусах не спорят и вкус г. Масаинова, в конце концов, не так уж плох. Беда в том, что он выражает свою неприязнь словами непозволительными, того же рода, за которые позднее он сам осуждает футуристов.

Белого, например, он называет «чучелом гороховым, машущим по ветру рукавами», Ремизов для него «классический растлитель русского языка», Вячеслав Иванов — не более, как «божья коровка, воображающая, что она оргиастична».

Автор зовет всех поэтов изгнать из храма торгующих, вытравивших Чувство и Воображение, и образовать «Братство Крылатых», которое провозгласит своим лозунгом, что «поэзия есть вдохновение».

Такие заявления, такая брань — обязывают. Но что же сказать, когда все наши ожидания оказываются обманутыми самым жестоким образом? В одной строчке Есенина больше поэзии, чем во всей книге Масаинова, даром, что первый аттестует себя хулиганом, а второй с приложенной к книге фотографии глядит совершенным джентльменом из Америки (№ 72114, Fountain Av. Hollywood, California, U. S. A. — таков полный адрес автора, предупредительно им сообщаемый, по примеру Игоря Северянина, — для кого?). Читаем его вялые строчки и удивляемся: где же пылкое воображение? Где горячее сердце? Весь пафос истрачен на предисловие, а на самую книгу ничего не осталось...

Наконец, мы переходим к трем последним книгам нашей коллекции, имеющим между собой известное внутреннее единство в их эротизме и религиозности. Но у г. *Давида Кнута* эротизм от силы и здоровья, тогда как г. г. *Гингер и Божнев* болезненны и слабосильны.

Не высокого мнения о себе Александр Гингер. У него мы найдем признания нелестные, самообличения откровенные, характеристики убийственную (мы имеем в виду, конечно, не личность поэта, но его воображаемое «я»).

«Мой язык обложен мягкой ватой, — Томный дух тревогой удручен», читаем мы в одном месте, и в другом он подтвер-

ждает: «В мыслительных усилиях нешибкий, — Сонливостью природной поражен».

«Трусливый телом, а душой плюгавый», он знает, что для других он «всецело заменим» и они его считают «расслабленным» и «мертвецом».

Еще немного и мы услышим признание, которое делается только доктору:

«Под одиночественной паутиной — Плывут онанистические дни, — Затягиваются слонявой тиной, — Ей обвалакиваются они».

Все же и в своем последнем уничтожении, поэт не теряет известной гордости сознания своего превосходства над другими людьми.

«Малодушен и косноязычен, — И лицом и сердцем не пригож, — Все же я от сволочи отличен, — (Так ковер отличен от рогож)».

К людям вообще он испытывает некоторое презрение, называет их «недостойными», «поваленными гробами», пророчит им «горе», констатирует у них «плоские сердца». Он мечтает избавиться от них, от «словопрений», «окаймить себя» «обезлюженной пустотой», сохранить себя и свои слова «для серьезных и насущных дел». Хотя он и знает, что все поэты «неизбежно мечены» — «холмом Венеры и холмом Луны», он отрекается и от человеческой любви:

«Если солнца горячи объять, — И это совершенно я постиг. — То женщину возжажду ли объять я, — Прделаю ли с ней любовный чик?».

Подобно своему отношению к себе самому, приблизительно так же относится он и к своей поэзии:

«Речь моя, как-будто неживая, — Скудный стиль бессилён и горбат», говорит он и в другом месте так характеризует свой стих:

«Смысла хочет менее и менее — Мой отчаянный, но жадный стих. Мой растрепанный, придурковатый, — И испуганный, противен он».

И очень верно определяет свою лиру, как богатую «прозаизмами». Действительно, его книга испещрена ими до такой степени, что порою начинаешь сомневаться, читаешь ли стихи, или «прозу, да и плохую».

«Не следует, конечно, огорчаться, — Но раззнакомиться давно пора» — это далеко еще не самый яркий пример возвышенного слога г. Гингера. При этом, он охотно вводит новообразования, воскрешает устарелые или вышедшие из употребления формы и обороты, так что нередко кажется, что имеем дело с косноязычным или ребенком.

Многое говорится им нечаянно, по неопытности, невниманию или недостатку слуха. Но гораздо чаще он сознательно

идет на это. Завет Верлена: «сверни шею реторике», видимо, пришелся по душе Гингеру, и он методически воюет с ней, умышленно лишая стих всей привычной ему напевности.

Он, вероятно, даже считает, что сильно обогащает русский язык, вводя в употребление такие формы, как воздымано, выслежаны, рваны, ржано, гумяно, бежа, ложа, жмя. Но ему ничего не стоит сказать: «против друга друг», «мизинцем под» (вспомним аналогичные попытки Марины Цветаевой), «и во, и вне».

Не прочь автор прибегнуть и к разным вульгаризмам: «на мне нема ни полът, ни бурк», стараясь и из них извлечь те или иные эффекты. Когда он говорит: «Ко была как была без синк и бурк, — С их слуг сохи и плуга, — без каурк», мы ясно чувствуем, что автор искал здесь определенного слухового эффекта, так же, как и во фразе: «Кой облезлый кий — Той койки уже, что как лыжа (ski)?». Иногда инструментовка стиха отмечается у него наивным остроумием: «Зе у французов зед, у немцев цет» — эта строчка, например, любопытна ловким чередованием звуков З и Ц.

Такие аллитерации у поэта очень обычны и он любит щеголять созвучиями, вроде «и ток, и сок», или «по берегу рек (и Ок, и Кам)», соединяя с ними какую-нибудь двусмысленность, не всегда, впрочем, удачную: «Капштан речей, как шанс бахромкой, — Рабу, рабу, а не царю», или: «и не стремились ко ней мечты» (к ней или коней?).

Иногда эта игра принимает более серьезные пропорции, и тогда мы читаем: «Что ты, сердце, дрожишь, полукровка? — Половинкой кровинки дрожишь, — Трепыхаешься, жидкая кровка», и т. д.

Из этого видно, что, независимо от размеров его дарования и нашего отношения к пафосу его творчества, г. Гингер серьезно и много работает над словесным материалом своих стихов. Он сам правильно оценивает свое дело: «Сооружение стихотворных строк», может быть слишком много даже у него «сооружения».

Достаточно ли этого, однако, для того, чтобы чувствовать себя выше и «живее» других? На чем основано его презрение к людям? На это мы найдем мало указаний в его книге. «Я пылаю беспрестанной страстью — К дару, к дару, к радостной земле», говорит он в одном месте, а чтобы не было сомнения, прибавляет дальше: «Никого не люблю, кроме Бога».

Мы не вправе требовать от молодого автора, чтобы он в одной маленькой книжке дал полное исповедание веры. Ограничимся пока признанием, хотя и недостаточным, религиозного отношения его к миру и бегства от людей, в ожидании дальнейшего раскрытия его мира в следующих книгах.

Я помню, с каким тяжелым чувством почти физического отвращения услышал я впервые одно стихотворение *Бориса Божнева*, прочитанное им в существовавшей года четыре назад в Париже «Палате Поэтов». Грязная порнография слышалась в хорошо сложенных строчках начинающего поэта.

Стихотворение это вошло в первый сборник г. *Божнева*, вышедший в минувшем году; оно помещено на стр. 43 и начинается словами: «Богобоязненный семит, — Я целомудренней Онана».

Это стихотворение не случайцо. То там, то тут натыкаешься на отдельные строчки, или на целые вещи, изобличающие то же грязное воображение, тот же неразделенный, болезненный эротизм. Вот смерть сидит в уборной под медной цепочкой и рвет бумагу; вот сам поэт в писсуаре сочиняет стихи, читая объявления врачей и посматривая на проходящие пары влюбленных. Бессильная, больная, безликая розановщина, писсуарная поэзия, говоря стилем автора.

Если все же не поддаешься естественному чувству — отбросить книгу с брезгливостью — то потому, что видишь в авторе непрестанную борьбу с своим грехом и нечистотой. Он не эротоман, культивирующий эротизм или хвастливо выставяющий его на показ. Он мучится каждым своим падением и упорно продолжает свое очищение и восхождение. Иные строчки стихов этого героя «полуночной исповеди» *Жоржа Дюгамеля*, кажется, могли бы быть встречены в дневнике *Льва Толстого* или «Исповеди» *Ж. Ж. Руссо*. — Поэт налагает на себя вериги, сковывает себя цепями, задает себе искуc, — и вот весы его выровнены, и он спокоен. Он никого не винит: «вся нечистота на мне одном», и он — прав. Однако, утомится внимание, отвлечется взор от данного обета, — и снова «чашка плотская тяжеле, а та, небесная, легка». И снова начинается мучение, ожидание расплаты, снова начинается подвиг, и снова он беседует с Богом, чтобы потом опять и еще глубже пасть. В то же время тело его не сильное, а больное, и в этом проклятие поэта. Было уже семь припадков, и он покорно принимает восьмой, неожиданный. Голову колет иглами режет бритвами, и не может взлететь душа, но сама, пораженная, следит за тусклой жизнью своего больного сосуда. Тело безобразно: «человек так некрасив в белье, — и так прекрасен в платье неубогом».

Куда уйдет, где спасется больной, бессильный бедняк? Все напоминает ему его немощь, всюду ждут его соблазны и испытания.

Пораженное пороком и болезнью, раздавленное городом существование. Тело так же, как и душа. Нет ясных образов, нет чистых мыслей, нет безоблачных мечтаний. Кажется, на самых стихах отражается эта хворь. То спотыкается язык, а

то прямые делает ошибки в стихотворении (стр. 48, 51, 66). А уж о какихнибудь технических, формальных новшествах и завоеваниях поэт и не мечтает, но нередко срывается в бевку-сицу, прозаизмы и неловкости.

Но все же упорно, как с медленно расползающейся отравой, борется душа за свою чистоту. Неблагодарною она никогда не была. За крупицу нежности готова все отдать. Друзей у нее сотни, и только единицы — недруги. Не видит соломенки в чужом глазу, но непрерывно кается в собственных пороках — бревнах. И не о себе, о других мечтает она, слабая и уходящая из мира в одном из лучших стихотворений сборника:

Я на соломенку чужого глаза
Указываю редко и с трудом,
Зато из бревен своего я глаза
Построить мог бы превосходный дом.

Он был бы выстроен в ужасном стиле.
Но подивился бы бездушный мир,
Узнав, что всех бездомных разместили
По светлым комнатам моих квартир.

Имелись бы в нем платье, обувь, пища,
Конечно, все простое, — я не Крез,
Но тот, кто грязен был, тот стал бы чище,
Кто духом пал, тот скоро бы воскрес.

А для больных в нем были бы палаты,
Поправились бы все в конце концов,
И я не брал бы самой низкой платы
За право жизни от своих жильцов.

Так я живу. О, что то строят руки,
А что — не вижу, даже п во сне.
Не из за бревен ли я близорукий,
Закрыв глаза, смотрю через пенсне.

Так собственную жизнь превращает поэт в чистоту для других. Сам больной, он их врачует. Но сам непрерывно осту-пается и непрестанно борется. За что? За жизнь? Куда! От этой бабицы румяной и деbeatой — уйти, исчезнуть, одна мечта. Но и тут его ждет неудача, и побежден он и в этой «борьбе за несуществование»: он еще жив...

Восхождение не кончилось, и Голгофа болезни духа и тела продолжается. Не завершена постройка храмины Божьей, ко-ей поэт — «первый праведный кирпич».

Но как хорошо после этих стихов прочитать стихи хотя бы Маяковского, поэта, обладающего громким голосом, умею-щего при случае и крепко выругаться.

Вместо него, у нас имеется только *Давид Кнут*, но и на-лем мы можем отдохнуть, так как и он дышит здоровьем. Если он коснется порнографии или эротики, перед нами будет зем-ная, животная страсть.

Под песками отлогих бедер
Узко
В тугом молчаньи
Ходит тугой мускул
От ветра моих желаний
Будет самум. Тучи.
А мы босы и наги.
В тоске и жажде
Влаги
Распаянный требует рот.

Но его эротизм, проникнутый весь семитической святостью деторождения и плодородия, скоро уступает место религиозному ощущению и проповедническому тону. Ибо Давид Кнут чувствует себя представителем и выразителем целого народа и всей его истории. Голос его звучит торжественными тонами библейского пророка. Ветхозаветные мотивы, точно ново проносятся в его ритмах, иногда заставляющих вспомнить Вячеслава Иванова:

Я,
Давид — Ари-бен-Меир
Сын Меира — Кто — Просвещает — Тьмы,
Рожденный у подножья Иваноса,
В краю обильном скудной мамалыги...
Пришел в наш стан учиться нашим песням,
Но вскоре вам скажу
Мою...
Остановился на песке путей,
Что бы сказать вам, братья, слово
Про тяжкий груз любви и тоски —
Блаженный груз моих тысячелетий.

Сознание религиозной миссии, возложенной на него Богом, не покидает его ни на минуту. Но в чем она — ему еще не ведомо. И он еще и еще пытается Господа, стараясь вынудить Его открыть ему эту правду.

«Вот дал мне руки и ноги, — И сердцу велел бить, — Но где же мои дороги, — По которым ноге ходить?»

«А мой нерадивый фонарищик — Зачем ты меня возжег? — Поставил распахнутым настез, — На ветру четырех дорог».

Он носит в себе своего бога, груз которого чувствует тяжело, и знает, что пришел в мир, чтоб горел я, как божья свеча, — один в степном урагане, — чтоб тужился, бился, звучал, — Как струна, в ураганном органе».

Но тайна Бога, тайна возложенной миссии — не для поэта одного: он мыслит о людях, о вселенной.

«Стоим перед вечной вечностью, — Этот страшный мир и я».

Но среди всех этих сомнений и загадок, когда Давид Кнут живет по Пушкину «Пока не требует поэта», есть один час,

который — его, принадлежит ему, ради которого готов снести все:

«Вот для этого малого часа, — Я столетья живу ослом, —
Пью чай и ем мясо, — Разговариваю обо всем».

И в тот час ему приходит радостная, утверждающая весть: «Есть», и в этот час рождается: «Слово — Незъяснимое — Бесподобное».

Таков огромный путь, проделанный начинающим поэтом на протяжении одной тоненькой, первой его книжки, исполненной счастливых частных, и заключающей ряд чудесных вещей, вроде, например следующего стихотворения, навеянного Блоком:

Я ждал властительницу грозную
Дрожало лунное пятно. —
В глухую ночь, такую звездную,
Ударил стон в мое окно.
Тогда, разбив бокал единственный,
Где жаждал губ моих заман,
Ушел я тихо и таинственно
В ночной туман.
И ночь моя, играя блесками,
Зажженных кем то огоньков,
Мне шла навстречу перекрестками
Под звон серебряных подков.
И я, вселенский и ненужный,
Печаль и радость поборов,
Спокойно шел во тьме и стуже
К огням неведомых костров.

Таковы эти семеро, которые издали свои книги в минувшем году в Париже. Отнесутся ли к ним читатели сочувственно или, в крайнем случае, с той мягкостью, с какой я старался представить их характерные черты, подчеркнуть их сильные стороны, — не знаю. Но я только что прочитал биографию Игоря Стравинского, где рассказывается, как Римский Корсаков, его учитель, нередко называл его первые вещи «гадостью».

Нет ничего легче, как отвергнуть и забраковать непривычные и раздражающие созвучия: а через несколько лет они становятся не только приемлемыми, но и почти обязательными. Это соображение должно побудить нас всегда быть особенно снисходительными к молодым авторам, которым и без того нелегко заставить других услышать их голоса и положить дорожку к своему будущему.

В судьбе одного из «парижских» поэтов я во всяком случае уверен: будущее Давида Кнута мне кажется обеспеченным. Этого уже достаточно, чтобы пробудить интерес не только к нему самому, но и ко всей поэтической среде, в которой он развивается.

Евг. А. Зноско-Боровский.

Шарль Дэрэн и его животный эпос.

Проблема человеческого бытия и положения человека во вселенной тесно и навсегда неразрывно связана с остальным живым миром. В течение всего мыслительного периода, кончая нашими днями, у человека выработались два направления, по которым идут и развиваются не только мысли, но и чувства, на которых в конечном счете всегда базируется первичное мышление. Один из них, и я бы сказала преобладающий, не столько в науке, сколько у так называемого культурного общества, принявшего в популярном виде некоторые одно время неопровержимые научные теории, состоит в почитании человека венцом творения, его разума непогрешимым, а вытекающую из этого цивилизацию какой то непрерывной рекой, по течению которой человечество плывет к открытию всех естественных и метафизических Америк. Этот тип людей, конечно, не может не относиться с легким презрением и сожалением к низшим организмам, к животным, — машинная сила понемногу вытесняет их, как практическую необходимость, следовательно, за ними остается лишь роль увеселителей праздной части человечества, к ним принадлежат те, что животных дрессируют и искажают их природу. Все это в лучшем случае. В худшем и в более обычном по отношению к животным этот сорт людей проявляет или полное невнимание или же жестокость. По второму же пути пошли те, что сродни немного безумным и поэтам; для них мир животных и растений полон тайн, человек далеко не полон совершенства, а все живое вовсе не является немymi автоматами, а меньшими братьями, сговориться с которыми мы не умеем. Истинная наука, которая никогда не уверена в том, что сказала последнее слово, как старик, бранящий молодое поколение за новые взгляды, стоит тоже на этой стороне; умом она проверяет, как совершеннейшим аппаратом, но творческий элемент ясно видит в интуиции.

Моя задача скромна. Я не претендую давать характери-

стики двух основных течений всей человеческой культуры, я хочу лишь наметить эти два пути, чтобы более свободно классифицировать в литературной области французского писателя Шарля Дэрэнна, книги которого произвели на меня глубокое и прямо неизгладимое впечатление.

Дэрэнн далеко еще не стар, но список его трудов уже значителен — тут и романы и сборники стихов, и поэм и, наконец, совершенно особый ряд книг, которые он сам называет «*Le bestiaire Sentimental*» и которые в сущности являются научно-поэтическими биографиями целого ряда животных, которых автор любит, с которыми он жил, которых наблюдал. Ученый естествоиспытатель, наверное, не согласится принять этот ряд томов в разряд своей науки, подобно тому, как многие современные критики не признают биографии писателей за часть науки о литературе. Не будем спорить и примем работы Дэрэнна, как литературу и притом очень высокого качества. Оставляя в стороне все остальное творчество Ш. Дэрэнна, я буду говорить о появившихся до сих пор его четырех книгах этого особого и своеобразного рода. Это «*Vie de grillon*» (Жизнь кузнечика), «*La chauve soris*» (Летучая мышь), «*Emile et les autres*» (Эмиль и остальные) и, наконец, появившаяся несколько месяцев тому назад книга «*L'enfant dans l'herbe*» (Дитя в траве), где впервые жизнь человека, правда, еще не завершенная, детская, тесно сплетается с многосложной и прекрасной жизнью животного мира и целой природы.

Если отнестись формально, то мне могут с полным правом возразить, что животные и звери играют значительную роль в литературе, что даже существует целый отдел, именуемый эпосом, что Лафонтэн, за ним и иные баснописцы действующими лицами своих произведений избирали почти исключительно животных, что, наконец, в наше время есть снова писатели, по преимуществу американцы и англичане, которые уходят в девственные леса и поля, джунгли и там, среди четвероногих находят своих героев, что, наконец, не так давно французская писательница совсем иного порядка — Колэтт дала книгу, названную «*Dialogues de bêtes*». Да, все это вполне верно, однако, ошибка все же есть и заключается она в том, что все поименованные и предполагаемые писатели ставили животных в подчиненное положение, для них они были или отвлеченными символами или средством выразить свои личные чувства, необходимые прикрыть по эстетическим или иным побуждениям. Одним словом, писатели и очеловечивали и подчиняли себе мир животных в литературе, так же, как другие это делали в жизни. Однако, не с неба же свалился со своими книгами Дэрэнн. Чтобы так писать — нужна традиция и я ее вижу, как бы это ни показалось парадоксальным, в древней, главным образом, религиозной литературе. До-

ступным нам родоначальником этого художественного жанра бесспорно прекрасная повесть об Андрокле и льве, переработанная и переделанная многими народами по своей мерке, соответственной их психологии. В России мы находим неоднократно ее отражение в житиях святых, где лев по климатическим условиям превращается по преимуществу в медведя, иногда в волка. Важно не это, а та благодать, то полное благоволения и нежности чувство, с которым и святой и его историограф относятся к четвероногим братьям, то отсутствие человеческого высокомерия и сухости по отношению к животным, которые мы наблюдаем, например, в афонских житиях святых. Более близким и непосредственным живым источником для французского писателя должен был быть единственный и несравненный Франциск Асизский. Его сердце горело всегда пламенной любовью и каждому, и чем ниже был его предмет, тем горячее чувство, тем смиреннее отношение. В мире нет равного обращения: «Братья мои волки».

Личная жизнь Ш. Дэрэнна меня не интересует, хотя он о ней говорит довольно много и искренне, поскольку это может делать писатель, перерабатывающий свою жизнь, как литературный сюжет. Гораздо более важен тот комплекс мироощущений, переживаний и чувств, который сделал из Дэрэнна писателя лирика и бытописателя животных. У него есть своя философия, которая, как у большинства очень чувствительных темпераментных людей, сводится к этике, на основании которой она и хочет строить свой мир. Наиболее ясно эта теория высказана им в последней книге *L'enfant dans l'herbe*, потому что он там впервые поставил на совершенно одну плоскость человека-ребенка и множество его друзей-зверей. Эта грань стирается тем лучше и для читателя, если даже принципиально он со взглядами автора и не согласен, благодаря детскому и что называется «несознательному» возрасту его человеческого героя. Конечно, как всякий лирик, Дэрэнн охотно делает отступления, вставляет свои теперешние мысли среди описаний детства; для него это тем легче, что собственно настоящего действия, фабулы, в книге нет, а есть рассказы, описания и медитации. Среди последних мы как раз и находим, часто в форме афоризмов, истинные воззрения автора. «*Regarde la vie en face et sois toujours lucide; ne prends jamais les cerisiers pour des poiriers*». (Смотри всегда жизни в глаза и будь ясен; не принимай никогда вишневого дерева за грушевое), говорит он как будто бы и в шуточной форме в конце рассказа о садовнике, который от чрезмерного употребления всяких горячительных напитков путал всегда свой сад и бранил последними словами непокорные деревья. Он утверждает, что мудрость своего детства он

воспринял от животных, что именно в глазах старой собаки он прочел следующую заповедь:

«Aime la lumière comme je l'aime, devrait elle bruler les yeux. Sois clair, soit net, soit propre. Porte ton armure à l'intérieure et des sourires sur ton visage (люби свет, как я люблю тебя, если он даже выжжет твои глаза. Будь светел, ясен и чист. Носи твою броню внутри и улыбки на твоём лице). Я не могу ничем формально доказать связи этих последних слов с одним отрывком из произведений Блока, но при первом же чтении у меня зазвучали строфы из песни Гаэтана:

«Метъ свои крепкие латы
Знаком креста на груди».

Если позволительно делать предположения, то я тут же строю воздушную гипотезу, что, очевидно, сходство духовных основ обоих писателей привело их к одному и тому же более древнему источнику, из которого они оба и черпали. Но это лишь замечание, брошенное мимоходом и сделанное скорее для себя, чем для других. Но перевернем еще несколько страниц этой душистой книги и тогда среди описаний замечательного аквариума, который автор сделал с отцом, и первой детской, но уже большой любви мы прочтем на двух строчках огромное по своим моральным размерам завещание:

«Il n'est de bonheur que lorsqu'on situe son plaisir en quelque chose ou quelqu'un».

(Нет счастья помимо того наслаждения, которое мы обращаем на что-нибудь или на кого-нибудь). Говоря более распространено, это ведь полное отрицание эгоизма без самобичевания и лишенное аскетизма. Это полнота счастья от лицезрения и ощущения наслаждений окружающих. Кроме того, это любовь не только к дальнему и недостижимому, к которому мы так охотно все горим нежнейшими чувствами, но и к самому близкому, надоедающему нам каждый день. Знаменательно, что Дэрэнн считает возможным вкладывать наслаждение-любовь не только в кого-то, но и во что-то. В этом как раз проявляется его свойство не возвышать человека над остальным миром и вера в полное равенство. Из этого же вытекает и его сознание долга человека перед природой и Богом. Так же, как в «l'enfant dans l'herbe» он сравнивает, кто и что, как возможные цели и средства жизни, так в «Vie de grillon» он видит одновременно долг и бессмертие человека в одинаковой мере в творчестве кого или чего.

«Quand un individu humain, corps et âme, ne se survit point en des enfants bien portants ou dans des oeuvres durables, ce n'est que par une incompréhensible indulgence de la Nature ou de Dieu qu'il a vécu».

(Когда человеческий индивидуум, душа и тело, не переживает себя в здоровых детях или в непреходящих творениях, то он существовал лишь по непонятной снисходительности Природы или Бога).

Так мы подходим все ближе и ближе к ядру тех четырех книг Ш. Дэрэнна, которые привлекли наше внимание своей оригинальностью и большим сердцем. По моим некоторым замечаниям о чувствах и сердце читатель мог бы, пожалуй, заподозрить Ш. Дэрэнна в некоторой сентиментальности, что было бы, однако, абсолютно ложно. Его подход к животным тождественен с подходом к человеку, равный к равному. Очевидно, он сам чувствовал возможность таких подозрений, а потому в предисловии к книге о кошках «*Emile et les autres*», он обороняется, как от такого мнения, так и от тех сотен женщин, которые ему пишут письма о своих собачках и о своих кошечках. Он не хочет иметь ничего общего с этими слезливыми и слюнявыми вздохами старых дев, унижающих одинаково и человеческий и звериный род. Люди этого типа принадлежат, ведь, к первой категории, о которой я писала вначале, они бы хотели в животном видеть часто себя, подчинить его своим требованиям и вкусам, привить ему свой микроскопический ум. Призывая к иному пониманию и иному отношению, Дэрэнн прямо обращается и ссылается на Франциска Ассизского. В той же книге «*Emile et les autres*», о предисловии которой я говорила, он пишет:

«Il faut comprendre ce que le pauvre des pauvres appelait: l'adorable sainteté des Bêtes. Les bêtes ont leur sainteté, que je nommerai moins dévotement leur dignité. Mais qu'est la dignité d'un animal domestique (oh, non pas sa faute, encore une fois), à côté de celle d'une bête sauvage? C'est à l'état sauvage que doivent, des ans et des ans, ceux qui prétendent chérir leur frères inférieurs, les observer».

(Нужно понять, то, что нищий из нищих называл божественной святостью животных. У животных есть их святость, которую я назову менее благоговейно их достоинством. Но что такое достоинство домашнего животного (о, не по его вине, повторяю снова, по сравнению с диким зверем? Именно в диком состоянии, те, что по их словам, любят своих младших братьев, должны года и года наблюдать их).

Следовательно, самое состояние животного в положении домашнего раба кажется неестественным. Но чтобы не было недоразумений — он не против культуры, не за то, чтобы сразу выпустить всех животных на свободу, нет, теперь это было бы их гибелью. А за то, что для понимания истинного характера животного его нужно изучать и наблюдать на свободе. В конце концов, эта мысль не так нова, ведь, каждый пони-

мает, что лев в клетке зоологического сада и лев в пустыне — два различных существа. И, однако, домашним животным, особенно котам, Ш. Дэрэнн посвятил целую книгу. Возникло это по нескольким причинам — коты самые близкие и притом самые самостоятельные, независимые из домашних животных, автор имел с ними непосредственные сношения в течение целой своей жизни, с самого детства их судьба постоянно смешивалась с его. Но, кроме всего этого, он их любил и любит большой привязанностью. Он стоит за дружбу с такими животными, как коты и собаки, если человек способен, то и с более отдаленными и менее обычными, но всей душой он противится против дрессировки, привития человеческого разума и привычек четвероногим.

«Je n'aime pas le mot apprivoiser — пишет он в книге: «La chauve souris» — il n'est qu'une preuve nouvelle de notre incurable anthropomorphisme, de notre tendance irrimédiable à nous prendre pour les rois de la création, à nous considérer comme le centre de l'univers terrestre, solaire ou même stellaire, à ramener tout à nous, qui ne représentons qu'un échelon de l'échelle sans commencement ni fin».

(Я не люблю слово приручать; оно ничто иное, как новое доказательство нашего неизлечимого антропоморфизма, нашей безнадежной тенденции принимать самих себя за венец творения, смотреть на себя, как на центр земной, солнечной и даже звездной системы, все приводить к себе, во все время, как мы представляем из себя лишь одну ступень великой лестницы без начала и конца»).

Последние слова предшествовавшей цитаты служат ключом к пониманию взглядов Дэрэнна на положение человека среди вселенной. По некоторым замечаниям, разбросанным по его книгам, видно, что он человек религиозный. Несмотря на то, что он нигде не формулирует своего понятия о Боге, можно смело утверждать, что он расплывчатый деист, что он верит в личное бессмертие души, но не только для человека, но и для животного. Не даром же он говорит с такой ласковой улыбкой о зверином рае. Его религиозность заключается в смирении и в безметежном взгляде на жизнь; как у всех людей, много знающих и понявших, налетает иногда легкий налет грусти. В жизни, как и в искусстве, часто бывает важно, как человек смотрит, а не на что смотрит, от этого зависит и то, что он увидит. То благоволение к самым незначительным мелочам жизни, которые мы можем наблюдать, например, у старых английских романистов, часто пробивается и у Дэрэнна в особенности в описаниях. Можно найти прекраснейшие описания простой деревенской жизни, отраженной в глазах ребенка в «Enfant dans l'herbe», лирические миниатюры с описанием Парижа, его закатов, встреч на его улицах, ве-

черов в его домах в «Emile et les autres» и «La chauve souris». В таких местах философ тесно сплетается с поэтом. Ясно, однако, что если в мире все важно до последней букашки, до последней травинки, до луча угасающего солнца, то царь природы человек становится менее важным и значительным. Он одна из ступеней бесконечной лестницы и его совершенства скорее воображаемы, его сходство с идеальным существом далеко не так разительно, как он привык это думать. В «Emile et les autres» мы можем прочесть на этот счет точное воззрение Ш. Дэрэнна.

«Ils me choquent encore de ce fait qu'ils semblent ériger l'espèce humaine, dans une solitude orgueilleuse (et imaginaire) en face de tous les autres êtres qui naissent, respirent et meurent, en face de cet *omne genus animantium* auquel, de le début de son poème Lucrèce reconnaissait plus lucidement tant de consanguinité avec les créatures exceptionnelles que nous ne sommes qu'en apparence ou par la vertu d'une superbe, mais bien puérile illusion».

(«Меня шокирует этот факт еще потому, что он стремится выделить человеческий род в гордое (и воображаемое) одиночество в противовес всем остальным существам, которые рождаются, дышат и умирают, в противовес этому *omne genus animantium*, у которого с самого начала своей поэмы Лукреций признает ясновидящим оком больше родства с исключительными существами, какими внешне или благодаря свойству высшего порядка, опасной и убийственной иллюзии, мы являемся»). Итак, наши совершенства, светлый ум, способный все разобирать, все различить, наконец, даже наша душа — все это иллюзия, если мы все эти свойства хотим приписывать лишь себе, отрицая их вполне у остальных существ. Следовательно, если объект приблизительно одинаков, то и изучение его должно идти одними и теми же путями, варьируясь лишь от случая к случаю, так сказать, индивидуально. В то время, как обычные естествоиспытатели изучают обычно род, породу, Ш. Дэрэнн преимущественно останавливается на индивидуумах. Вернее будет, что ко всем общим чертам он старательно и любовно добавляет частности, которые обычно игнорируются или обычно признаются неважными. Этим методом написана его книга «Emile et les autres», где дан целый ряд художественных биографий котов и кошек, нелишенных, однако, обобщающих выводов; почти так же сделана и другая его книга «La chauve souris», где разобрана история жизни многих летучих мышей, наблюдаемых, как на свободе, так и на более узком пространстве чердаков и темных дыр. Однако, эту индивидуализацию Ш. Дэрэнн не доводит до абсурда и сам первый сознает необходимость указать ее предел. Так, говоря о насекомых и, в частности, о кузнечике,

он прямо указывает на полное почти отсутствие личности у этого героя целой своей книги. И однако, он сумел представить себе, как одно существо, все эти миллионы маленьких существ, прыгающих и бегающих в сухую осень в полях. Как он рассказывает сам, его мечтой с самой юности было написать обширную биографию своего шестиногого друга. Этой книгой он начал ряд своих удивительных работ о животных, в ней же он дал в нескольких фразах характеристику своего метода в работе.

«Mon soin, à rebours de la plupart de historiographes de bêtes, n'a même pas été de nous regarder et de nous comprendre à travers elles, mais de tâcher, — ce qui n'était pas si commode — à les voir telles qu'il est probable ou possible qu'elles se voient».

(«Мое стремление, в противовес большинству историографов животных, заключалось даже не в том, чтобы увидеть и понять нас самих через них, но постараться — что уже не так легко — увидеть их такими, какими по всей вероятности они могут видеть самих себя»). Итак, значит, полное уничтожение человеческого превосходства и желание понять вместо так часто преждевременного желания объяснить. Чем дальше он шел по этому пути и чем больших результатов достигал, тем более он сбрасывал с себя проскальзывающее иногда желание очеловечить своих шестиногих и четвероногих друзей. Говоря о кузнечике он еще прибегает к драматическим приемам, к лирическим отступлениям, как бы говоря за него с своей человеческой точки зрения, но уже описывая жизнь летучей мыши, зеленой лягушки и котов, он сумел стать любящим и спокойным наблюдателем. Рассказ о детстве достигает совершенства, ибо здесь смешивается в одной плоскости много жизней детских, взрослых, звериных и веточных.

Язык Ш. Дэрэнна чист, поэтичен и спокоен, без изломов. Это тот традиционный язык, которым по праву так гордятся французы. На самых высоких и опасных местах он находит соответствующее слово, простое для выражения сложных чувств.

Н. Мельникова-Папоушек.

Из области книжного дела.

Вместо введения. Два слова о библиологической психологии и библиопсихологической точке зрения на литературу и на книжное дело вообще.

Предполагая говорить о разных явлениях в области книжного дела, в том числе и о книгах с библиопсихологической точки зрения, считаем полезным сказать несколько слов о том, что такое библиопсихологический подход к ним.

Прежде всего, нужно ли пояснять, сколь обширно это понятие «книжного дела», обнимающее собой и творческий труд писателя, и работу переводчика, и издателя, и типографщика, и наборщика, и переплетчика, и книгопродавца, и библиотекаря, и педагога, и студента, и читателя вообще? И нужно ли доказывать, что все эти профессии, обуславливающие и создание, и круговращение, и влияние всякой книги, всякого произведения печати, имеют психические особенности, которые и оставляют свой отпечаток, как на качественной, так и на количественной стороне литературы, без которой, в сущности, ныне совершенно немыслима и неосуществима культура и цивилизация. Изучать книжное дело с точки зрения психических явлений, т. е. со стороны психологии как социального коллектива, так и индивида, — это тоже самое, что изучать психический фактор цивилизации и культуры, неотделимый по существу от всех других факторов, их создающих, — фактор, ими обусловленный, но и их обуславливающий в свою очередь. И изучать его влияние не путем одних общих рассуждений и философских и публицистических умозаключений (которые, разумеется, тоже имеют свой *raison d'être*), а путем научно-организованных исследований, экспериментов, статистических анкет и вычислений, на них основанных и опирающихся на теорию вероятностей. Книжное дело, все области его, ныне, по большей части, *обслуживаемые*, а не изучаемые научно, могут и должны стать объектами точного знания, идеалом которого является естествознание и ма-

тематика. Эти дисциплины и дают (а отчасти уже и дали) возможность подвести прочный и объективный фундамент под так наз. «теорию литературы», разумеется, отнюдь не отнимая даже у самого субъективного и пристрастного критика, публициста, общественного деятеля вполне естественного права их по своему реагировать на любое явление литературы.

Но есть реакция и реакция. Современная научная психология стремится, в целях наивозможно объективного изучения психических явлений, исследовать их не только путем самонаблюдений, всегда односторонних и трудно поддающихся точному выражению, а и путем изучения *реакций* исследуемого субъекта (или коллектива) на определенные раздражения. Учение о рефлексах вообще и об условных рефлексах (по терминологии ак. И. П. Павлова) в особенности дает возможность поставить изучение реакции вполне научно. Индивидуальные особенности, в реакциях наблюдаемые, уже свидетельствуют об особенностях индивида и коллектива. Сравнительно изучение этих особенностей дает возможность определить не только средний уровень, но и амплитуды их, то есть, отклонения от среднего уровня. Если методы науки дадут возможность исследователю выражать не только качественную, но и количественную сторону любого отклонения от среднего уровня, — мы получим возможность сравнивать между собой не только изучаемые нами объекты, но и применять тот же метод и к сравнению субъектов, в том числе и самих исследователей. Как ни реагируй такой-то индивид на такое-то внешнее раздражение, мы, если только знаем размеры его амплитуды, т. е. отклонения его от среднего уровня, всегда сможем принять эту его особенность в расчет при нашей характеристике его, иначе говоря, мы сможем внести в ход наших исследований *поправку на наблюдателя*.

Применим теперь те же принципы к изучению психических явлений в области книжного дела и литературы и решим раз навсегда, что эти последние — не только явления *культуры*, но вместе с тем и явления *природы*. Читатель, читающий книгу, есть не что иное, как такой-то психо-физический организм, получающий, в определенных условиях места и времени, такие-то раздражения, обусловленные качественной и количественной стороной того прибора (источника раздражения), который называется книгой. Каждая фраза, каждое слово книги, каждая буква ее есть не что иное, как раздражитель или возбудитель некоторого (очень сложного) комплекса психических явлений, совокупность которых и называется процессом чтения. Такой-то читатель реагирует на такие-то возбуждения, в нем произведенные фразами, словами и буквами читаемой книги, в зависимости от тех запасов его памяти, или следов, оставленных в его нервной системе в те-

чение всей его жизни (мнема¹⁾ индивидуальная и социальная), а также следов, переданных путем наследственности (мнема наследственная). Отсюда вывод: читатель есть не иное что, как *мнема* читателя, а качественная и количественная сторона всякой читательской мнемы зависит от особенностей вида, от свойств социального коллектива и от индивидуальной жизни данного субъекта. Изучать явления читательства с библио-психологической точки зрения — это значит изучать происхождение, нарастание и эволюцию читательской мнемы и ее реагирования на возбуждающие влияния разных книг, фраз, слов, букв, причем читательские реакции, совершаясь, во времени, бывают различны в разные моменты, и их можно классифицировать по скорости и продолжительности, а также и по напряженности и т. д. Изучая реакции разных читателей на разные тексты, мы можем установить с достаточной точностью понятие «среднего читателя» (такой-то книги, такого-то автора, такого-то отдела литературы, такой-то расы, национальности, общественного класса, пола, возраста и т. д.). А изучая отклонения отдельных читателей от среднего уровня, мы можем вводить в наши суждения о любом читателе объективно выраженную *поправку на читателя*, поправку на высказываемые им мнения, путем сравнения их с средним уровнем. Оставляя за ним право на любую субъективность мнений, мы получаем возможность судить о сравнительной амплитуде их. Таким образом, любое субъективное мнение можно оценивать объективно, как определенное отклонение от среднего уровня. Применяя те же методы к изучению многих читателей, толпы, составляющейся из них, и воздействия их одного на другого, мы получаем возможность изучать любой коллектив как массовое явление, массового читателя. А сравнительное изучение коллективов в разные моменты их существования дает возможность изучать эволюцию читателя, а значит и эволюцию книжных влияний, и эволюцию общественного мнения, и эволюцию мысли, образованности и т. д., и т. д.

Все вышеизложенное неизбежно приводит к особой библио-психологической и библио-социологической точке зрения на книгу, на книжное содержание и на авторский труд. Что такое книга? С физической точки зрения, это — *вещь* статически существующая, — страницы, покрытые теми или иными значками (письменами). Правда, если мы видим эти значки, эти завитушки и палочки, мы испытываем, благодаря им, некоторые зрительные ощущения. Но одно дело — эти завитушки, значки, и совсем другое дело письмена собственно. До

¹⁾ Термины *мнема* введен в науку Р. Семоном в его трудах «Die Mneme» и «Die mnemischen Empfindungen» для обозначения совокупности всех следов пережитого.

Шамполиона египетские иероглифы были для нас не письмами, а рисунками. Тоже и клинообразные письма ассирийцев до Лейарда и Роулинсона. Звуки незнакомой речи — для нас тоже только звуки, а не речь. Отсюда вывод: содержание книги не есть книга-вещь, со всеми ее значками и завитушками. Содержание книги есть явление *психическое*, а не физическое. А так как особенность всякого психического явления состоит в том, что оно совершается во времени, то и содержание книги мы должны представлять себе, как нечто текучее, изменяющееся и изменчивое: на содержание всякой книги мы должны смотреть не иначе, как на явление динамическое. Иначе сказать, содержание книги постепенно изменяется, неизменными же остаются только письма, как явления физические, а вовсе не то, что ими возбуждается, и что мы называем явлением психическим.

Вдумавшись в такой вывод, мы не можем не изменить обычно-распространенных взглядов на книгу. Раз она дана нам тем или иным писателем в таком-то, так сказать, кристаллизованном виде, — это значит, мы только в этом виде и принимаем ее от него. Перед нами уже нет автора, а есть только созданный им и на нас действующий снаряд. Оставим пока автора в стороне и станем исследовать читателей его книги. Всякому известно, что сколько голов, столько умов. Сколько читателей, столько и мнений об одной и той же книге. При этом все читательские мнения бывают различны, в зависимости от бесконечно большого числа самых разнообразных факторов: его образованности и возраста, пола, расы, профессии, общественного класса, его темперамента, характера, склада ума, преобладающих и наиболее легко возбудимых в нем чувств, страстей, эмоций и настроений, его хотений, стремлений, и желаний, его экономического, юридического и вообще социального положения, далее — исторического момента, когда он читает данную книгу и т. д., и т. д. Всякое читательское мнение есть функция очень многих переменных. Поэтому, естественно, что на наш вопрос: «каково содержание такой-то книги?», каждый читатель дает ответ в зависимости от всех сейчас перечисленных его особенностей, его «переменных». Иначе сказать, от особенностей его наследственной, социальной и индивидуальной мнемы в условиях данного места и времени. Мнение двух или нескольких читателей могут быть сходны лишь постольку, *поскольку сходны их мнемы*. Иначе сказать, сходство их мнений о содержании данной книги зависит прежде всего от сходства читательских мнем, и этим-то сходством оно и объясняется. Сама же книга не есть передатчик, а лишь возбудитель психических явлений в мнеме читателей (закон В. Гумбольта—А. Поттебни, один из основных законов библиопсихологии). Центр тяжести всего вопроса о том, что такое

«содержание книги», таким образом, переносится из книги в читателя, в социальный коллектив, в его историю, вплоть до истории биологической. Содержание книги отрывается от завитков и черточек, называемых буквами. Статика уступает место динамике. Мнения о «содержании такой-то книги», высказываемые такими-то критиками, рецензентами, комментаторами, исследователями и т. п., перестают быть характеристиками тех литературных произведений, о которых они высказаны, их нужно считать характерными для тех, кто их высказал, — а этих последних мы можем понимать и оценивать наиболее объективно лишь при одном условии, а именно: делая поправку на них, подобно тому, как знаменитый астроном Бессель делал поправку на самого себя, сравнивая свою индивидуальность с индивидуальностью своего сотрудника Аргеландера.

Но ведь если так изменяется наше понимание того, что такое «содержание книги», и если мы приходим к выводу, что содержание книги — это тоже, что читатель ее, то перестраивается и наш взгляд на историю литературы, и на ее роль. В историю литературы, в историю авторов и их произведений неизбежно вдвигается история *читательства*, история читательских реакций на разные произведения и на разных авторов в условиях данного места и данного времени. Требуется пересмотра и обычный способ огромного большинства авторов относиться к своему литературному труду. Литература есть явление *социальное*, а литературное произведение — раз оно предназначается для печати — не есть личный дневник, который пишется не для читателей. Если автор пишет для других, то ему нельзя не поставить такого вопроса: дойдут или не дойдут по адресу такие-то его мысли, чувства, стремления, идеалы, мечты, знания и рассуждения; и если да, то по какому? Тут перед нами одно из печальнейших явлений литературы всех времен и народов: огромное большинство книг, в том числе величайшие создания человеческого гения, обыкновенно не доходят по адресу. Не доходят не только произведения переловых мыслителей, обогнавших свой век на несколько столетий, но даже и школьные учебники и популярные книги, летящие над читательскими головами, и произведения публицистов, не поддакивающих толпе, не мирящихся со стадностью человеческою, а честно не боящихся плыть против течения; не доходит бесконечно много светлого, бесконечно много глубокого, высокого и искреннего. И не доходит только потому, что судьба всякой книги решается не добрыми намерениями и качествами ее автора, а читательскими мнелами и их качествами. Судьбою книг заведуют *типы* читательских мнем, во-первых, психические, во-вторых, социальные, и *процент* этих типов в каждом поколении человечества. А так как каждое

поколение каждой страны всегда составляется из разного процента разных психических и социальных типов, то, в зависимости от этого, изменяется и успех и неуспех того или иного писателя, его произведения, и т. д. Пусть автор творит даже не считаясь с тем, что, когда и как будут его читать. Дело не в субъективном ощущении, а в объективном круговращении его творений. И здесь он уже не господин своего собственного творчества. Вышесказанным объясняются такие факты, что Шекспира или «не понимали» или переделывали на псевдо-классический лад в течение нескольких столетий; что из Аристотеля вычитывали то, что кому нужно; что о Льве Толстом на одном только русском языке существует 15 тысяч статей и книг; что комментаторов Библии еще того больше; что европейцы, не имея соответственной мнемы, неспособны понимать Веды так, как их понимают индусы, и т. д., и т. д. Вся история литературы с библио-психологической точки зрения приобретает совершенно иную оценку, и книжный поток, текущий от самого появления азбуки до наших дней, представляется в совсем ином свете, а каждый критик и комментатор, полагающий, что «только один и понял вполне правильно такого-то автора и ухватил самую суть его», — все же прочие «не сумели» понять его правильно, начинает казаться не только самомнящим, но и смешным. Читатель понимает писателя (как и писатель читателя) только при условии наибольшего сходства их мнем (наследственной, социальной и индивидуальной). В этом и состоит второй основной закон библио-психологии, — закон Эмиля Геннекена. Поскольку сходны мнемы, постольку сходны и понимания, и постольку читатель приближается к писателю, а писатель становится выразителем читателя. От этого и зависит успех или неуспех авторов и их произведений, любовь или нелюбовь к ним, похвала или ругань по их адресу и полемики всех сортов и амплитуд. У каждой книги, у каждого автора имеется поэтому своя особая диаспора (область рассеяния) в пространстве и во времени, причем всякая диаспора представляет, в свою очередь явление динамическое, а не статическое. И даже более того: всякая диаспора органически и естественно *противится* ее превращению в нечто статическое, например, превращение при помощи строгой цензуры, или путем навязывания различным мнемам несвойственных им идей, чувств и стремлений: старая истина о терпимости, о свободе печати и о праве всех людей на нее, равно как и всем известные нелепости цензуры, находит свой органический фундамент в том же библио-психологическом законе о примате мнемы: книги, фабриковавшиеся царизмом для распространения царистских тенденций, как известно, в конце концов стали действовать против царизма; книги, навязывавшиеся православным духовенством для опровержения штундизма, тоже

стали действовать против православия, и помогли успехам штундизма. Поэтому нельзя не прийти к выводу, что библио-психологический метод, ставящий во главу угла изучение читательских мнений, в зависимости от этого рассматривающий авторскую работу, как работу *социальную*, представляет собой величайшую и до сих пор не использованную силу. Ныне, как известно, педагог, составляя учебники для школьников, принимает в расчет не их, а *свою* психологию; профессор, принимаясь за составление «популярных» книжек, называет «популярными» такие книги, каких не понимает не только рабочий и крестьянин, а даже и гимназист и студент, и т. д. Библио-психология ставит и стремится ответить на такие вопросы: как сделать так, чтобы писания автора, (его идеи, эмоции, стремления) доходили бы по адресу, и не только по адресу избранных, а и по адресу всех. Как сделать действительно научную книгу — книгою всеми понимаемой? Как книгу отвлеченную ввести в сознание людей очень конкретно мыслящих? Как книгою, полною рассуждений, заинтересовать людей чувства и людей практического дела? и т. д., и т. д. Вот вопросы громадного жизненного значения. На них необходим ответ определенный и научно-точный.

Но не следует ли из всего сказанного, что «у книги нет никакого содержания»? Прежде всего, что называется «содержанием книги», если не то, что в книгу вкладывает «читатель»? Не то ли, что вложил в нее автор? Но авторы постоянно жалуются, что они не в силах вложить в свое произведение всего того, что им хотелось бы туда вложить. Кто не знает специфически авторского явления, называемого «муками слова». Но даже и частичку его, какую все-таки удастся автору как-будто бы вложить в его произведение, воспринимает ли читатель? Из того, что нами сказано выше, уже следует, что понимание такого-то автора читателем зависит от сходства их мнений. Но так как тождественно сходных мнений не только нет, но и быть не может, то читательское понимание, в сущности, есть ничто иное как не-понимание, более или менее ярко выраженное. Отсюда следует, что то, что вложено автором в его произведение доступно читателям только отчасти, всегда отчасти, и «содержание» произведения приходится рассматривать как математический предел читательского понимания, реально никогда не достигаемый. Поясним это путем изучения самого процесса чтения. Экспериментальные исследования этого процесса раскрыли поразительные явления, характеризующие всё несовершенство и все отрицательные стороны того, что называется «чтением книг». В каждом читателе любой фразы некоторые слова ее не достигают его сознания, что объясняется самым механизмом внимания: оно перескакивает через них не только сознательно, но чаще всего и не произвольно, и бессознательно.

На месте таких перескоков, точнее сказать провалов, получаются пробелы, а в результате этого, произведение автора «познается», постольку, поскольку его слова и фразы дошли до внимания. Но ведь доходит лишь некоторый процент того, что дошло бы до того же самого читателя, если не было бы таких перескоков внимания. И вот читатель строит проекцию читаемой им книги по тем обломкам ее, какие ему удалось подхватить. Но он ее именно *строит*, а свою постройку приписывает не себе, а *автору*. Таким образом, чтение есть перескакивание, а не плавное восприятие слова за словом, фразы за фразой. Чтение есть процесс творческий, активный, а не пассивный, причем творчество читателя всегда идет более или менее не в том направлении, как кристаллизовалось оно в произведении автора. Кое что замеченное служит читателю материалом для такого творчества, а творчество тем дальше от авторского, чем более различны наши мнемы, и чем несовершеннее наши знания, умственное развитие и т. д. При чтении не совпадают наши понимания даже отдельных слов, даже самых обыкновенных (например, слово «собака», вовсе не одинаковые психические явления возбуждает в зоологе, в охотнике, пастухе и в старой деде, любящей своих «кадошек и амишек»). В любое слово может быть вложен любой смысл. У каждого слова бесконечно много разных смыслов. Поэтому смысл слова — явление тоже динамическое, а не статическое. Механизмом метафор организуется наше непонимание и сводятся часто на нет все законы логики. Еще большую роль в деле искажения даже тех слов, которые одинаково переживаются в случае сходства мнем, играют эмоции, чувства. Люди одних и тех же взглядов и одного и того же уровня знаний перестают понимать не только друг друга, но даже одни и те же слова, даже самые обыкновенные, если в этих людях почему-либо возникают и начинают господствовать *различные* и разнородные эмоции, и обратно. Это значит, что обоюдное понимание (и не-понимание) зависит не в меньшей, если только не в большей степени от сходства эмоций, а не от интеллекта. Чем выше личность автора, тем более чужды его эмоции читающей толпе, и тем непонятнее автор для этой последней. Роль всякого автора, в сущности, сводится к выбору того или иного количества слов и к их комбинированию и расстановке таким образом, чтобы они напоминали читателю те или иные реальности, причем каждый читатель считает реальностью, главным образом, то, что испытано им самим, а не кем другим. И выбор, и число выбранных слов, и их расстановка, в таких, а не иных последовательностях и отношениях бывают различны у разных авторов и в разных книгах. Отсюда несходства авторов и книг. Характеризовать автора — это значит изучать психологию выбора слов, их количество, их расстановку им практикуемую, в

зависимости от их действия на читателей разных психических, социальных и других типов. Но ведь каждое выбранное слово понимается читателем в зависимости от его мнемы. Тоже и отношения между словами. Выбираемые автором слова можно классифицировать по их действию на мнему наследственную, социальную и индивидуальную. От этого зависит напряженность их действия на читателя, а также и радиусы их действия: слово понятное для мнемы индивидуальной, не может действовать столь же сильно, на многих, на массового читателя. Напротив, слова, возбуждающие прирожденные нам инстинкты (мнему наследственную), способствуют массовому пониманию и его сходству. Эмоциональные тона нашей речи лучше понимаются, чем содержание слов потому, что они ближе к наследственной мнеме, чем идеи. Труд крупного автора сводится к подбору слов в минимальном количестве, но максимально воздействующих на наибольший процент читателей. Социальная мнема нивелирует читательское понимание, как и наследственная, а мнема индивидуальная относит наше понимание от наследственного и социального. Психология выбора и расстановка слов, максимально действующих на чужое Я, — это и есть психология авторства. Затем перед нами проблема чужого я, как основа взаимного понимания читателя и писателя: между читательскими и писательскими Я, в сущности, пропасть, пока еще невыясненная в достаточной степени. Быть может, исследование таких явлений, как интуиция, телепатия, «биологические лучи», психическая или нервная энергия и т. п. прольют в будущем много света на самые глубокие этапы подсознания читателя и автора. Во всяком случае, оставаясь на строго позитивной точке зрения, все такие явления отнюдь не приходится выбрасывать за пределы библиопсихологического изучения книжного дела. Но нельзя и принимать их в том освещении, которое не научно по существу.

Теперь мы можем ответить и на вопрос: имеет ли книга какое-нибудь содержание кроме того, какое вкладывает в нее читатель? Наш ответ на этот вопрос может быть только таким: книжное содержание есть функция читателя. У книги столько же «содержаний», сколько у нее читателей. Если читатель равняется нулю (т. е. если книгу никто не читает), то и содержания у книги не существует вовсе и не будет существовать до тех пор, пока у нее не явится какой-нибудь читатель, а в таком случае он и вложит (а то и опишет) ее содержание так, как это позволит сделать ему его мнема. Но содержание книги, так построенное читателем, зависит не только от него, а и от автора, мнемою которого обуславливается, как мы сейчас сказали и выборы слов, количество, и расстановка их, и т. д., и их большее или меньшее соответствие с наследственной, социальной и индивидуальной мнемой чита-

теля. Этим путем автор всегда имеет возможность возбуждать в чужом Я читателя те явления, какие максимально сходны с явлениями, происходящими в Я писателя. В какой же именно степени способна та или иная книга и автор в этом смысле воздействовать на какого читателя? Вот вопрос, который и подлежит библио-психологическому изучению.

С этой точки зрения мы и намерены говорить об отдельных книгах и их авторах в наших следующих статьях.

Н. А. РУБАКИН.

Переводная литература.

Клод Фаррер. О б р е ч е н н ы е. Фантастический роман. Изд. «Петроград». 1925 г. стр. 191.

Роман Клода Фаррера переведен на все европейские языки и уже выходит вторым изданием на языке русском. Действие романа происходит в конце XX столетия, и самый роман написан как бы в 2130 году. Но под фантастическим покровом ставятся и освещаются «проклятые» вопросы современной жизни, вопросы о том, во что превратится классовая борьба, если капитализм одержит, при использовании могущественной техники, окончательную победу над рабочим классом. В романе рисуются яркие сцены замены живого человеческого труда «механическими руками» мертвых машин. «Механические руки» разбивают в руках рабочих их страшное оружие — стачки. «Двенадцать тысяч машин, изобретенных одним единственным умом, сразу поднялись на поле битвы. И сразу было покончено с ста сорока тысячами человеческих жизней, физические усилия которых окончились безрезультатной вспышкой. Нулем». (Стр. 141). При наличии в руках капиталистов фантастических Н-лучей всякая попытка объявить войну капитализму кончается полным истреблением восставших. Клод Фаррер, как и Джек Лондон в «Железной Пяте» раскрывает в своем романе перспективы беспощадного столкновения капитала и труда. Для него существуют только два пути: или гибель рабочего класса или гибель капитализма.

Джемс Уэлш. М о р л о к и. Роман. Изд. «Недра». 1925. Москва. 306 стр.

В «Машинке Времени» Г. Уэльса есть следующие строки: «На земле, наверху жили имущие, жили для наслаждения, комфорта, красоты, а внизу, под землей — неимущие. «Морлоки» — вот имя, которым назывались эти создания». Автор романа «Морлоки» Джемс Уэлш, шотландский углекоп, член рабочей партии и вместе с тем и член парламента имел полное основание дать своему роману название «Морлоки». Он очень остро чувствует тяжкие стороны рабочего быта и ярко изображает в своем романе постоянную необеспеченность, изнурительный труд и мучительные поиски пропитания тем социальным слоем, который он обозначает словом «морлоки». И не только остро чувствует и пережи-

вает все тяготы трудовой жизни, но он и ищет выхода из тяжелых условий. В «Морлоках» Уэлш рисует всеобщую забастовку британских углекопов 20-х годов и попытки произвести революцию со стороны нелегальной революционной организации. Сам автор пугается тех разрушений, которые сопровождают революционные движения. По его мнению «страна не подготовлена, народ не созрел, время не настало», и главный герой романа Сидней Беррон отступает перед ужасами революции. Но симпатии автора к эволюционизму и реформизму не закрывают перед его глазами жажду переворота, назревшую в народных массах и не мешают ему создать живой образ Алана Ренни, мечтавшем когда-то об любви, непротivлeнию злу и справедливости, а теперь принявшем горячее участие в революционном восстании в местечке Блейнтар.

Пьер Бенуа. Властительница Ливана. Ленинград. Изд. Мысль, 1925 г. 206 стр.

В этом романе Пьер Бенуа выступает в роли обличителя современной системы колониальной политики Англии и Франции. Пред читателем проходят подвиги различных авантюристов и проходимцев, группирующихся около французской и английской контр-разведки. События протекают в Сирии, в Бейруте. Героиня романа, она же и «властительница Ливана» — графиня Орлова, незаконорожденная дочь, а потом и жена графа Орлова. После смерти мужа графиня Орлова переселяется в Сирию и становится источником весьма полезных сведений, получаемых от своих поклонников и передаваемых ею и английской и французской контр-разведкам. Обе контр-разведки заискивают перед графиней, награждают её орденами и другими знаками отличия, а она за деньги сменяет своих поклонников и вместе с ними участвует в различных авантюрах. Закулисные деяния могущественных «колонизаторов» и внутреннее разложение английского и французского офицерства изображены довольно рельефно и основные черты современной системы колониальной политики выступают достаточно отчетливо.

Карин Михаэлис. Семь сестер. Роман. Москва 1925 г. стр. 232.

Датская писательница Карина Михаэлис уже известна русскому читателю по роману, вызвавшему лет пятнадцать тому назад сенсацию в Европе. Мы говорим о романе «Опасный возраст». Настоящий роман посвящен тоже женской доле, современному буржуазному браку, обрекающему всякую женщину на унылое и холодное одиночество. Талантливая романистка в форме писем между членами одной и той же семьи, — между семью сестрами, — выпукло обрисовывает семь главных основных женских типов средневропейского буржуазного общества. Семь сестер различаются друг от друга определенными чертами темперамента, характера и интеллектуального развития, но все они объединяются в общем переживании пустоты, бессмыслицы и безвкусицы выпавшей на их долю жизни. Одна из сестер замужем за профессором истории, другая — за доктором медицины, третья — за директором,

четвертая — вдова уездного судьи, пятая — опереточная певица, шестая — повивальная бабка, седьмая — историк искусств. Занимая различные ступени социальной лестницы все семь сестер представляют по своим переживаниям кусок подлинной действительности, а история семи сестер является историей определенной социальной болезни, которая называется буржуазным браком.

Георг Герман. Г е н р и е т т а Я к о б и. Роман. Изд. «Петроград». 1925 г. стр. 252.

В Германии Георг Герман пользуется большой популярностью. Его широкая известность обязана двухтомному роману «История Метхен Геберт», выдержавшему свыше 30 изданий менее, чем за 20 лет. Первая часть этого романа — «Барышня Геберт» — уже имеется в русском переводе. Вторая часть — «Генриетта Якоби» — представляет продолжение этого романа и на русском языке является впервые. Роман «Барышня Геберт» заканчивается тайным бегством Метхен с свадебного обеда после того, как она позволила обвенчать себя с нелюбимым человеком. Барышня Гебер, превратившаяся в Генриетту Якоби, героиня настоящего романа, продолжает упорно вести борьбу против семьи и судьбы. Автор гуманист и общественник, отчетливо сознающий кризис старой культуры. Его роман относится к эпохе «до мартовской», до-реформенной Германии 1815—1848 гг., но по-существу насыщен современностью. Вечно старая и в то же время вечно новая история порывов человеческого духа к свободе, самостоятельности и своеобразию и трагическое столкновение этих порывов с старым сложившимся бытом вообще и старой семьей в частности — нашли художественное воплощение в романе Георга Германа, а своеобразное покорно-примиренное отношение автора к неизбежности всего совершающегося кладет своеобразный отпечаток на его творчество. «Примем минувшее и настоящее за то, что оно есть. За игру, печальную или красивую..., но все же только игру, смысла которой мы не знаем». Такими словами Георг Герман предворяет свою книгу.

Ролан Доржелес. П р о б у ж д е н и е м е р т в ы х. Роман. Москва. 1924 г.

«Неужели ненарушим закон, чтобы хищные народы набрасывались на более слабых, чем они? Неужели люди будут заниматься взаимной резней до скончания века? Неужели нет иного поприща кроме бойни, где человечество могло бы применить свою жажду опасностей, подвига, самоотвержения?»

Такими словами заканчивает свой роман молодой французский писатель, уже прежде, хотя только с 1919 г., обративший на себя внимание печати и публики двумя своими романами «Деревянные кресты» и «Св. Меглуарий». Автор нового романа принадлежит к числу тех писателей, которые свое огненное крещение получили в мировой войне и развернули свое дарование лишь по окончании ее. Доржелес изображает в своих произведениях жизнь своей страны. В своем романе «Пробуждение

мертвых» автор раскрывает пред читателем с большой степенью художественной выразительности общественные язвы современной Франции, а не тревоги и сомнения, которые переживались лучшими представителями французской нации в первые месяцы по окончании войны.

У. Джордж. В и к т о р и я Ф е л ь т о н. Роман, перев. с английского. Харьков, 1925 г. ст. 286.

«До тех пор, пока будет существовать такая экономическая система, при которой не будет работы для каждого человеческого существа — заметьте, работы по силам и возможности — пока существуют разные классы, пользующиеся роскошью за счет работы других — до тех пор будет существовать моя профессия». Так говорит в романе героиня романа Виктория, от напряженной борьбы с нищетой перешедшая, подобно тысячам девушек и женщин, к новой «профессии», к проституции. В романе вскрываются отрицательные стороны современного буржуазного общества с его лицемерием, неприкрытым цинизмом и бездушным отношением к человеческой жизни. Виктория отчетливо чувствует всю гниль современного общественного строя, которое «унижает, топчет в грязь женщину, замучивает её работой, иссушает ее мозг, вынуждает ее поступаться тем, что делает женщину достойной этого имени». Она еще не видит тех путей, которые привели бы к созданию новых общественных отношений, но картина развала устоев буржуазного общества, отражающихся на гибели наиболее слабых его членов четко стоит пред ее глазами и толкает к определенным выводам.

Дж. Гелсуорси. Ч е л о в е к - с о б с т в е н н и к. Роман. Пер. с английского. Изд. «Мосполиграф», 1924 г. стр. 314.

«Они действительно представляют половину Англии, лучшую и надежнейшую половину. Их благополучие и состояние служит основой существующего строя. Ими держится литература, искусство, наука и может быть, даже религия». Они — это класс собственников и приведенные выше слова принадлежат одному из представителей господствующих классов. Изображению властвующих классов выдающийся английский писатель Джон Гелсуорси посвятил уже несколько романов («Фарисей», «Поместье», «Братство», «Патриций» и др.). Три романа, объединенные по общим заглавием «Сага о Форситах», принадлежат по своему содержанию тоже к серии общественных романов. Первый роман этой серии — «Человек-собственник» объединен общей фабулой с другими романами той же серии: в них рассказывается жизнь и судьба семьи, воплощающей чаяния и жизненные успехи английской денежной буржуазии. — Типичные качества этого социального класса — культ здоровья, молчаливая гордость, выдержанность характера и упорство в достижении намеченной цели, открытое презрение ко всему идейному и суеверное преклонение пред собственностью и условными приличиями — все эти качества оказываются бессильными предохранить «собственников» и от семейных драм и от вторжения в традиционные формы условностей веяния нового духа свободы и красоты.

В. Архангельский.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

Сергей Ауслендер. Дни боевые. Повесть. Рисунки С. Герасимова. Стр. 172. п. 8^о мол. Новая детская библиотека. Средний и старший возраст. Москва, госизд. Год издания не указан. Цена 70 коп. 10.000 экз.

Известный беллетрист, долгое время не печатавший новых книг, несколько неожиданно написал повесть для подростков — агитационного характера. Его целью несомненно являлось возбудить ненависть в юном читателе к старому режиму и белому движению; внушить этому читателю любовь к революции и красным борцам. Своей цели он достиг. Книга, написанная простым хорошим языком, увлекательна по фабуле, а страстность ее не кажется подогретой и фальшивой. Не всякий даже свободомыслящий педагог решится, однако, столь ультра-политическую литературу давать читателям: такие книги формируют общественное миросозерцание уже в детском возрасте. Если же эту книгу и давать детям без желания делать из них «пионеров» и комсомольцев, то им, во всяком случае, нужно тогда показать и обратную сторону медали.

Мать героя рассказа погибла в белой тюрьме, там же расстреляли и многих дорогих ему людей, сам он не раз был на волосок от смерти. Но сколько других детей подверглись той же участи в «красных» тюрьмах — и не все отделались так дешево от опасностей. Ряд таких указаний при чтении книги педагог должен сделать. И поэтому полезно повесть Ауслендера выбирать для чтения в детских кружках, руководимых педагогами. Она вызовет оживленные разговоры и заставит поработать юные головы.

Ф. Р.

М. Борисоглебский. Святая пыль. Повесть. Стр. 195. Ленинград, 1925. Гос. Изд. 1 р. 25 к. 5.000 экз.

По словам автора, его повесть, рисуемая отрицательные стороны монастырского быта, основана «на действительных происшествиях и событиях», которых свидетелем отчасти был и он сам. В 1914—15 и 17—18 г ему пришлось по несколько месяцев прожить в одном из приуральских женских монастырей. «За сотни лет существования русской литературы монашество и монастыри имели чрезвычайно много адвокатов и пропагандистов, замечает автор, произведения же, хотя бы и в очень мягкой форме, касавшихся отрицательных сторон этого огромного явления, в нашей хронике были крайне редки. И поэтому я

не счел нужным распространяться о добродетелях — на мой взгляд эгонистических и пассивных». Упрек М. Борисоглебского русской литературе не заслужен. Отрицательные стороны монашеского быта хорошо известны, но намеки на это в печати проскальзывали иногда лишь в судебной хронике. В эпоху, когда даже творение крестного знамени на сцене считалось кощунством и возбранялось, темы об изнанке монашества, конечно, касаться не приходилось. Что тема эта становится очередной, видно из появления теперь ряда произведений, пытающихся ее осветить. Сошлемся хотя бы на повесть П. Сухотина в «Красной Новь» и в особенности на значительный и яркий роман И. Ф. Каллиникова, «Мощи». Его появление, конечно, станет литературным «событием».

В других обстоятельствах внимание к монастырскому быту было бы еще шире. Но гонения, коим подвергаются старые формы религиозной жизни, останавливают многих художников и летописцев сказать и свое слово: лежачего не бьют.

Мы лично не разделяем этой щепетильности. Слишком вредной была для народа уродливость удовлетворения им своих религиозных потребностей, чтобы в дни обновления закрывать глаза на язвы. Иные заподозрят автора в подслуживании пропаганде «безбожничества»: «святую пыль» мол история выметает сейчас «жесточкой рабочей метлой» и, конечно, такая политика нуждается в адвокатах. Но монашество осмеивали Боккачио в XIV веке, Рабле в XV и Вольтер в XVIII в. То, что Э. Сю, автор знаменитого романа «Вечный Жид», направленного против иезуитов, погиб от их мстительной руки — конечно, баснословная легенда, но для зарождения таких легенд — материал имелся. Пусть предки российских вольтерьянцев теперь впадают в мистику, — не следует с пристрастием относиться к мотивам художника, как мало занимают они нас, когда мы читаем романы Мельникова-Печерского, хотя он, как чиновник, и вел борьбу со старообрядчеством. Но, конечно, нужен и у художника известный такт, чувство меры. Вряд ли отвечает правде изображение монастырской жизни, как сплошной уголовщины и сплошного дикого разврата: в массе и грех принимает всегда более пошлые мелкие формы. Между тем так рисуют монашество названные художники... Повесть М. Борисоглебского к тому же посредственна в художественном отношении, примитивна по рисунку, несмотря на затейливость языка.

Однако, автор хорошо владеет фабулой. Действие развивается живо и только путанно написаны последние главы. У автора большое проникновение в души героев, особенно удался ему фигуры монашки Доры, о. Андрея и своеобразные отношения между ними.

Но если о достоинствах и недостатках повести можно спорить, то вряд ли можно отказать ей в «этнографическом» интересе.

Автор, повидимому, молод, писать стал недавно, но судя по другим его произведениям, подает «надежды».

Ф. Репейников

Акад. В. А. Стеклов. Вице-презид. Академии Наук СССР. В А м е р и к у и о б р а т н о. Впечатления. С рис. на отд. листах. Изд-во «Время». Ленинград, 1925 г. Стр. 146, in 8° 1 р. 25 к. 3.600 экз.

Книга посвящена описанию путешествия В. А. Стеклова в Америку для участия в Международном Математическом Конгрессе в Торонто (Канада). По окончании съезда членов его 3 недели возили по всей Канаде. По дороге из России и обратно пришлось В. А. Стеклову останавливаться в Лондоне, и в Париже, и в Нью-Йорке, в Чикаго и в др. городах. Он не только обстоятельно записывает свежие впечатления, но и припоминает прежние свои, довоенные наблюдения о Западе. Кое-где чувствуется особый интерес к материальному быту других, более богатых стран, обостренный у всех переживавших голод эпохи гражданской войны. Круг впечатлений чрезвычайно широк у В. А. Стеклова. Делится он ими просто, правдиво и занимательно. И пусть он, не обнаруживает того блестящего юмора, с которым описывал путешествие в Америку знаменитый физик Л. Больцман, читатель и над его описанием не заскушает, а расстанется с ним не без пользы для себя.

Любопытны встречи В. А. Стеклова с эмигрантами еще до военного времени. Между Торонто и Эдмонтоном его розыскали русские рабочие, самый молодой из которых покинул Россию 12 лет назад. Они разучились говорить по русски, некоторые обзавелись семьей уже в Канаде; двое стали домовладельцами, дети их совсем не понимают по русски, но они заявили, «что они никак не могут привыкнуть к американской жизни, что чувствуют себя здесь чужими, что постоянно вспоминают Россию и, мечтают и думают о том, как бы вернуться на родину». На мой вопрос, пишет далее В. А. Стеклов, не является ли причиной их неудовольствия, недостаточное по их мнению обеспечение (минимум 50 дол. в неделю) или чрезмерно утомительный труд, они в один голос ответили, «что получаемое содержание они считают вполне удовлетворительным, думают, что в России им не получить и половины того, что они могут заработать в Канаде, что работа не тяжела и, несмотря на все это тоскуют по родине. Перед отходом поезда, при прощании они в один голос твердили: Кланяйтесь России». На мой вопрос: «Кому же? так как они уже раньше сообщили мне, что ни у одного из них в России не осталось никого из родных и близких, они отвечали: «Так, России!» — Невольно вспомнил я песню затворника: «Эх, товарищи, должны расстаться мы», когда-то великолепно исполняющуюся Шалапиным. Остающийся в тюрьме жалеет, что некому послать ему поклон, так как давно лишился близких и друзей, но затем вспоминает кому нужно поклониться и воодушевляется: «Поклонитесь Волге, матушке, реке. Да кабатчику в царевом кабаке!». С широким размахом русского веселья заканчивает он сначала унылую песню. О такой же неудовлетворенности американской жизнью говорили и другие эмигранты, служащие в банковских и других конторах, люди не рабочего класса, иногда очень хорошо обеспеченные... Таким же образом отзывались и выходцы из Сербии: «Да, заключает автор, привычки детства и юности настолько въедаются в психику человека, что ни

время, ни самые благоприятные, но несогласные с этими привычками условия не могут коренным образом изменить физиологические навыки детства и юности, на которых строится дальнейшее развитие каждого человека. Я, конечно, говорю об эмигрантах добровольцах, — оговаривается В. А. Стеклов — которым нет необходимости скрывать или извращать свои мысли и чувства, а не о тех, которые по «чужой или доброй воле», покинув Россию после революции, потеряли возможность обратного возвращения... Даже старик француз, выписанный сыном, составившим в Америке крупное состояние, жаловался В. А. Стеклову, что он попал в тюрьму: «Свобода существует только во Франции...» «Та-же самая история, добавляет автор».

В. А. Стеклов отмечает, что повсюду и в Европе и в Америке можно уже обходиться с русским языком, всюду велик интерес к русской культуре. Недостатки и достоинства западной культуры он описывает совершенно беспристрастно, в пути быстро схватывает штрихи нового быта. Не скрывает он и отрицательных сторон академической жизни современной России. Так, последняя работа скончавшегося в 1919 г. акад. А. М. Ляпунова «о формах равновесия вращающейся неоднородной жидкости», работа, которая должна заставить заграничных ученых пересмотреть свои учения, выпущена была только к юбилею Академии осенью 1925 г. В тяжелом положении находилась Академия с производством закупок за-границей необходимых для нее инструментов, пособий и т. д. Но по другому поводу он должен признать, что противоположное русской богатство внешней обстановки канадских университетов пока не соответствует высоте их научной деятельности...

Очень советуем читателю самому ознакомиться с книгой В. А. Стеклова.

Д. Лутохин.

Государственный институт для усовершенствования врачей — имени В. И. Ленина в г. Казани. 1920—1925 г. Под редакцией директора Института пр. Р. А. Лурия, проф. Е. М. Ленского, пр. А. Н. Тимофеева и пр. М. О. Фридланда. Казань, 1925 г. стр. 272. in. 4° с иллюстрациями в тексте. Издание Института, 1,000 экз.

Государственный Институт для усовершенствования врачей в Казани возник в 1920 году и является вторым по счету учреждением подобного типа в России, первым была Петербургская клиника, носившая ранее имя Елены Павловны. За время войны и особенно войны гражданской качественный уровень высшего образования у нас понизился — и особенно в области медицины. В то же время число высших школ и в частности медиц. крайне возросло — и обнаружило острый недостаток в преподавательских силах. Учрежденный в Казани институт имеет целью дать врачам возможность дальнейшего совершенствования и подготовить новые кадры профессуры. Изданная институтом книга рисует его работу за первые 5 лет. Книга распадается на следующие отделы: История возникновения Института, его организация и деятельность. Деятельность клиник и кабинетов института — (Авто-) рефераты научных работ сотрудников института. Этот последний весьма показательный отдел занимает треть сборника.

Сборник является иллюстрацией того, что и в настоящее время даже в столь разоренном голодом крае, как Татарская республика — культурная работа и культурное творчество возрождаются и стремятся ответить на запросы жизни.

Д. Гр.

Систематический указатель статей, помещенных в Воле России 1925 г.

РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ, СТИХОТВОРЕНИЯ.

- Аполлинэр Г. Пражский прохожий (рассказ) — 5.
Бальмонт К. Стихи — 2.
Болеслае Н. Стихи — 11.
Ванчура В. Из книги «Течение Амазонки» — 6.
Данилов Ю. Клим Семенович Барынькин (повесть) — 7, 8, 9, 1.
Каллиников И. Опустошение (повесть) — 4, 5.
Леонов Л. Петушихинский пролом (повесть) — 1, 2.
Люнель Б. де-Верный Иаков (сатира) — 6.
Нечитайлов В. Старо-болгарские песни — 4, 9, 10.
Постникова С. Детство в Киеве — 7, 8.
Пруст М. Смерть Альбертины — 11.
Рафальский С. Планетарит (поэма) — 11.
Ремизов А. С огненной пастью (роман) — 1, 2, 3.
Семенов С. Стихи — 11.
Туринцев А. Конница — 11.
Цветасва М. Полотеры — 1.
Цветасва М. Аля — 2.
Цветасва М. Из юношеских стихов — 3.
Цветасва М. Крысолов (лирическая сатира) — 4, 5, 6, 7, 8, 12.
Цветасва М. Герой труда (записи о Валерии Брюсове) — 9, 10, 11.
Шаховской Д. Три стихотворения — 12.
Эбергард И. В горячей тени Ислама (рассказы) — 7, 8.

ВОСПОМИНАНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ПР.

- Безпалов Н. «Лубянка» — 1.
Документы о декабристах: Донесение Шервуда, Донесение и дневник С. Николаева, Казнь декабристов по рассказу очевидца — 12.
Климушкин П. Аграрное движение в 1917 году — 2.
Коршунов А. Что я видел в Болгарии — 7, 8.
Лазарев Е. Дела минувших дней — 3, 4, 5.
Масарик Т. Г. Из моих воспоминаний (приезд в Россию) — 9, 10.
Недзельский Е. Мемуары лагерей — 5, 6.
Палоушек Я. Масарик и чехословацкое революционное движение в России — 5.
Россель Л. Памяти С. Н. Слетова — 6.
Р. В. Содержание одной старой повести (биография Е. Лазарева) — 5.
Ю. Д. Как я была городским головой — 4.
Чернов В. Две недели в Польше — 1.
Чернов В. Страницы из жизни А. Чуковского — 2.
Чернов В. Неделя в Финляндии — 6.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА, ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ.

- Аратов Б. В стране «живого Будды» — 9, 10.
 Архангельский В. Средний человек о христианстве и культуре — 2.
 Архангельский В. О религиозном фронте эмиграции — 12.
 В. А. Что читает эмиграция — 9, 10.
 В. А. Провокация среди декабристов — 12.
 Гуревич В. О сборниках «На чужой стороне» — 1.
 Дьяболо. Новый Победоносец — 7, 8.
 Елинек Г. Письма о чешской литературе (Братья Чапеки) — 1.
 Лебедев Вл. Изабелла Эбергард — 7, 8.
 Мельникова-Папоушек Н. Ф. Леонид Леонов — 1.
 Мельникова-Папоушек Н. Ф. О камерном театре — 3.
 Мельникова-Папоушек Н. Ф. Творчество Л. Сейфуллиной — 4.
 Мельникова-Папоушек Н. Ф. Россия (из книги о «Блоке») — 7, 8.
 Милославский П. Русская книга за рубежом в 1924 г. — 2.
 Милославский П. Небрежная любовь — 6.
 Милославский П. Друзья русской книги — 9, 10.
 Милославский П. Как живут и работают писатели в России — 11.
 Милославский П. Литература о декабристах в Советской России — 12.
 Постников С. По поводу (о «Русском Современнике») — 1.
 Постников С. «Красная Новь» — 3.
 Постников С. «Современные Записки» — 5.
 Постников С. «Печать и революция» — 9, 10.
 П. Литературный конкурс «Звена» — 9, 10.
 Репейников Ф. Культурная тоска (письма Салтыкова-Щедрина) — 3.
 Слоним М. Литературные задворки — 1.
 Слоним М. Литература эмиграции — 2, 4.
 Слоним М. Романы Алданова — 6.
 Слоним М. Альманах «Круг» — 7, 8.
 Слоним М. Голубые города (советская беллетристика) — 11.
 Слоним М. Предтечи и потомки (о декабристах) — 12.
 М. Сл. Последние стихи Брюсова — 2.
 М. Сл. Альманах «Ковш» — 6.
 М. Сл. «Блатной язык» — 9, 10.
 М. Сл. Альманах «Прибой» — 11.
 М. С. По новым книгам (Бабель, Есенин, «Красная Новь») — 12.
 Рубакин Н. Рукописи Шервуда и Николаева — 12.
 Столпник Книжки о Блоке — 11.
 Ульянов Н. Белый уголь — 2.
 Ульянов Н. Из хроники науки и техники — 4.

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

- Аратов Б. Троцкий об «октябре» — 1.
 Грилич. Берут под надзор — 3.
 Даманская А. Эмиграция французской революции — 12.
 Кочаровский К. Образцовые общины — 11.
 Кочаровский К. Новое познание народа — 11.
 Лебедев Вл. Славянский мир — 1.
 Лебедев Вл. Армия последней реакции — 2, 4.
 Лебедев Вл. Эмиграция и Россия — 11, 12.
 Лутохин Д. Экономическая литература в России — 1.
 Новиков С. Земгор в Белграде — 4.
 Орлушин П. Нефть как политико-экономический фактор — 6.
 Орлушин П. Нефть в распоряжении советской власти — 11.
 Пешехонов А. К вопросу о социальной природе крестьянства — 4.
 Пешехонов А. Родина и эмиграция — 7, 8, 9, 10, 11.
 Репейников Ф. Лицо революции — 4.

- Репейников Ф. У истоков жизни (половой вопрос в России) — 1.
 Сталинский Е. Буржуазная или трудовая революция — 1.
 Сталинский Е. Оценки большевизма (Каутский, Дан) — 2.
 Сталинский Е. Русская революция и западная эволюция — 4.
 Сталинский Е. «Перерождение большевизма» — 6.
 Сталинский Е. На международном фронте большевизма — 11.
 Сталинский Е. На внутреннем фронте большевизма (советская демократия) — 12.
 В. Сухомлин Политические заметки — 1, 3, 6.
 В. Сухомлин Победителей не судят — 7, 8.
 В. Сухомлин «Эсеровские путаники» и меньшевистский ясновидец — 9, 10.
 Шрейдер Г. К вопросу об изучении заграничной жизни — 1.
 Шрейдер Г. Лицом к деревне — 3.
 Шрейдер Г. Отмирание советов — 5.
 Шрейдер Г. Реставрация Колупаева и «социалистическое накопление» — 6.
 Чернов В. Историк или истерик (о С. Мельгунове) — 3.
 Чернов В. Мир, меч и мир (Ильин, Бердяев и др.) — 7, 8.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ.

- Брейтшайд Р. Локарно и германская социалдемократия — 11.
 Бласко Ибаньес. Разоблаченный Альфонс XIII — 1, 2, 4, 5.
 Б. С. Социализм в Чехословакии — 2.
 Ванг-Чунг-Ху Новый Китай — 6.
 Голувко Т. Вопрос о русском национальном меньшинстве в Польше — 4.
 Зибборди Д. Фашизм на ущербе — 2, 3.
 Зибборди Д. Судьбы фашизма — 9, 10.
 Кочеткова З. Социалистическое воспитание масс в Бельгии — 7, 8.
 Масарик Т. Новая Европа — 3.
 Масарик Т. Ян Гус и чешская реформация — 7, 8.
 Минахорян В. «Через труп целого народа» — 2.
 Олар А. Жорэс и экономический материализм — 3.
 Свейторжецкий Р. Политические партии Финляндии — 11, 12.
 Сталинский Е. Политика французских социалистов — 3.
 Сталинский Е. От Гамбурга до Марсея — 9, 10.
 Тома А. Пример Масарика — 3.
 Хондакарьян А. Восстание в Курдистане — 4.
 Штребель Г. Борьба за власть в Германии — 1.
 Штребель Г. После избрания Гинденбурга — 5.
 Цаликов А. Борьба турецких партий — 2.
 Янниос Н. Политическая, экономическая и рабочая Греция — 6.
 Янниос Н. Греческие события — 7, 8.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ РОССИИ.

- Аноним Советские анекдоты — 2.
 Булатов П. Дела и люди наших дней (систематические обзоры русской жизни) — 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10.
 Вяткин Д. Советская ссылка — 5.
 Ивицкая Д. Половое развращение детей в России — 2.
 Нерадов Б. Как учат в Киеве — 2.
 Советский Гражданин. Крым после Врангеля — 3.

РЕЦЕНЗИИ.

- П. О. АФАНАСЬЕВ: Активно-трудовой метод обучения (А. Павлов) — 1. Проф. В. А. ВАГНЕР: Этюды по сравнительной психологии (А-ч) — 1. Вест С.С.С.Р. на 1924—1925 г. — 6. (А-ч). И. ГАЛАКТИОНОВ: Беседы

наборщика (А-ч) — 5. З. Н. ГИППИУС: Живые лица (Н. Мельникова-Папоушек) — 11. И. М. ГРЕВС: Кровавая свадьба Буонделльмонта (Д. Л.) — 11. Г. А. ГОРНФЕЛЬД: Боевые отклики на мирные темы (М. С.) — 7—8. М. ГОРЬКИЙ «Рассказы» (Д. Лутохин) — 4. С. ГРИГОРЬЕВ: Смешком за смертью (Столпник). — 7—8. Ген. Ю. Н. ДАНИЛОВ: Россия в мировой войне 1914—15 г.г. (Н. В.) — 3. УЛЬЯМ ДЖЕМС: Введение в философию (А-ч) — 1. Донская Летопись (Е. Донской) — 1. Достоевский о Бесах (С.) — 3. «Друзья Пушкина» (А-ч) — 4. «Записи прошлого» (А-ч). — 5. Е. ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ: Русский театр начала XX века (Н. Мельникова-Папоушек) — 6. Из дневника Пуришкевича (Дьяб.) — 1. КАУЦКИЙ. Сущность христианства (В. А-ский) — 12. А. Ф. КОНИ: Юбилейный сборник (Столпник) — 4. Книжная торговля (Д. Лутохин) — 11. Ленинский сборник (А-ч) — 6. Литературная Мысль (Д. Лутохин) — 12. Логос. (Д. Л.) — 6. ЛЬЮИС: Мартин Арроусмит (Столпник) — 12. О. МАНДЕЛЬШТАМ: Шум времени (Столпник) — 5. КИЗЕВЕТТЕР: Театр (Мельникова-Папоушек) — 5. Г. МОРОЗОВ: Учение о лесе (Д. Градарев) — 9—10. Музей революции (П. Милославский) — 12. Бар. Б. Э. НОЛЬДЕ: Петербургская миссия Бисмарка (Дипломатикус) — 2. А. НЕВЕРОВ: Ташкент (Д. Лутохин) — 7, 8. Падение царского режима по материалам чрезв. комиссии Вр. Правительства (Дьяболо) 2. Рассказы о Пушкине (А-ч) — 7, 8. С. РОДОВ: Антология пролетарской литературы (П. М.) — 9, 10. А. Н. САВИН: Лекции по истории английской революции (Ф. Р.) — 5. Сборник, посвященный 70-летию ак. И. П. Павлова (Д. Лутохин) — 5. С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ: Преображение. (Д. Лутохин) — 7, 8. Ник. СНЕСАРЕВ: Кирилл Первый Император (Ф. Р.) — 6. Н. СОКОЛОВ: Конец Романовых (Н. Воронович) 3. СУХОВ: Иудаизм и христианство (В. А-ий) — 12. Сборник «Путь» (В. А-ий) — 12. Л. ТИХОМИРОВ: Плеханов и его друзья (Д.) — 9, 10. Константин ФЕДИН: Города и годы (Н. Мельникова-Папоушек) — 9, 10. Акад. А. Е. ФЕРСМАН: Новые центры новой науки (Д. Л.) — 5. Дж. ХОРАБИН: Очерк ист. эконом. географии мира (Д. Градарев) — 7, 8. О. ЧАЯНОВА: «Торжество муз» (Н. М. П.) — 2. А. А. ЧЕХОВ: Затерянные произведения (Д. Лутохин) — 7, 8. В. ЧЕРНОВ: Конструктивный социализм (Н. С. Русанов) — 4. Проф. Ф. ШНЕЕРСОН: Дети-друзья (А. Павлов) — 1. Проф. В. М. ШТЕЙН. Развитие экономической мысли (Д. Л.) — 1. Книжный указатель изданий, выпущенных на русском языке за пределами России в январе—октябре 1925 г. — 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Изд. „ПЛАМЯ“

I. ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

	\$		\$
Алексеев Н. Н. Основы философии права	0.90	„Логос“. Международный ежегодник по философии культуры. Кн. первая	2.40
Булгаков Вал. Толстой — моралист	0.17	Лопатин П. М.: Лекции по ист. нов. философии	0.30
Введенский А., проф. Философские очерки	0.90	Лосский Н. О., проф. Обзоры задач по логике	0.60
Лапшин И. И., проф. Философия изобретения и изобретение в философии:		Спекторский Е. В. Христианство и Культура	1.80
вып. I	0.75	Ученые записки. Т. I. вып. I. Философские знания	0.75
вып. II	1.50		

II. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бланк Р.: Иуда Искарот в свете истории	0.18	Мельгунов С. П. Дея и люди Александровского времени	1.50
Биццлли П. М. Очерки теории исторической науки	1.80	Мельгунов С. П. Первые уроки истории. — Древний Восток	0.90
Вернадский Г. В., проф. Очерк истории права Русского Государства	0.45	Нидерле Любор, проф. Быт и культура древних славян	1.50
Головин Н., ген. Из истории кампании 1914 г. (прилож. 14 карт)	3.60	Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859—1862 гг.	1.65
Дени Э., проф. Возрождение Чехии	0.75	Платонов С. Ф., акад. Борко Годунов	0.60
Лаппо И. И., проф. Западная Россия и ее соединение с Польшей	0.60	Платонов С. Ф., акад. Омутное время	0.60
Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины 17—18 вв., т. I, вып. I	1.50	Платонов С. Ф., акад. Учебник Русской истории, ч. I	0.90
т. I, вып. II	1.65	ч. II	0.75
т. I, вып. III	1.35	Ученые записки. Т. I, вып. II Исторические и филологические знания	1.05
		Шмурло Е. Ф., проф. Введение в русскую историю	0.90

III. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ВЕЩЕТИСТИКА

Аверченко А., Шутка Мецената. Юмористический роман	0.75	Гиппиус Зинаида. Живые лица. Вып. II	0.60
Аверченко А. Рассказы циника	0.93	Гончаров И. А. Обрыв, тт. I и II	1.68
Е. Анчиков проф.: Западные литературы и славянство ч. I.	0.45	Дюгамель: Цивилизация и др. рассказы	0.30
Бальмонт К. Д. Где мой дом? Очерки	0.36	„Ковчег“. Сборник Союза Русских Писателей и Журналистов в Чехословакии. Книга первая	0.75
Бальмонт К. Д. Мое — Ей. (Стихи)	0.40	„Никодим Павлович Кондаков“. Сборник статей	0.25
П. Биццлли проф.: Этюды о русской поэзии	0.75	Ляцкий Е. А., проф.: Роман и жизнь. (Биография И. А. Гончарова по нов. дан.)	2.55
Гиппиус Зинаида. Живые лица. Вып. I	0.60	Ляцкий Евг.: Тундра, ром. часть I. часть II.	0.60

	\$		\$
<i>Мережковский Д. С. Тайна</i> трех.	1.20	<i>Достоевский Ф. Нечотка Не-</i> <i>званова. (Распродано)</i>	0.30
<i>Мережковский Д. С. Рождение</i> <i>богов. Тутанкамон на</i> <i>Крите. Роман</i>	0.75	<i>Каррик В. Сказки-картинки —</i> <i>шесть книжек по</i>	0.08
<i>Мякотин В. А.: А. О. Пушкин</i> <i>и декабристы</i>	0.18	<i>Каррик В. Сказки-картинки —</i> <i>в одном томике</i>	0.24
<i>Ремизов А. М.: Эга. Рассказы .</i>	0.93	<i>Короленко В.: Письма к Луна-</i> <i>чарскому</i>	0.06
<i>Розенберг В. А.: Из истории</i> <i>русской печати</i>	0.75	<i>Мельникова-Папоушкова Н. Ф.:</i> <i>Антология русской поэзии</i> <i>XX в., ч. I</i>	0.27
<i>Русская зарубежная книга.</i> <i>Вып. I-й. Ч. I и II</i>	0.90	<i>То же, ч. II. Новая поэзия .</i>	0.36
<i>Толстой Л. Л., гр.: В Ясной</i> <i>Поляне</i>	0.17	<i>Пушкин А. Капитанская дочка .</i>	0.30
<i>Тэффи Н.: Вечерний день. Рас-</i> <i>сказы</i>	0.45	<i>Пушкин А. Дубровский</i>	0.24
<i>Францев В. А.: Державин у</i> <i>славян</i>	0.90	<i>Пушкин А. Зорно Годунов . . .</i>	0.17
<i>Форслунд К. Э.: Зунзунг и Зин-</i> <i>гилла. Романы из жизни</i> <i>животных</i>	0.36	<i>Пушкин А. Пиковая дама . . .</i>	0.09
<i>Цылыкаты А.: Брат на брата, роман</i>	0.90	<i>„Русские народные сказки“:</i> <i>Том. I, с многочисленн. ри-</i> <i>сунками</i>	0.17
<i>Цветаева Марина. Молодец</i> <i>(Сказка)</i>	0.54	<i>„Русские народные сказки“:</i> <i>Том II, с многочисленн. ри-</i> <i>сунками</i>	0.18
<i>Чапек К.: R. U. R.</i>	0.60	<i>Салтыков-Щедрин М. Сказки I</i>	0.09
<i>Шмелев И. С.: Неупиваемая ча-</i> <i>ша и др. рассказы</i>	0.60	<i>Салтыков-Щедрин М. Сказки II</i>	0.09
<i>Вестфаль Ларисса: В чужой</i> <i>стороне... (стихи)</i>	0.30	<i>Сказка о Жар-Птице (Изданье</i> <i>с ударениями)</i>	0.05
<i>Гаршич В.: Надежда Никола-</i> <i>евна</i>	0.24	<i>Соколов В. Митеж или искание .</i>	0.54
<i>Гоголь Н. В.: Страшная месть .</i>	0.12	<i>Тургенев И. Рудин</i>	0.19
		<i>Тургенев И. Вирюк. Пожар на</i> <i>море</i>	0.07
		<i>Чехов А. Вишневый сад</i>	0.18

IV. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ПОЛИТИКА

<i>Водозовов В. В. Новая Европа</i>	3.30	<i>Право Советской России.</i>	
<i>Гертнер Ф. О. О деньгах и</i> <i>обесценении денег</i>	0.55	<i>Оборник статей. Вып. I</i>	2.25
<i>Головин Н. Н., ген. Тихоокеан-</i> <i>ская проблема в XX сто-</i> <i>летия</i>	1.05	<i>Вып. II</i>	2.10
<i>Дионео: Англия после войны .</i>	0.75	<i>Радль Э., проф. Т. Масарик, его</i> <i>жизнь, общественная и на-</i> <i>учная деятельность</i>	0.27
<i>Косинский В. А. Основные тенден-</i> <i>ции в мобилизации земельной</i> <i>собственности</i>	3.30	<i>Тотомианц В., проф. Коопера-</i> <i>ция в России</i>	0.55
<i>Масарик Т. Г. О большевиках</i>	0.18	<i>Ученые записки. Т. I, вып. III.</i>	
<i>Масарик Т. Г.: Мировая революция</i> <i>(Воспоминания) т. I</i>	1.00	<i>Общественные знания</i>	1.35
<i>Мельгунов С. П. Красный тер-</i> <i>рор в России, 1-ое, 2-ое</i>	0.90	<i>Циммерман М. А. Очерки но-</i> <i>вого международного права .</i>	1.50

V. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ, ТЕХНИКА И ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ

	§		§
Вальден П. И., О хим. элементах	0.90	Одинцов Е. Н., профес. Орг. вещ.	
Головин Н., ген. Танки в ми-		почвы и их влияние на плодо-	
нувшую войну и будущую	0.60	родие почвы. № 3—4	0.60
Классен Ф. Г. Технология рыб-		Стратонов В. В., проф. По	
ных продуктов	2.40	небесному океану	0.30
Лепешкин В. В., проф.: Орга-		Стратонов В. В., проф. Днев-	
низмам о точки зрения физики		ное светило	0.36
и химии, № 1	0.30	Стратонов В. В., проф. Зем-	
Маркуев С. В. Нач. основания		ной шар	0.36
математ. анализа	1.05	Стратонов В. В., проф. Дви-	
Новиков М. М., проф. и Шкаф		жения воды	0.45
Б. А., прив.-доц. Невиди-		Ученые записки. Том II,	
мые друзья и враги живот-		вып. I. Математические зна-	
ного организма, № 2	0.30	ния	3.30
		Эрисман, проф. Мыслят ли	
		животные?	0.15

VI. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, УЧЕБНИКИ

О. Білоусенко: Вінок, читанка друга	0.50	Морковин Б. В. Первая книга	
Буттер О. и Доразил В. Чеш-		для чтения „Наша Речь“	
хословацкая Республика		(изд. с ударениями)	0.18
(распродано)	1.65	Русский букварь по Вахтерову:	
Восславский календарь „Пламя“		Изд. 2-ое, с ударениями	0.18
на 1926 г. III издание	0.50	Фан-дер-Флит А. П., проф.	
Карцевский С. П. Русский язык.		Арифметика приближенных	
Грамматика. Ч. I.	0.42	чисел	0.20
Морковина В. В. Чешско-рус-			
ский словарь	1.35		

VII. ИСКУССТВО

„Артисты Московского Худо-		„Народное искусство Подкар-	
жественного Театра за ру-		патской Руси“. Текст С. К.	
бежом“	1.20	Маковского. Художествен-	
Эпско-Боровский Е. В. Рус-		ное издание со множеством	
ский театр начала XX в.	1.95	многоцветных и автотип.	
Кизветтер А. А. М. С. Щеп-		иллюстр. на бумаге „Ша-	
кин	0.60	мов“. Русское издание	17.40
Кундера. Чешская музыка	0.03	Чешское издание	17.40
Маковский С. К. „Силуэты рус-		Английское издание	17.40
ских художников“	1.20	Французское издание	17.40

КОМПЛЕКТЫ

КОМПЛЕКТЫ

СЛАВЯНСКОЙ КНИГИ №№ I-XII

с Книжным Указателем.

За 1925 год.

12 номеров

Цена § 1.20

С пересылкой § 1.25

„Plamja“ Praha II., Ječná č. 32

Количество комплектов ограничено!

ВСЕ ДЛЯ УХОДА ЗА КРАСОТОЙ!

Брошюра „Природный уход за красотой“

Фирма

ЛАВЕЦКИЙ и Ко

Praha II., Václavské nám. 6.

Косметические препараты мировой марки:

„КЛИТИЯ“

(пудра, крем).

Отделения: Praha II., Žitná 42, Ulice 28.
Mjlna (угол Народной), Revoluční tř. (против
почты).

Брошюру и советы бесплатно. Корресп. порусски.

Книжная новинка! Брошюру: «Справочная книжка для Рус. в Чехословакии», в кот. также помещены условия посылки в Россию, что и в каком количестве можно посылать, также список фирм, предоставляющих скидку при составлении почт. посылки — можно выписать. Адресуя: Praha X Pošta zn: „Zásilky č. 497“. Praha II Panská 16. „Dul“ zn. D. 497. Цена 3-80 Кч.

Пудра „Клития“ — чудо столетия. Русские дамы, пользовавшиеся пудрой „Klytia“ хоть раз, навсегда останутся ее постоянными, верными поклонницами.

„Revue modéles“ иллюстр. дамский журнал который с января 1926 г. начала издавать солидная пражская фирма: Модный дом Шиллер. Для получения журнала достаточно сообщить адрес открытым письмом.

Корресп. можно на рус. яз.

HOTEL BERÁNEK PRAHA

СЛАВЯНСКИЙ ОТЕЛЬ

— БЕРАНЕК —

ПРАГА - ВИНОГРАДЫ

ТЫЛОВА ПЛОЩАДЬ

200 мм КОМФОРТАБЕЛЬНО 200 мм
ОБСТАВЛЕННЫХ

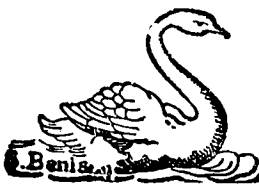
ЦЕНТР РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

КАФЕ РЕСТОРАН

ЗАЛЫ ДЛЯ СОБРАНИЙ, СВАДЕБ,
ТОРЖЕСТВ И ПРОЧ.

KAVÁRNA BERÁNEK.

Наилучшее чешское перо

по почти 1 кило
оврого хор. по-
лудр. 18 к. ч.,
дровое 22 к. ч.,
бел. пушист. др.
перья 28, 35, 40,
50 к. ч., вежный
пух от 60, 70, 80
к. ч. Готовые пе-
рипы на 140, 160,
180, 240 к. ч. По-

лушки 80/60 см. на 38 к. ч. до 45, 60, 70, к. ч.
Посылка наложн. платеж., неоправившиеся мож-
но обменять или деньги возвращ. Большой префе-
куррант **бесплатно.**

S. BENIŠ, Praha-Vinohrady
Kramerijská ul. č. 26/414 Čechy

Главный Представитель. отдела объявле-
ний журнала «В.Р.» в Праге — И. Д. Долин

SCHILLER

Žádejte

právě vyšlý № 2-й журнала

Revue modelů

**Roční předplatné
Kč 12-20 včetně porta**

СОДЕРЖАНИЕ № 2:

Подробный префе-куррант «БЕЛОЙ НЕДЕЛИ»
торг. дом ШИЛЛЕР.

Vychází měsíčně

Módní dům

Schiller akc. spol.

Praha I., Na Příkopě 7-11.

STRIDONAL

является наилучшим препаратом
по уходу за волосами и для
мытья головы.

„STRIDONAL“

изготовлен

ДОМОМ ГИГИЕНЫ ВОЛОС В ПРАГЕ

„Centana“ Praha II., Ul. 28, Mjlna č. 8.

Флакон в ориг. упаковке 18 к.ч.

Наилучший из всех

SANTAL MONAL

AU BLEU DE METHYLENE

Радикальное и быстрое лечение
SANTAL MONAL признан всеми врачами жира.
Лаборатория Monal, Paris 20. rue Vienne. Продажа
в Праге, аптека Schnöblinova, Praha I. Mléč nám.
и во всех аптеках. — Заказы исполняются почтой.
Цена коробки с 50 капсулями — 25 кч.

„ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ“

КНИГА I.

СОДЕРЖАНИЕ. 1. От Редакции. — 2. А. Н. Челинцев. Помещичье хозяйство в России перед революцией. — 3. К. Р. Кочаровский. Выходы из общины. — 4. Сергей Маслов. Аграрные преобразования в послевоенной Европе. — 5. А. В. Пешехонов. Современная Россия в цифрах. — 6. Гр. И. Шрейдер. Перевыборы Советов. — 7. В. П. Клонов. Объединения производителей картофеля в Чехословакии. — 8. А. Н. Челинцев. Сельскохозяйственная кооперация в России в 1925 году. — 9. Библиография. — 10. Хроника Института. — 11. Объявления. — Стр. 272. ЦЕНА: 25 к. ч.

КНИГА II.

СОДЕРЖАНИЕ. 1. А. В. Пешехонов. Динамика крестьянства за время революции. — 2. А. Н. Челинцев. Помещичье хозяйство в России перед революцией. — 3. Виктор Чернов. «Черный передел» 1918 г. — 4. К. Р. Кочаровский. Обобществление сельского хозяйства в России. — 5. Гр. И. Шрейдер. От самоуправления к советам. — 6. Сергей Маслов. Аграрное законодательство современной Европы. — 7. Сергей Рафальский. Сельскохозяйственные коллективы Советской России. — 8. Гр. И. Шрейдер. Жилищный вопрос в Советской России. — 9. Д. А. Лутухин. Земельный вопрос в деятельности Временного Правительства. — 10. И. П. Попов. Аграрный вопрос в Болгарии. — 11. Библиография. — 12. Хроника Института. — 13. Объявления. — Стр. 424. ЦЕНА: 40 к. ч.

Адрес Редакции: Praha II. Panská 16.

Склад изданий: «Plamja», Praha, Ječná ul. 32.

6-ой год издания

6-ой год издания

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ 26-ая КНИГА

общественно-политического и литературного журнала

„СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ“

Издаваемого при ближайшем участии:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, В. В. Руднева.

СОДЕРЖАНИЕ.

Л. Н. Толстой: «Казак». — И. А. Бунин: Цикады. — И. С. Шмелев: На пенях. (Рассказ бывшего.) — А. М. Ремизов: Труддевертир. — По «бедовому» декрету. — Б. К. Зайцев: Алексей боний человек. — А. Герцын: Стихотворение. — В. Ф. Ходасевич: Звезды. — Н. А. Оцуп: Двадцатый год (Отрывки из поэмы). — Д. С. Мережковский: 1925—1925. — М. А. Алданов: Сперанский и Декабристы. — М. О. Цейтлин: О 14-м декабря. М. И. Цветаева: Мои службы. — П. П. Муратов: Кинематограф. — Ф. А. Степун: Литературные заметки («Тонкий и чуткий» г. Воронский). — К. Р. Кочаровский: Будущее общины. — Е. Д. Кускова: Об утопиях, реальностях и загадках. — М. В. Вишняк: На родине и на чужбине (Пятилетние итоги). — В. Н. Талин: Господин Уронкай. — Культура и Жизнь. — В. Ф. Ходасевич: Пролетарские поэты. — Ст. Иванович: О резервах социализма. — Г. Д. Гурвич: Большевизм и замирение Европы. — Критические и библиографические статьи и заметки Ф. Степуна, Ст. Ивановича, Кн. Д. Святополь-Мирского, А. А. Кизеветтера, Г. Д. Гурвича, И. П. Демидова, Е. Д. Кусковой, В. В. Руднева, Д. М. Одинца, В. Ф. М. — Указатель к напечатанному за пятилетие 1920—1925 гг. в №№ 1—26 СОВРЕМ. ЗАПИСОК.

Редакция и контора: Paris (XVIe). 9 bis, rue Vineuse.

Генеральное Представительство: «Plamja», Ječná 32, Praha II.

Для Германии: «Rodina». Berlin, W. 50 Regensburgerstrasse 13.

Для Франции: «La Source». Paris (XVIe). 9 bis, rue Vineuse. Tél. Parysy 89—61.

ЦЕНА КНИГИ 20 ФР., 1 АМЕР. ДОЛЛАР, 34 ЧЕШСК. КРОН.

5-ый год
издания

СТАРЕЙШИЙ

5-ый год
издания

в эмиграции иллюстрированный
литературно-публицистический и информационный двухмесячный журнал

„ГОДЫ“

издав. ОРЭСО под редакцией

А. А. Валентинова - Ланге, М. С. Ильиновича, Г. Е. Флоринского, Н. А. Червсова.
Обложка кисти И. Е. Репина.

Все отделы журнала будут всесторонне освещать литературную, политическую, рабочую и академическую жизнь во всех странах сосредоточения русской эмиграции в России.
Литературные конкурсы. Анкеты. Премии. Отчеты о литературных судах. Переписка между читателями по вопросу об условиях жизни и труда в различных странах.

В журнале принимают участие: Н. А. Антипов, Аргус, К. Бальмонт, К. П. Бельковский, В. Ф. Благов, Ив. Беленихин, Н. Б. Белогорский, Н. В. Быстров, А. А. Валентинов, С. И. Варшавский, В. И. Власьев, С. А. Водов, А. А. Воеводин, Г. Гребенщиков, А. Н. Ежов, проф. С. В. Завадский, прив.-доц. К. Г. Зайцев, Я. Н. Зеленкин, А. С. Изгоев, Вас. Ильинский, М. С. Ильяшевич, проф. А. А. Кизеветтер, Петр Кожневников, С. Н. Кондаков, С. А. Кречетов, А. И. Куприн, Бор. Лазаревский, Вл. А. Лазаревский, проф. И. И. Лаппо, Вяч. Лебедев, Ив. Лукаш, Анаг. Лунев, Д. И. Мейснер, В. Н. Неандер, Евг. Незабельский, Галина Кузнецова, С. Рафальский, А. Ремизов, Г. Рубанов, С. Я. Савинов, Ив. Савин, И. Я. Савич, И. Г. Сарченко, проф. П. А. Сорокин, Глеб Струве, проф. П. В. Струве, Н. Д. Сургучев, Игорь Северин, Вал. Тарханова, В. Е. Татаринов, Н. Тидеман, А. А. Туринцев, Г. Е. Флоринский, прив.-доц. Г. В. Флоровский, ин. Д. А. Шаховской, С. В. Шпанов, И. А. Червсов, Е. Н. Чириков, ин. Н. А. Чхеидзе, Марина Цветаева, К. К. Цегоев, прив.-доц. М. А. Циммерман, А. А. Яблоновский, Мария Харитонова, А. А. Хитыков, А. Б. Эфрон и др.

Цена: отд. ном. 5 Кр. ч. 6 ном. (за год) 24 Кр. ч., за границей отд. ном. 15 ам. цент.

Гл. контора и редакция: PRAHA II., Roň 24.

Генеральное представительство и склад изданий:

„ПЛАМЯ“ — „PLAMJA“, Praha II., Ječná 32

БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

V Г. ИЗД.

„ДНИ“

V Г. ИЗД.

Выходит ежедневно, кроме послепраздничных дней в Париже.

Специальные
срочные сообщения
из России.

Полная информация
о политической
жизни за границей.

Рабочее
и социалистическое
движение в Европе.

Собственные корреспонденты в крупнейших центрах Европы, Америки и странах ближнего и дальнего Востока.

Хозяйственная жизнь России. — Искусство, театр и музыка в Европе и России.

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ: Большой культурно-литературный отдел.

ПО СРЕДАМ И СУББОТАМ: Особый отдел: «РУССКИЙ ТРУД ЗАГРАНИЦЕЙ», посвященный защите экономических и культурных интересов русских трудящихся за границей.

Открыта подписка на 1926 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Париж — 11, rue Etienne Marcel prolongée, Paris III (chèque postal № 80, 446. Прага — Panská ul. 16 (почт. счет 26,998; банк: Pražská Uvěrní banka, Banka stav. živn. a průmyslu). Берлин — Berlin SW. 68, Lindenstr. 3 (Postscheck-Konto, Berlin 52,698; банк: Disconto-Gesellschaft, Dep. Kasse, Lindenstr. 3). Белград — Filiálka Pražské Uvěrní banky. София — Filiálka Pražské Uvěrní banky.

Объявления принимаются в Гл. Конторе и ее отделениях, и у генерального представителя О-ва «Le Flambeau» 34, Bd. des Italiens, Paris.